

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра иностранных языков

На правах рукописи

ШИРШИКОВА Анна Александровна

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ
ПЕРВИЧНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОГОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор

Комарова Зоя Ивановна

Екатеринбург – 2021 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Теоретико-методологические основы исследования	
категории функционально-синтаксической омонимии	
первичных простых предлогов.....	18
1.1. Общая динамика лингвистической теории омонимии	18
1.1.1. Проблемы лексической омонимии	18
1.1.2. Проблемы грамматической омонимии.....	21
1.2. Предлог в контексте функционально-синтаксической	
омонимии	26
1.2.1. Предлог как объект и предмет лингвистики.....	26
1.2.2. Понятие о функционально-синтаксической омонимии	
первичных простых предлогов.....	39
1.3. К основам функционально-синтаксической омонимии	
первичных простых предлогов.....	40
1.3.1. Синтез структурализма, функционализма и когнитивизма	
как фундаментальное слагаемое исследования.....	40
1.3.2. Категориальный подход к языку как слагаемое	
исследования	49
1.4. Подходы и пути изучения функционально-синтаксической	
омонимии первичных простых предлогов	55
1.4.1. Структурные единицы исследования	55
1.4.2. Семиотические основы изучения предлога как виртуального	
знака и как актуализированного в речи знака	62
1.4.3. Проблема соотношения полисемии и омонимии	
первичных простых предлогов	65
1.5. Принципы и критерии формирования эмпирической базы	
исследования	70
1.5.1. Принципы отбора предлогов для исследования.....	70
1.5.2. Принципы и критерии создания выборки иллюстративного	

материала	72
1.6. Выводы по первой главе	75
Глава II. Анализ категории функционально-синтаксической омонимии	
первичных простых предлогов	79
2.1. Состав и продуктивность первичных простых предлогов	80
2.2. Анализ функционально-синтаксической омонимии первичных	
простых предлогов	83
2.2.1. Вопрос о синкретизме и диффузности семантики предлогов	
и их корреляции с омонимией	83
2.2.2. Омонимия в однопадежных зависимых синтаксемах	95
2.2.3. Омонимия в разнопадежных зависимых синтаксемах	118
2.2.4. Омонимия в глагольных словосочетаниях	123
2.2.5. Омонимия в субстантивных словосочетаниях	133
2.2.6. Омонимия в прототипических высказываниях	141
2.3. Механизм и факторы нейтрализации омонимии предлогов	
в поверхностной синтаксической структуре высказывания	171
2.4. Выводы по второй главе	175
Заключение	181
Библиография	
I. Список научной литературы	185
II. Список словарно-справочной литературы	209
Приложения	
1. Место и роль предлога в системе частей речи в отечественной и зарубежной	
грамматической традиции	212
2. Словарь терминов по омонимике	216
3. Семантико-синтаксические функции первичных простых предлогов	220
4. Омонимия предлогов в разнопадежных зависимых синтаксемах	222
5. Система смыслов/значений и функций предлогов, употребляющихся	
с двумя либо тремя падежами имени	242
6. Предикативные центры прототипических высказываний	268

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена изучению категории функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов¹ (на материале современного русского языка)². Исследование выполнено на основе синтеза трех основных направлений в языкознании: структурализма, функционализма и когнитивизма; на базе лингвистики языка и лингвистики речи, с использованием коммуникативно-деятельностного подхода, что позволило описать форму, семантику и функции первичных простых предлогов для выявления и обоснования сущности изучаемой категории.

Диссертация выполнена по специальности 10.02.19 – Теория языка³, в рамках официально признанной научной школы «Типы знания и их вербализация в языках. Терминология и терминография»⁴.

Степень разработанности проблемы. Омонимы в человеческом языке являются объектом наблюдения и изучения на протяжении более 25 столетий: от античности (Платон, V в. до н.э., и Аристотель, IV в. до н.э.) до наших дней. Однако как феномен языка, заслуживающий особо пристального внимания, омонимия начала пониматься только к середине XX века, когда было осмыслено, что «проблема омонимии должна быть признана одной из самых неотложных и

¹ Так как нами исследуются только первичные простые предлоги, то в дальнейшем описании мы говорим просто о предлоге, подразумевая именно предлоги, относящиеся к данному подклассу.

² Выбор русского языка для изучения поставленной проблемы обусловлен двумя основными факторами: во-первых, **объективными**: 1) флективный синтетический русский язык (с самым высоким индексом синтетичности: 2,33 – 2,45 [Гринберг 1963: 60-94]) с развитой системой словообразования, формообразования, предложно-падежной системой, богатым лексико-грамматическим потенциалом адекватен для решения поставленной проблемы; 2) «природа человеческого языка и его свойства инвариантны для всех конкретных языков и могут быть замечены и показаны на материале немногих (и даже одного) языков» [Березин, Головин 1979: 4; Алпатов 2001: 307, 319; Норман 2004: 5; Попова, Стернин 2004: 4; Гумбольдт 1984; Хомский 1972; Пилых 1994: 5 и др.]; во-вторых, **субъективными**: автор диссертации является носителем именно этого языка, а «у говорящих на родном языке есть сознание тождества или, напротив, омонимии» [Ахманова 2004: 118; Перцов 2001: 12] как бы инстинктивно [Пинкер 2009], что объяснимо, поскольку «глубинные мыслительные действия, их адекватная вербализация в научном дискурсе возможны в том случае, если ученый творит на родном языке» [Перцов 2001: 12; Синельникова 2003: 15].

³ **Формула специальности:** содержание специальности «Теория языка» включает в себя все основные разделы и методы современной лингвистической науки: от введения в специальность до поуровневого рассмотрения внутренней структуры языка. **Области исследований,** релевантные для данной диссертации: разделы 1-7; 10-11 (см. проблематику, обозначенную в первой главе). Высшая аттестационная комиссия. Паспорта научных специальностей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/316>.

⁴ Протокол Президиума РАЕН № 408 от 27.05.2013. См. Список научных школ в направлении «Филологические науки» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.famous-scientists.ru/school/s-9>.

вместе с тем запутанных, очень далеких от решения проблем» [Виноградов 1977 (1967): 289], и когда на базе исследований по лексической и грамматической омонимии знаменательных частей речи в разных языках был накоплен языковой материал¹, позволяющий делать обобщения и начать изучение **грамматической омонимии служебных частей речи**: «Предметом специального изучения должно быть изучение специфических особенностей омонимии в кругу **формальных и служебных слов и частиц**» (выделено нами – *А.Ш.*) [Там же: 294]. Были проведены разрозненные исследования ядерного структурного слова – **предлога**², назначение (функция) которого как части речи – выражать связи слов (О.С. Ахманова, Ш. Балли, В.В. Виноградов, Л. Дурович, С. Карцевский, Е. Курилович, Б. Трнка и др.) как проявления функциональной омонимии [Ахманова 2004 (1957): 160]. Это делает предлоги в высшей степени пригодными для выражения «отношений между полнозначными словами **в предложении**» (выделено нами – *А.Ш.*) [Там же: 68], а потому эти отношения являются синтаксическими [Там же: 71].

Необходимость изучения разных видов грамматической и тем более синтаксической омонимии служебных слов очевидна. У большинства лингвистов нет сомнений в том, что служебные слова в целом и предлоги как таковые играют в языке крайне важную роль, выполняя не только функцию «крепежных деталей, без которых нельзя создать ни одного текста» [Арапов 1988: 25], но и другие функции: «Роль предлогов <...> трудно переоценить. Они служат для организации текста, выполняют строевую функцию, делают текст связным, выражая **отношения между словами**» [Шиганова 2001: 7]. Предлоги, наряду с союзами, частицами и местоимениями, занимают первое место среди наиболее

¹ Омонимия обнаружена не только в общезыковом лексиконе, но и в специальной лексике – терминах: З.И. Комарова (1991, 2008, 2016, 2019 и др.), С.В. Краев (2008), Е.Б. Михайлова (2008), А.В. Синёва (2014), И.С. Волошина (2016), В.Д. Табанакова и И.С. Трифонова (2018) и др.

² Изучением омонимии структурных слов (в том числе предлогов) в новом веке активно занимались лингвисты Института русского языка им. А.С. Пушкина, создавшие под руководством В.В. Морковкина «Объяснительный словарь русского языка» [Морковкин П. ОСРЯ 2003], где объективирована омонимия предлогов и других частей речи (внешняя омонимия предлогов). О внешней функционально-синтаксической омонимии предлогов и ее видах см. [Комарова 1991: 103-104; Комарова, Ширшикова 2017-б: 44-45; Ширшикова 2018: 210-218]. Настоящее исследование посвящено внутренней функционально-синтаксической омонимии предлогов, т.е. омонимии внутри самого класса предлогов.

высокочастотных слов [Виноградов 2001 (1947): 544; Комарова, Краев 2008-б: 83-84], что создает базу для варьирования семантики предлога.

В первые десятилетия текущего века в омонимику введен новый подтип омонимии – омонимия предлога: Г.А. Шиганова (2001), Т.А. Пантелеева (2006), А.М. Чепасова (2007), З.И. Комарова и С.В. Краев (2008), Л.А. Милованова (2009), А.И. Авдина (2014). В этих исследованиях через анализ семантики какого-либо одного первичного предлога, употребляющегося с несколькими падежами имени, утверждается наличие омонимии у данного предлога.

При этом остается неясным, во-первых, является ли омонимия свойством всего подкласса первичных простых предлогов (употребляющихся как с несколькими, так и только с одним падежом имени); во-вторых, какова природа этой омонимии и, в-третьих, каковы механизмы ее возникновения и функционирования в данном подклассе слов.

Полагаем, что ответить на эти вопросы можно, введя в исследование понятие категории функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов, раскрыв ее сущность и описав ее виды. Проблема состоит в том, каким образом первичные простые предлоги, имеющие минимальную форму (от одного до пяти звуков), лишённые номинативности и не являющиеся членами предложения, способны активно участвовать в когнитии и коммуникации, выполняя как синтаксические (релятивные), грамматические, так и целый ряд семантико-синтаксических функций.

Теорию омонимии на всех этапах ее развития мы рассматриваем как предпосылочное знание (термин Е.С. Кубряковой) для данного исследования.

Таким образом, в диссертации как логическое продолжение развития омонимики введена в научный оборот проблема функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов в категориальном освещении.

Актуальность исследования обусловлена рядом основных факторов:

1) необходимостью использования категориального подхода к изучению грамматики, т.к. грамматика становится наукой сегодняшнего дня, если ее

изучать от категории к знаку;

2) слабой разработанностью и дискуссионным характером омонимии предлога и омонимии в целом (в особенности на фоне таких явлений языка, как полисемия, синонимия, антонимия);

3) почти полным отсутствием работ по омонимии на уровне синтаксиса;

4) отсутствием теории и практики изучения категории функционально-синтаксической омонимии подкласса первичных простых предлогов;

5) вышеуказанные факторы подкрепляются актуализацией синтаксической омонимии в связи с необходимостью выявления смыслов синтаксических структур для автоматизированной обработки текстов, создания интеллектуальных компьютерных программ и т.п.

Объектом исследования является категория функционально-синтаксической омонимии подкласса первичных простых предлогов в дихотомии язык $\longleftrightarrow$ речь.

Предмет исследования – форма, семантика и функции первичных простых предлогов в аспекте соотношения их количественных и качественных свойств, что позволяет репрезентировать категорию функционально-синтаксической омонимии предлогов данного подкласса.

Цель исследования – выявить омонимию подкласса первичных простых предлогов и установить специфику данной категории.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) охарактеризовать форму, семантику и функции первичных простых предлогов в аспекте омонимии;

2) установить объективные факторы, обуславливающие возникновение и функционирование омонимии предлогов данного подкласса;

3) определить объем и содержание понятия функционально-синтаксической омонимии рассматриваемых предлогов;

4) выявить критерии соотношения (сходства и различия) омонимии и полисемии предлогов рассматриваемого подкласса;

5) выявить и описать виды (модели) омонимии первичных простых предлогов, бытующие в глубинной структуре языка и репрезентирующие

категорию функционально-синтаксической омонимии данных предлогов;

6) установить механизм и факторы нейтрализации¹ функционально-синтаксической омонимии предлогов данного подкласса в поверхностной синтаксической структуре высказывания;

7) раскрыть значение категории функционально-синтаксической омонимии для естественного человеческого языка.

Отметим, что введение терминированных понятий глубинная структура языка и поверхностная структура языка обосновано пониманием того, что грамматические корни омонимии залегают в глубине языка [Виноградов 1975: 15]. В диссертации данные термины используются с позиции семантического синтаксиса, в котором высказывание рассматривается на двух уровнях: **синтаксическом**, интерпретируемом как поверхностная структура, и **семантическом**, понимаемом как глубинная структура [Гак П. РЯЭ-2003: 457].

Теоретико-методологическая база исследования сложилась под влиянием следующих основных лингвистических концепций:

1) взаимосвязь языка, мышления и сознания (В. фон Гумбольдт, О. Есперсен, Э. Сепир, Л. Талми, Б. Уорф, Л.М. Алексеева, О.А. Алимуратов, В.М. Алпатов, Л.Г. Бабенко, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.Н. Болдырев, Л.С. Выготский, Е.И. Голованова, Е.В. Дзюба, С.Д. Кацнельсон, З.И. Комарова, Е.С. Кубрякова, Л.Г. Лузина, В.А. Маслова, В.Ф. Новодранова, А.М. Плотникова, А.А. Потенба, Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, А.П. Чудинов и др.);

2) антропоцентризм языка, который состоит во включении человека в объект науки о языке (Э. Бенвенист, П. Серио, П. Тейяр, И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.А. Звегинцев, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов и др.);

3) концепция системности языковых единиц как одно из важнейших свойств объективного мира (Ш. Балли, Л. Ельмслев, Ф. де Соссюр, Ю.Д. Апресян,

¹ Терминированное понятие нейтрализация введено в лингвистику фонологами, однако в современном языкознании используется по отношению к единицам разных уровней языка [Ахманова П. СЛТ 1969: 258; Журавлев П. ЛЭС 1998: 328-329]. В нашем исследовании под нейтрализацией омонимии первичных простых предлогов понимается снятие, устранение омонимии в поверхностной линейной синтаксической структуре высказывания конситуацией в результате действия прагматической установки на успешность вербальной коммуникации.

Л.Г. Бабенко, В.Г. Гак, Э.В. Кузнецова, Г.П. Мельников, А.М. Плотникова, В.М. Солнцев, Д.Н. Шмелёв и др.);

4) концепция симметрии/асимметрии языкового знака как один из основополагающих принципов организации языка и асимметричный дуализм языкового знака (В. Скаличка, Ф. де Соссюр, Б. Трнка, В.Г. Гак, С.О. Карцевский, А.В. Кравченко, Г.П. Мельников, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.);

5) теории об антиномии языка и речи (А. Гардинер, Л. Ельмслев, Э. Косериу, Ф. де Соссюр, В.А. Звегинцев, А.А. Леонтьев, Т.П. Ломтев и др.);

6) теории об антиномии вариантности/инвариантности (А. Барентсен, Р.Т. Белл, И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.А. Бондарко, А.Е. Кибрик, Н.В. Крушевский, Е.В. Падучева, Н.В. Перцов, Н.В. Сандалова, М.А. Шелякин, Г.С. Щур, Р.О. Якобсон и др.) для выявления вариантных речевых функционально-синтаксических смыслов предлогов и инвариантных языковых значений;

7) теории об антиномии глубинных и поверхностных структур языка (М. Бейкер, Дж. Лайонз, Н. Хомский, Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, Ю.С. Мартемьянов, Е.В. Падучева, Е.Н. Ширяев и др.) для выявления сферы бытования функционально-синтаксической омонимии;

8) идеология квантитативной и корпусной лингвистики (М.В. Арапов, А.Н. Баранов, Н.Б. Гвишиани, А.С. Герд, Л.Н. Засорина, З.И. Комарова, С.В. Краев, О.Н. Ляшевская, М.Ю. Мухин, В.А. Плунгян, А.А. Поликарпов, В.Т. Титов, Ю.А. Тулдава, А.П. Чудинов, С.А. Шаров и др.);

9) коммуникативно-деятельностный, функциональный подход к языку – речи – речевой деятельности, а также лингвистика речи и речеведение (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, Г.О. Винокур, Н.И. Жинкин, М.Н. Кожина, М.П. Котюрова, А.Р. Лурия, И.П. Сусов, Н.И. Формановская, Е.В. Харченко, В.Е. Чернявская, Л.А. Шкатова, Т.В. Шмелёва и др.) [Комарова, Ширшикова 2017-б: 45-46].

Таковы исходные теоретико-методологические установки, обусловившие основные принципы анализа предлога в аспекте омонимии.

В соответствии с целью и задачами работы и теоретико-методологическими

установками для решения поставленной научной проблемы используется **комплекс синхронных методов, методик и технологий**, в котором основными являются:

- общенаучные методы и приемы, прежде всего, метод моделирования, который используется в двух дисциплинарных (общелингвистических) вариантах: для исследования функционально-синтаксической омонимии в глубинной структуре языка – пропозициональная идеализированная когнитивная модель (ИКМ) Дж. Лакоффа [Лакофф 1988: 12-51]; для анализа поверхностной синтаксической структуры используется функционально-семиологическое моделирование [Болдырев 2014: 197-206];

- частнодисциплинарные лингвистические методы и приемы (методики): комплексный (компонентно-дефиниционный) [Кузнецова 1982; Попова, Стернин 2007: 160-167] с элементами концептуального анализа [Комарова 2013: 465-470; Болдырев 2014: 47, 205] и контекстуально-репрезентативный [Болдырев 2014: 47, 205] для анализа когнитивной семантики предлогов и выявления функционально-синтаксических смыслов/значений предлога в структуре высказывания, словосочетания, синтаксемы; методика оппозиций [Якобсон 1963: 95-105; Перцов 2001: 92];

- общий функционально-репрезентативный анализ [Болдырев 2014: 205] для установления сущности категории функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов;

- описательный метод для репрезентации результатов исследования.

Гипотезой, положенной в основу исследования, является предположение о том, что омонимия подкласса первичных простых предлогов может рассматриваться как функционально-синтаксическая категория, возникающая и бытующая в глубинной структуре языка и нейтрализующаяся в поверхностной линейной структуре высказывания.

В качестве **эмпирической базы** выступает «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ) [Электронный ресурс, www.ruscorpora.ru], назначение которого –

«показать функционирование лингвистических единиц на большом "живом" языковом материале в их естественном окружении – **контексте**» [Герд 2005: 241], откуда методом сплошной выборки было извлечено 100 000 словоупотреблений первичных простых предлогов в высказываниях. А поскольку частотность в квантитативной лингвистике понимается как аналог употребительности [Пиотровский 1977; Тулдава 1987; Поликарпов 1989 и др.], то это означает, что, используя НКРЯ, мы получаем результаты «ранжирования по системной и функциональной значимости исследуемых слов» [Титов 2002: 9], что важно для верификации результатов исследования (см. Раздел 2.1).

Научная новизна работы заключается в том, что в данном исследовании:

- 1) поставлена новая научная проблема в омонимике и предлагается один из возможных путей ее решения;
- 2) выявлены и описаны когнитивно-композитивная семантика первичных простых предлогов и их синтаксические (релятивные) и смысловые функции;
- 3) впервые установлена сущность категории функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов и ее роль в формировании вариантных функционально-синтаксических смыслов и инвариантных языковых значений;
- 4) впервые установлены объективные критерии соотношения (сходства и различия) функционально-синтаксической омонимии и полисемии первичных простых предлогов;
- 5) впервые установлены механизм и факторы нейтрализации функционально-синтаксической омонимии в поверхностной линейной структуре высказывания;
- 6) новизна проблемы потребовала введения ряда авторских терминов-неологизмов: категория функционально-синтаксической омонимии; перекрёстная функционально-синтаксическая омонимия; совмещённая (наложённая) функционально-синтаксическая омонимия двух видов: полностью совмещённая и частично совмещённая; функционально-синтаксические смыслы предлога (см. **Приложение 2**).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученное новое знание по функционально-синтаксической омонимии представляет ценность для дальнейшего развития омонимики, а также уточнения и углубления наших представлений как в теоретической лингвистике (в области функциональной лексикологии, лексикализованной грамматики, ономазиологической грамматики; структурного, функционального, коммуникативного и семантического синтаксиса, теории «скрытой грамматики», трансформациологии, когнитивной лингвистики, речеведения и т.д.), так и в прикладной лингвистике, которая в наши дни все более проблемно ориентирована на теорию языка.

Практическая значимость исследования состоит в возможности широкого использования полученных результатов в самых разных направлениях. Отметим лишь некоторые: 1) в лингводидактике – в оптимизации практики преподавания языка как родного, как неродного и как иностранного, где используется коммуникативно-ориентированный подход в обучении; 2) в лексикографической деятельности не только в традиционной лексикографии/терминографии, где необходимо зафиксировать омонимию и полисемию слов, но и в новых типах словарной продукции: базы данных, базы знаний, машинные фонды языков; в совершенствовании национальных корпусов языков, создании инновационных словарей [Бабенко II. РГП-2002: 9] и т.д.; 3) в переводческой деятельности, особенно в совершенствовании грамматико-переводного метода перевода и его автоматизации, а также в практике так называемого когнитивного перевода и т.д.; 4) в автоматизации работы с текстами в компьютерной и корпусной лингвистике и т.д.; 5) вне отрасли: в информационно-вычислительной технике для автоматизированного распознавания омонимии и полисемии в специальных текстах по любой тематике.

Достоверность и обоснованность результатов исследования определяется, во-первых, тем, что концепция, созданная автором, базируется на научных результатах, полученных ведущими отечественными и зарубежными исследователями (при этом приоритет отдается Пражской школе функционального

структурализма, общетеоретической концепции омонимии академика В.В. Виноградова, отечественной версии когнитивно-коммуникативной парадигмы в когнитивно-семантическом направлении, Уральской школе по типам знания и их вербализации в языках, Уральской семантической школе и проблемной группе «Русский глагол», Пермской школе функциональной стилистики и речеведения, Челябинской школе по предложно-падежной омонимии); во-вторых, большим, объективированным в речевой коммуникации объемом эмпирического материала, извлеченного из НКРЯ; в-третьих, использованием методов сбора и анализа материала, адекватных цели и задачам исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ формы, семантики и функций первичного простого предлога выявил их асимметричную корреляцию, учет которой принципиально важен для данного исследования. Другим основополагающим принципом анализа синтаксических структур и типов (моделей) омонимии является корреляция двух сторон предлога как языкового знака: количественных (ультрачастотность и высокая частотность) и качественных свойств (широкозначность, полифункциональность, отсутствие номинативности, конструктивно обусловленный (интерпретационный) характер семантики, диффузность и континуальность семантики и функций, асимметрия виртуального и актуализированного в речи предлога).

2. Главным объективным фактором, обусловившим возникновение и функционирование омонимии предлогов изучаемого подкласса, является асимметричный дуализм, нарушивший симметрию между простейшей (древней, первичной) формой предлога и его сложной иерархической семантикой и функциями. Это неизбежно и закономерно порождает у асимметричного предлога все универсальные языковые категории, три из которых (полисемия, синонимия и антонимия) считаются эксплицитными; омонимия же, по данным анализа, «скрыта» в поверхностной синтаксической структуре высказывания и выявляется только в глубинной семантико-синтаксической структуре на 2-5 или 3-5 уровнях внутрисловной парадигмы семантики актуализированного предлога (речевая

омонимия), нейтрализуясь у виртуального предлога (языковая омонимия).

3. Дискуссионная проблема поиска критериев разграничения омонимии и многозначности неперспективна в аспекте сущности языка. В данном исследовании реализована идея недискретности полисемии и омонимии, при этом установлено, что основным объективным критерием соотношения их сходств и различий является функционально-синтаксический, который, будучи операциональным, предполагает градуальную шкалу объективных кластерных признаков-критериев. В конкретной ситуации речи под влиянием контекста и полисеманты, и омонимы утрачивают неоднозначность и реализуют только одно позиционно обусловленное значение/смысл.

4. Функционально-синтаксическая омонимия первичных простых предлогов – это такой тип грамматической омонимии, который обусловлен функционированием первичного предлога в строго определенных синтаксических конструкциях речи (синтаксема, словосочетание, высказывание) в глубинной структуре языка. Являясь конструктивно обусловленными, предлоги служат для осуществления ряда синтаксических (релятивных), грамматических и семантико-синтаксических функций на базе семантики данных предлогов.

5. Функционально-синтаксическая омонимия предлогов изучаемого подкласса репрезентируется в трех видах (моделях): перекрёстной, обусловленной наличием как общих, так и одной или нескольких разных сем во внутрисловных и текстовых парадигмах семантики предлогов; полностью совмещённой (или наложённой), возникающей при наложении всех трех базовых текстовых парадигм: обстоятельственной, объектной и атрибутивной; частично совмещённой (частично наложённой), которая возникает при наложении двух определенных текстовых парадигм и имеет ряд разновидностей.

6. Функционально-синтаксическая омонимия предлогов изучаемого подкласса имеет категориальный статус: является основной формой представления концептуализированного знания по данному типу омонимии, формируемого через концептуальный синтез лексических, морфологических и синтаксических концептов. Более значимыми для омонимии являются

многомерные синтаксические концепты (чаще – концепты-релятивы), передающие концептуальное содержание типовых пропозиций (пропозициональные значения) и неязыковые конкретные (ситуативные) смыслы предложения/высказывания. В типологии категорий вид данной категории – грамматическая, а точнее, синтаксическая. По принципу корреляции формы, семантики и функции данная категория: по форме – системно-структурная; по семантике – трехмерная модель (мысле-рече-языковая); по функции – функционально-синтаксическая.

7. Основным механизмом преобразования глубинной нелинейной (иерархической) семантико-синтаксической структуры языка в линейную поверхностную синтаксическую структуру является линеаризация. Линеаризация, будучи сложным, многовекторным и многофакторным механизмом языка в дихотомии «язык – речь», состоит в том, что в высказывании (как вербализованном речевом акте) в процессе актуализации вертикальные нелинейные парадигматические единицы номинации преобразуются в линейные синтагматические единицы речи, создавая линейный ряд высказывания, в котором омонимия предлога невозможна (снимается) в силу прагматической установки на успешность вербальной коммуникации.

8. Значимость изучаемой категории для теории языка и речеведения определяется ее значительным смысломоделлирующим и интерпретирующим потенциалом. Смысломоделлирующий потенциал состоит прежде всего в том, что выявленные вариантные функционально-синтаксические смыслы, понимаемые как минимальные, глубинные (первичные) смыслы речи, и инвариантные функционально-синтаксические значения как первичные смыслы языка создают первичный речезыковой фонд естественного языка. Интерпретирующий потенциал категории позволяет объяснить необъясненное в языковой и речевой омонимии предлога и ответить на дискуссионный вопрос о том, почему омонимия предлога была незамеченной до середины XX века и неизученной до начала текущего века.

9. Анализ динамики изучения омонимии свидетельствует о противоречивой оценке омонимии, ономаσιологическая ценность которой считалась

существенно ниже, чем у полисемии. Исследование категории функционально-синтаксической омонимии предлогов изучаемого подкласса указывает на необходимость повышения ранга оценки омонимии. Обе категории (полисемия и омонимия), находясь в отношениях взаимной дополнителности, реализуют «закон умножения смыслов» (М. Бреаль), благодаря которому язык способен ограниченными средствами передавать безграничность человеческого опыта в когнитии и коммуникации.

Апробация. Основные положения исследования обсуждались на заседаниях кафедры иностранных языков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (2011 – 2021 гг.). Результаты исследования были представлены на международных научных конференциях: «Современная филология: теория и практика» (г. Москва, 2011); «Перспективы развития современной филологии» (г. Санкт-Петербург, 2012); «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования» (г. Краснодар, 2012); «Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура» (г. Екатеринбург, 2012); «Актуальные вопросы филологической науки XXI века» (г. Екатеринбург, 2014, 2016, 2018, 2019). По проблематике диссертационного исследования опубликовано 12 научных работ общим объемом 5,2 п.л., в том числе 3 статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК и Аттестационным советом УрФУ.

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и шести приложений. Объем диссертации – 272 страницы, основной текст – 184 страницы. Библиография включает 322 источника.

Во **Введении** определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи, обосновывается актуальность выбранной темы, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методология и методика исследования; излагаются положения, выносимые на защиту, сообщаются сведения об апробации работы, описывается структура диссертации.

Глава I «Теоретико-методологические основы исследования категории функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов» посвящена обоснованию теоретической и методологической базы для изучения функционально-синтаксической омонимии предлогов рассматриваемого подкласса. Определены общелингвистические подходы к изучению предлога как словесного знака и специфические подходы к изучению омонимии предлогов; освещаются вопросы сходства и различия омонимии и полисемии предлога, а также методология, методика и технология, необходимые для решения поставленной проблемы.

В **главе II «Анализ категории функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов»** выявляются и описываются виды (модели) омонимии предлогов, на базе чего определяется специфика категории функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов.

В **Заключении** подводятся итоги проведенной работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

В **Приложении 1** даются сведения о месте и роли предлога в системе частей речи в отечественной и зарубежной грамматической традиции. **Приложение 2** содержит словарь терминов по омонимике. В **Приложении 3** приводится список семантико-синтаксических функций первичных простых предлогов. В **Приложении 4** рассматривается омонимия предлогов в разнопадежных зависимых синтаксемах. В **Приложении 5** дается система смыслов/значений и функций предлогов, употребляющихся с двумя либо тремя падежами имени. **Приложение 6** содержит предикативные центры, которые были извлечены из прототипических высказываний, зафиксированных в НКРЯ.

ГЛАВА I. Теоретико-методологические основы исследования категории функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов

Основная задача данной главы – создание теоретической и методологической базы для изучения категории функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов (на материале современного русского языка). Для решения этой задачи необходимо, во-первых, осветить вопросы формы, семантики и функций предлогов и их корреляции в аспекте омонимии; во-вторых, рассмотреть широкий контекст поставленной проблемы и обосновать пути ее решения.

1.1. Общая динамика лингвистической теории омонимии

1.1.1. Проблемы лексической омонимии

Начало наблюдений над фактами созвучных слов с разными значениями и явлением омонимии (греч. *homos* – «одинаковый» и *опута* – «имя») относится к периоду античной преднауки, которая, как известно, существовала в форме философии, а потому само явление определялось Аристотелем как «предметы, у которых только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности разная» [Аристотель. Сочинения 1978: 53].

Античная традиция во многом способствовала тому, что на протяжении столетий внимание ученых было сосредоточено на лексической омонимии, получившей наиболее полную семасиологическую и лексикографическую интерпретацию: «Больше всего повезло лексическим омонимам. Их происхождению, существованию и употреблению в языке посвящена почти вся существующая литература по омонимии» (выделено нами – *А.Ш.*) [Ким 1978: 85].

Тем не менее, проблематизация лексической омонимии произошла только в XX веке в работах О.С. Ахмановой, Л.А. Булаховского, В.В. Виноградова, О.М. Ким, Л.В. Малаховского, А.И. Смирницкого, М.И. Стеблин-Каменского и других исследователей, а в зарубежном языкознании – в трудах Ш. Балли, Л. Блумфилда, Ж. Жильерона, Дж. Лайонза и др. При этом большинство

исследований было направлено на изучение омонимии знаменательных частей речи: «Издавна и до сих пор главное внимание уделялось и уделяется так называемым знаменательным частям речи, обозначающим части реального мира – предметы, их признаки, действия и их свойства, количество» [Чепасова 2007: 4].

Были выявлены источники и объем лексической омонимии. Возникли три основные точки зрения на образование и типы лексических омонимов.

В соответствии с **первой точкой зрения** (В.И. Абаев, Ж. Жильерон, Ж. Опп и др.) существуют лишь так называемые «этимологические», или «гетерогенные» омонимы, которые появились как следствие независимого совпадения их звуковой оболочки¹.

В соответствии со **второй точкой зрения** (Р.А. Будагов, Л.А. Булаховский, К. Нюроп и др.) в основе лексической омонимии находятся два источника: 1) фонетическая конвергентная эволюция слов или форм слова и 2) семантическая дивергентная эволюция одного слова.

Сторонники **третьей точки зрения** считают, что формирование омонимов может происходить в ходе различных формообразовательных и словообразовательных процессов (Ш. Балли, В.В. Виноградов, В.В. Елисеева, Л.А. Новиков, Д.Э. Розенталь, А.И. Смирницкий, Ю.С. Степанов и др.) [Пазова 2010: 99-103].

Наиболее полная типология лексических омонимов предложена академиком В.В. Виноградовым, в которой он отграничивает полную лексическую омонимию, во-первых, от более широкого явления – омофонии, которая охватывает все виды единозвучий и речевых созвучий (*мокли – мог ли; сутками – с утками, стройка – строй-ка* и т.д. [Виноградов 1975: 299]; во-вторых, от других смежных явлений – омографов (*за́мок – замо́к, кру́жки – кружки́* и т.д.) и омоформ (*вожу*¹ от *возить* и *вожу*² от *водить* и др.); в-третьих, от частичной омонимии

¹ Статья В.И. Абаева «О подаче омонимов в словаре» [Абаев 1957] вызвала дискуссию на страницах журнала «Вопросы языкознания». Принятие позиции В.И. Абаева, связанной с очень узким пониманием омонимии (не признавать омонимы, возникшие путем распада многозначного слова, т.е. **гомогенные омонимы**), отодвинуло бы понятие омонимии в область исторической лексикологии, хотя эту проблему надо было решать для современного состояния языка, поэтому большинством лингвистов данная точка зрения была отвергнута [Комарова 2018].

(*стук*¹ – «звук» и *стук*² – «стукнул»), которая «разными своими сторонами обращена и к грамматике, и к лексикологии» [Там же: 311], т.е. это переходный тип лексико-грамматической омонимии¹.

В изучении лексической омонимии к середине (и даже к концу) XX века сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, были получены заметные результаты и осознана приоритетная роль именно отечественного языкознания в проработке проблемы омонимии в национальных языках и создании «общетеоретической основы для исследования конкретных фактов отдельных языков» [Ахманова 2004 (1957): 104]. Так, О.С. Ахманова провела комплексное обследование знаменательной лексики русского языка на предмет лексических омонимов [Там же].

С другой стороны, дискуссионность многих вопросов по-прежнему не снята: «Нуждается в уточнении и само определение омонимии. Отсутствует сколько-нибудь удовлетворительная единая синхронная классификация омонимов» [Ким 1978: 85]. Данная ситуация во многом сохраняется и в наши дни: языковеды продолжают выдвигать разные точки зрения на явление омонимии, иногда вплоть до прямо противоположных. Ряд исследователей (Р. Бриджес, Ж. Жильерон, Л.А. Новиков и др.) характеризуют омонимию как негативное явление, которое противоречит логичности и рациональности языка, единству знака и значения [Новиков 1982: 209; Логачёва 2009: 53-55].

И все же большинство ученых (О.С. Ахманова, К. Браун, Л.А. Булаховский, В.В. Виноградов, А.Х. Востоков, Т.И. Драбовская, А.И. Смирницкий, Е.В. Федорчук и др.) признают омонимию естественным и даже необходимым для языка явлением, отмечая, что «омонимы – такие же законные дети языкового творчества, как и все остальные» [Булаховский 1928: 48], и подчеркивая, что «наличие омонимов в языке обязательно и закономерно, глубинно обусловлено как физиологически (действием принципа экономии в системе языковых оболочек слов), так и самой природой языка как системы» [Федорчук 2001: 19], что подтвердилось, когда были выявлены виды лексических омонимов при изучении

¹ Дефиниции всех обозначенных явлений из области омонимики даны в Приложении 2.

взаимодействия общенародной и специальной лексики.

В наши дни появились исследования, дающие новые (в какой-то мере неожиданные) сведения о специфике **лексической омонимии терминов**. На базе анализа естественнонаучных терминов (физики, химии, биологии) установлены три типа омонимов: **абсолютные** (нет общих признаков); **пересекающиеся** (есть общие и различные признаки) и **включенные** (широкие, включающие менее узкие по значению), причем преобладают два последних типа. В исследовании И.С. Волошиной доказана гипотеза: «Омонимия термина, в отличие от омонимии общенародного слова, характеризуется сохранением семантической связи между терминами» [Волошина 2016: 11; Табанакова, Трифонова 2018: 67-69].

Этот результат дает основание считать, что **лексическая омонимия** в языках в наши дни нуждается в дальнейших исследованиях.

1.1.2. Проблемы грамматической омонимии

Русская (А.А. Барсов, В.В. Виноградов, А.Х. Востоков, Я.К. Грот, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов и др.) и европейская (А. Арно, Дж. Брайтленд, А.В. Добиащ, К. Лансло и др.) грамматическая традиция в значительной мере обусловили становление проблемы грамматической омонимии в первые десятилетия XX века на базе наблюдения отдельных фактов омонимии на разных уровнях языка (морфемно-морфологическом, словообразовательном и т.д.) и их обобщения.

Постановка проблемы грамматической омонимии связана с поворотом от лексики к грамматике, к взаимосвязи и взаимозависимости лексического значения (ЛЗ) и грамматического значения (ГЗ), т.е. с тем, какова сущность ГЗ и как оно «включается» в общую семантику слова как основного носителя значения: «Грамматическое значение – это не просто значение отношения. Это значение отношения, выраженное как неосновное, как дополнительное, как лишь сопровождающее основное, или лексическое значение. Поэтому грамматическое значение вообще имеет место, "наличествует" только при условии, если оно выражено не различием самих слов, т.е. не разными словами

(и вообще не отдельными словами), но изменением слов или отношением между ними в их соединении или сочетании» [Ахманова 2004 (1957): 65-66], т.е. имеет «регулярное (стандартное) выражение» [Лопатин П. ЛЭС 1998: 116].

Хотя попытки выявления грамматических, а точнее – морфологических омонимов предпринимались еще А.Х. Востоковым в «Русской грамматике» (1874 г.), специальное изучение проблемы грамматической омонимии начинается в 20-е – 30-е годы XX века (Л.А. Булаховский, Л. Дурович, Б. Трнка и др.).

Так, Л.А. Булаховский в статье «Из жизни омонимов» (1928 г.) выделяет десять типов морфологических омонимов, в том числе тип падежной омонимии: «В падежах, постоянно сопровождающихся предлогами, т.е. имеющих различительный признак, язык к омонимии падежей достаточно терпим» (выделено нами – *А.Ш.*) [Булаховский 1928: 52].

В.В. Виноградов дает следующую оценку работе Л.А. Булаховского: «Этот анализ, несмотря на ряд отдельных тонких наблюдений и метких замечаний, представляется недостаточным. Корни грамматической омонимии залегают гораздо глубже в структуре современного языка. Необходимо обнаружить их» (выделено нами – *А.Ш.*) [Виноградов 1975: 15].

В труде «О грамматической омонимии в современном русском языке» В.В. Виноградов также выделяет свыше десяти типов грамматической омонимии, включая падежную омонимию, что важно для нашего исследования, а ряд положений и выводов имеют методологическое значение.

1. «В современном русском языке омонимична сама природа падежных окончаний, особенно у имен существительных. В самом деле, значения косвенных падежей имен существительных как в сочетании с предлогом, так и в беспредложном употреблении настолько разнообразны и далеки, что приходится традиционные обозначения: родительный, творительный и предложный падежи считать условными именами групп морфологических омонимов» (выделено нами – *А.Ш.*) [Виноградов 1975: 15].

2. «Омонимические падежные формы дифференцируются не флексией, а синтаксическими значениями и предлогами-аффиксами» (выделено

нами – *А.Ш.*) [Там же: 17].

3. «Бросается в глаза резкое различие в структуре омонимов из сферы "изменяемых", т.е. флексирующих частей речи, от омонимии между классами "неизменяемых" слов» [Там же: 29].

4. Говоря о грамматических омонимах среди знаменательных слов, В.В. Виноградов отмечает: «Если переход слова с развитой системой "форм словоизменения" из одной категории в другую социально утвержден, синтаксически освоен и канонизирован общим употреблением, то возникают два разных слова-омонима» [Там же: 29].

5. Говоря о грамматической омонимии среди служебных частей речи (называемых им «частицами речи»), ученый затрудняется с установлением конкретных критериев ее отграничения от полисемии, однако подчеркивает, что «у так называемых "неизменяемых" слов возможно омонимическое совмещение грамматически разнородных форм и категорий. Одно и то же слово выступает в таких грамматических функциях, которые настолько далеки, что должны быть признаны по существу своему омонимичными» [Там же: 32].

Принимая данные установки, отметим, что в рамках грамматической омонимии помимо морфологических омонимов принято выделять синтаксические и функциональные омонимы.

Наблюдения над фактами синтаксической омонимии начались к 60-м годам XX века: проблема приобрела особую актуальность в связи с появлением систем автоматической обработки текстов. Пока синтаксический анализ производился людьми, омонимия оставалась незамеченной, т.к. «не было должного абстрагирования от смысла, омонимия разрешалась прежде, чем ее можно было заметить» [Кривонос 2006: 142]. Необходимость формализованного синтаксического представления смыслов синтаксических структур объективировала проблему синтаксической омонимии, при этом исходили из следующего операционального определения: «Предложение или словосочетание является синтаксически омонимичным, если ему можно приписать не менее двух семантико-синтаксических структур» (выделено нами – *А.Ш.*) [Там же: 142].

Например, синтаксическая омонимия присутствует в словосочетании *письмо любимой из Петербурга: письмо любимой* (кому? или от кого?) и *письмо из Петербурга* или *любимой из Петербурга*?

Позже (конец XX в. – начало XXI в.) началось осмысление глубинно-синтаксической омонимии [Там же: 143-144].

Термин функциональная омонимия был введен в омонимику также в 1960-е годы (О.С. Ахманова, Л. Дурович, Б. Трнка и др.) для разграничения «морфологически выраженной» и «функционально выраженной» омонимии знаменательных частей речи [Ахманова 2004 (1957): 116]. При этом термин функциональный употребляется в значительной мере условно, т.е. «только по противопоставлению "морфологической" омонимии, типичной для существительных и глаголов» [Там же: 160].

В наши дни функциональные омонимы противопоставляются как собственно лексическим, так и в какой-то мере морфологическим омонимам. Под функциональными омонимами принято понимать этимологически родственные слова, совпадающие по звучанию и написанию, но относящиеся к разным частям речи и образующиеся при переходе слов из одной части речи в другую [Высоцкая 1999: 71; Сидоренко 2005: 19-20 и др.]: *идти прямо*¹ (наречие) – *прямо*² *преlestь* (усилительная частица); *говорить просто*¹ (наречие) – *дело просто*² (краткое прилагательное) и т.д.

Отметим, что в ряде статей конца 1960-х годов В.В. Виноградов ставит вопрос о возможности грамматической омонимии среди первичных предлогов: «С точки зрения живых грамматических отношений и функций трудно рассматривать значения, присущие, например, предлогу *С* в сочетании с формами имени существительного в родительном падеже, предлогу *С* с творительным падежом и предлогу *С* с винительным падежом как значения семантически близкие или соотносительные, внутренне связанные, то есть как значения одного и того же слова» [Виноградов 1977 (1967): 258]. Аналогичную точку зрения ученый высказывает относительно предлогов *О* и *ПО* и указывает на то, что рассмотрение грамматических отношений и функций других первичных предлогов,

употребляющихся с двумя либо тремя падежами имени, может также привести к выводу об омонимичном характере их значений [Там же: 258].

Таким образом, именно В.В. Виноградов первым заявил об омонимах среди первичных предлогов, употребляющихся более чем с одним падежом имени, однако более пристальное рассмотрение проблема предложно-падежной омонимии получила только в наступившем ХХI веке.

Так, об омонимии предлогов говорит Г.А. Шиганова [Шиганова 2001: 197-248]; А.М. Чепасова отмечает, что «предлог с разными падежами имеет разные, несовместимые значения <...>, поэтому на вопрос, сколько в русском языке предлогов *С*, *НА*, *В*, *ПО* и т.д., логичным будет ответ: столько, со сколькими разными падежами они сочетаются» [Чепасова 2007: 8]; Л.А. Милованова, изучая семантико-грамматические свойства предлога $3A^1$ с винительным падежом имени и предлога $3A^2$ с творительным падежом, посвящает раздел рассмотрению омонимии данных предлогов, доказывая непересекающийся характер их значений [Милованова 2009]; А.И. Авдина исследует омонимию предлога C^1 с родительным, предлога C^2 с винительным и предлога C^3 с творительным падежом имени [Авдина 2014]; З.И. Комарова и С.В. Краев рассматривают вопросы грамматической омонимии предлогов в подязыке информатики [Комарова, Краев 2008-б: 145-155].

Как видим, в современном языкознании есть работы, рассматривающие (либо так или иначе затрагивающие) вопросы предложно-падежной омонимии.

Однако по-прежнему не существует исследований, посвященных комплексному, интегративному и, в то же время, как можно более детальному анализу предлогов-омонимов. Несмотря на отдельные проведенные исследования, явление предложно-падежной омонимии остается крайне малоизученным, находясь на начальной стадии рассмотрения.

Отметим также, что особую важность изучение данного явления имеет для лексикографической практики, в которой наблюдается ряд серьезных проблем, связанных с тем, что современные словари и грамматики, описывая предлог как служебную часть речи, указывают на его многозначность, в некоторых случаях — на синонимию и антонимию, однако омонимия предлогов в них не учитывается.

И все же в некоторых словарях (например, в [П. МАС 1985-1988]) употребление первичных предлогов с разными падежами имени дано в виде обособленных разделов, обозначенных цифрами I, II, III: как видно, составители этих словарей все же ощущают разницу в значениях предлогов и стремятся данную разницу зафиксировать. При этом в других словарях (например, в [П. БТС 2000; П. ОСРЯ 2003]) значения предлогов с разными падежами имени представлены общим списком. Иначе говоря, в словарных статьях отсутствует стандартизированный способ подачи значений предлогов, употребляющихся с двумя-тремя падежами имени [Шиганова 2001: 209; Комарова, Ширшикова 2017-б: 43].

На эту проблему обращает внимание В.В. Виноградов, отмечая, что в лексикографической практике «вопросы омонимии разрешаются произвольно» [Виноградов 1977: 288]. О.М. Ким подчеркивает, что «современные толковые словари русского языка – наглядный и яркий пример отсутствия точных лексико-семантических и структурно-грамматических приемов и принципов разграничения омонимов» [Ким 1978: 85]. Такое положение сохраняется и в наши дни, что отмечено в работах ряда ученых [Головня 2007: 6; Качурин 2014; Табанакова, Трифонова 2018 и др.].

Завершая анализ динамики изучения омонимии, отметим методологический постулат В.В. Виноградова, который состоит в том, что любые омонимы нужно изучать «лишь на фоне языкового целого, в целостной структуре языка. Их типы, состав и их взаимоотношения определяются грамматическим и лексико-семантическим строем языка и законами его исторического развития» (выделено нами – *А.Ш.*) [Виноградов 1975: 312]

1.2. Предлог в контексте функционально-синтаксической омонимии

1.2.1. Предлог как объект и предмет лингвистики

Несмотря на то что история изучения предлога как служебного слова и как особой служебной части речи, берущей свое начало от античной преднауки, насчитывает около трех тысячелетий (о месте и роли предлога в системе частей речи см. Приложение 1), а посвященная предлогу литература трудно обозрима,

к теории предлога в наибольшей степени относятся слова Е.С. Кубряковой о том, что ученые так и не подвели итоги своей работы по частям речи, а сведения о предлоге, сами по себе достаточно объемные, до начала текущего века носили фрагментарный характер [Кубрякова 2004: 30].

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что проблемное поле предлога включает как минимум пять аспектов: 1) какова природа предлога по шкале служебности – знаменательности; 2) в чем заключается специфика предлога как части речи (класса слов); 3) в чем состоит специфика семантики предлога по шкале «лексическое – грамматическое»; 4) что понимается под формой и семантикой предлога и 5) (самый сложный и запутанный аспект) каковы доминирующие функции первичного (т.е. собственно!) предлога как «ядерного служебного слова» [Морковкин П. ОСРЯ 2003: 6; Комарова, Краев 2008-б: 44-45; Комарова, Ширшикова 2017-б: 44].

Существует и еще один проблемный аспект, который связан с «отдельностью – тождеством» предлога, т.е. его выделением и отграничением от других языковых единиц, однако данная проблема решается достаточно естественно и наглядно (хотя и небесспорно) через логический прием вставки других слов в предложно-падежную структуру имени: *в лесу – в еловом лесу – в еловом сумрачном лесу* и т.д.

Некоторого единодушия лингвисты достигли в осмыслении того, что предлоги являются хоть и особыми, но все же единицами «системы языка» и «функциональными единицами речи» – словами [Виноградов 2001 (1947): 18-19; Кубрякова 2004: 211-212 и др.], которые представляются нашему уму как «нечто **центральное** во всем механизме языка» [Соссюр 1999: 113; Бейкер 2008], в которых «совершается акта познания» [Потебня 1958: 17; Кубрякова 2004] и которые имеют такой важнейший признак, как «отделимость» [П. Сичинава 2011].

Все остальные аспекты нуждаются в обсуждении.

1. Природа предлога по шкале служебности – знаменательности.

Принципиальное различие между двумя классами заключается в том, что знаменательные слова, «выполняя репрезентативную функцию, способны

обозначать окружающую действительность, т.е. служить наименованиями отдельных предметов, фактов, явлений» [Лингвистические исследования 1987: 33]. Служебными являются слова, «неспособные выступать самостоятельно в функции членов предложения и служащие для выражения разного рода семантико-синтаксических отношений между знаменательными словами» (выделено нами – *А.Ш.*) [Ахманова И. СЛТ 1969: 433].

Служебные слова противостоят знаменательным как «такие слова, которые, во-первых, не имеют морфологических категорий и, во-вторых, выполняют только служебные функции в синтаксической конструкции» [И. РГ-80. I: 456], а их значение «отличается от значения, объединяющего в одну часть речи знаменательные слова: общность служебных слов – это общность только функциональная» (выделено нами – *А.Ш.*) [Там же: 456].

Важной особенностью служебных слов является то, что они употребляются со знаменательными, переводя «системы виртуальных средств в актуальные, в речевые единицы» [Лингвистические исследования 1987: 35].

Разделение на знаменательные и служебные части речи в отечественной науке является, на первый взгляд, давно устоявшимся и привычным, однако до сих пор вызывает противоречия, начиная с вопроса о том, можно ли вообще считать служебные единицы словами как таковыми и относить их к частям речи, и заканчивая серьезным разбросом мнений о составе служебных частей речи.

Так, некоторые лингвисты характеризуют служебные слова как «не имеющие парадигм и обладающие свойствами сочетаемости иного рода, чем полнозначные, поэтому их не следует включать в систему частей речи» [Савченко 1968: 187]. Другие определяют их как «оторвавшиеся от основ аффиксы» [Яхонтов 2004: 520-530], предлагая использовать термин «функтивы» [Колосова, Черемисина 1987: 25], «реляторы» [Кубрякова 2004], «маркеры» [Левицкий 2002] и др.

Столь значительный разброс терминологии служит очередным доказательством неопределенности самих понятий «служебные слова» и «служебные части речи».

2. Специфика предлога как части речи.

Термин предлог (лат. *praepositio*, от *prae* – «перед, впереди» и *positio* –

«положение») буквально означает «стоящий перед словом». Не все лингвисты считают данный термин удачным в силу его «размытости»: он указывает лишь на положение предлога перед другим словом, однако не уточняет, перед каким именно словом находится предлог. Как справедливо отмечает Г.А. Шиганова, в украинском и белорусском языках существует более удачное наименование предлога – *прийменник*, т.е. букв. «стоящий перед именем» [Шиганова 2001: 23].

В последние десятилетия наблюдается всплеск интереса к изучению предлогов, все отчетливее осознается их важность, неоднородность и необходимость проведения дальнейших исследований: «Несмотря на то, что его единицы, особенно так называемые первообразные, очень невелики по объему – один-два звука, – они имеют сложную структуру, значения, функции, вступают в сложные семантические отношения между собой и с другими языковыми единицами. По многим причинам предлоги в современном русском языке оказались мало изученными, в чем еще академик В.В. Виноградов упрекал грамматистов» [Чепасова 2007: 5].

Для выявления грамматической сущности предлога сопоставим его дефиниции в грамматиках и словарях.

В АГ-60 дано общее грамматическое значение предлога – отношение существительных к разным словам [II. АГ-60. I: 40].

В АГ-70 говорится о «синтаксической зависимости существительного (или местоимения-существительного) от других слов в составе словосочетания» [II. АГ-70: 311]: точно сформулирована грамматическая функция предлога, которая является синтаксической, что важно для нашего исследования.

РГ-80 дает более развернутое определение: предлог – это «служебная часть речи, оформляющая подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании или в предложении и тем самым выражающая отношение друг к другу тех предметов и действий, состояний, признаков, которые этими словами называются» (выделено нами – *А.Ш.*) [II. РГ-80. I: 704]. Таким образом, сформулировано категориальное значение предлога – отношение подчинения.

Близкие дефиниции у В.А. Белошапковой [Белошапкова 1997: 600],

Т.А. Репиной [Репина П. ЛЭС 1998: 394], М.В. Ляпон [Ляпон П. РЯЭ-2003: 369-371] и др. При этом М.В. Ляпон дает уточненную характеристику грамматической функции предлога, которая «строго регламентирована категорией падежа: позицию зависимого компонента в сочетании с предлогом занимают слова, относящиеся к классу имен существительных или местоимений-существительных, т.е. такие, неотъемлемым грамматическим признаком которых является склоняемость <...>. Это свойство отличает предлог от союза, служебная функция которого осуществляется независимо от грамматических характеристик тех слов, которые он соединяет в рамках предложения. Связь с категорией падежа ограничивает синтаксический потенциал предлога как связочного слова: в отличие от союза, предлог не способен оформлять синтаксические отношения между предложениями» (выделено нами – *А.Ш.*) [Ляпон П. РЯЭ-2003: 369].

Д.В. Сичинава в *«Русской корпусной грамматике»* определяет предлог следующим образом: это «одна из служебных частей речи, выражающая синтаксическую связь некоторого слова с именной группой, а также семантические отношения участника ситуации, обозначаемого этой именной группой, с ситуацией или другими ее участниками» [П. Сичинава 2011]. Как видим, акцент в данной дефиниции делается не только на синтаксической функции предлога, но и на выражаемых им семантических отношениях, что также имеет особую важность для нашего исследования.

3. Специфика семантики предлога по шкале «лексическое – грамматическое».

В лингвистике сложились три основные точки зрения на семантику предлогов.

Согласно первой точке зрения (В.А. Богородицкий, Ф.И. Буслаев, А.Н. Гвоздев, Т.И. Зубкова, Г.Е. Крейдлин, М.В. Ломоносов, И.И. Мещанинов, Д.Н. Овсянко-Куликовский, А.А. Потебня, Е. Форстройтер, Ф.Ф. Фортунатов, К. Эгерер-Мёсляйн и др.), служебные слова в целом и предлоги как таковые лишены собственного лексического значения, поскольку выполняют лишь служебную роль по отношению к содержанию нашего мышления [Стеблин-Каменский 1974: 14-15]. Г.Е. Крейдлин отмечает, что предлоги, «не имея

лексического значения, отвечают за синтаксис» [Крейдлин 1982: 106]. Это направление известно как грамматикализация предлогов.

Сторонники второго подхода к семантике предлога (А.Х. Востоков, Э.Б. Ерлих, Ю.А. Левицкий, Д.Н. Ушаков, А.А. Шахматов, Е.И. Шендельс, Т.А. Шнитке и др.) считают, что предлог обладает лексическим значением, однако неполным, «урезанным», которое может проявляться «только в сочетании с косвенными падежами существительных» [Шахматов 1941: 277]. Сами по себе предлоги являются «пустыми» и лексическим значением не обладают.

Наконец, сторонники третьего подхода (К.С. Аксаков, О.С. Ахманова, И.С. Бороздина, В.В. Бурлакова, В.Г. Гак, Н.И. Греч, В.М. Жирмунский, Н.П. Некрасов, Т.А. Пантелеева, Р.П. Рогожникова, А.И. Смирницкий, А.М. Чепасова, Г.А. Шиганова и др.; из зарубежных ученых – К. Ванделуаз, С. Линднер, Д. Пайар, В. Флемиг и др.) считают, что предлог обладает лексическим значением, которое может проявляться (разумеется, в наиболее абстрактном варианте) даже вне контекста, вне сочетания со знаменательным словом.

Данная позиция отражена и в современных грамматиках и словарях: «Лексическим значением предлога как отдельно взятого слова является значение того или иного отношения. Это отношение может быть или максимально абстрактным, широким, или более конкретным и определенным, узким. Однако в любом случае предлог имеет лексическое значение, различна лишь степень его абстрактности. Семантически "пустых" предлогов не существует» (выделено нами – *А.Ш.*) [П. РГ-80. I: 708; Гак П. ЛЭС 1998: 261-262].

Доказательством наличия у предлогов вполне самостоятельного лексического значения можно считать тот факт, что даже вне контекста предлоги способны нести определенную смысловую нагрузку, «общую идею»: например, предлог *у* – «близость»; *между* – «пространство, промежуток»; *над* – «положение в пространстве выше чего-то» и т.д. [Маркарова 1984: 87].

Мы признаем наличие у предлогов как грамматического, так и лексического значения. Однако возникает новый вопрос: как разграничить «лексическое» и «грамматическое» предлога и каковы критерии этого разграничения? И без того

непростая теоретическая проблема разграничения лексического и грамматического значения полных слов у предлогов осложняется «их внутренним своеобразием, находящим свое выражение в том, что их лексические значения оказываются в качественно иных соотношениях с грамматическими» (выделено нами – *А.Ш.*) [Черкасова 1967: 15; Гун 2017: 13], а именно: лексические базируются на грамматических и соотносятся как частное с общим [Милованова 2009: 29]¹, при этом «существует гораздо более тесное переплетение лексического и грамматического в семантике предлога по сравнению со знаменательными словами» [Бороздина 2003: 30].

При реализации употребления предлога в речи это переплетение становится еще сложнее: «Предлог служит средством соединения лексической и грамматической семантики управляющего и управляемого слов. Его лексическое значение соответствует грамматическим отношениям между соединяемыми элементами, которые, в свою очередь, определяются как грамматическими, так и лексическими свойствами главного и зависимого слов» [Гун 2017: 11] в словосочетании и предложении.

Обращенность предлога сразу к двум соединяемым компонентам особенно явно прослеживается при сильном и регулярно предсказуемом управлении: *подарить* (что?) *книгу* – объектное значение, невариативная связь без предлога, но: *тосковать* (о ком?) *о детях* и *тосковать* (по кому?) *по детям* – объектное значение, предсказуемая вариативная связь.

Иными словами, можно сказать, что лексическое значение предлога представляет собой «**производное от грамматического значения**» (выделено нами – *А.Ш.*) [Милованова 2009: 29], при этом переход от грамматического значения к лексическому у предлога носит градуальный характер² [Булыгина,

¹ Еще Л.В. Щерба отмечал, что «вопрос о том, что относится к лексике, а что к грамматике, решается точно так же, как и в словообразовании: все, что происходит по правилам, будет являться грамматическим, а все, что является индивидуальной принадлежностью того или иного слова, будет являться лексическим» [Щерба 1957: 138].

² В этой связи, чтобы избежать терминологической двусмысленности, термины: лексическое значение, грамматическое и лексико-грамматическое значение будем использовать по отношению к знаменательным словам, а по отношению к предлогу используем термины: семантика предлога (см. пункт 4) и функционально-синтаксические смыслы предлога (см. раздел 1.4).

Шмелёв 1997].

4. Проблема формы и семантики предлога.

Под внешней формой языка (по В. фон Гумбольдту и А.А. Потебне) мы понимаем звуковое (графическое) своеобразие языка как «выражение» (по Ф. де Соссюру) или «план выражения» (по Л. Ельмслеву), которые лежат на поверхности, а потому легко воспринимаются говорящими/слушающими. Под внутренней формой понимаем семантическое своеобразие, скрытое в глубине языка.

Для нашего исследования важно то, что, независимо от формы структурализма (соссюрской, блумфилдовской, ельмслевской или яacobсоновской), о которой идет речь, мы имеем дело со структурно-семасиологической моделью языка, поскольку в ее основе лежит изучение перехода *«речь → языковая система»*. Эта модель содержит элементы функционально-семасиологической (*«план выражения → план содержания»*), структурно-ономасиологической (*«план содержания → план выражения»*) и функционально-ономасиологической (*«языковой инвариант → речевой вариант»*) грамматик¹ [Даниленко 2011]. Это позволяет при изучении формы и семантики предлогов совершать «челночные» переходы от формы к содержанию предлогов и обратно.

Первичные простые предлоги – это «закрытая группа простейших слов элементарной структуры» [И. РЯЭ-2003: 369-371; И. КРГ-2002: 369]²: 4 предлога – однозвучные; 7 предлогов – двузвучные; 6 – трехзвучные и только у 4 предлогов звуковая (графическая) форма двух- и трехслоговая. Минимальное варьирование звуковой формы предлога «обусловлено "полногласием" (*перед, через*) или появлением так называемого "беглого" *о* (ср. парные формы: *без – безо, из – изо, над – надо, об – обо, от – ото, под – подо, пред – предо*)» [Виноградов

¹ О таком синтезированном подходе писал В.Н. Мигирин в концепции «отображающей грамматики», в которой реализуется подход к языковой системе как «программе освоения мира человеком и ее отражения в языковой системе» [Мигирин 2002: 7].

² Е.С. Кубрякова отмечает: «Малое число случаев закрытых классов и содержащихся в них слов как бы отражает тот факт, что они покрывают достаточно общее и обобщенное содержание, ограничены в своих функциях и вообще "служат" в достаточно определенных коммуникативных целях» [Кубрякова 2004: 212].

2001: 557].

Эта минимальная, ультраабстрагированная форма служит для передачи значительного числа абстрагированных значений/смыслов, т.е. явно асимметрична семантике предлога. Такая широкозначность пересекается с эврисемией предлога, т.е. способностью языковой единицы относиться к неопределенному количеству денотатов [И. Татаринов 2006: 129], и одновременно с амбисемией, под которой понимается неопределенность содержания [Там же: 14]. На такой возможный полиморфизм указывала Н.Н. Амосова [Амосова 1963: 114]¹.

Не имея самостоятельного употребления в речи, предлог приобретает («берет в аренду») несколько синтаксических и морфолого-синтаксических форм: предложно-падежную форму имени – синтаксему (термин Г.А. Золотовой), форму речевого словосочетания и форму высказывания для реализации своей семантики (см. Раздел 1.4.1).

Проблема формы и семантики предлога по сути поставлена и решается именно в текущем столетии. В середине XX века академик В.В. Виноградов отмечал, что эти вопросы находятся в состоянии «научно-исследовательской неопределенности» (выделено нами – *А.Ш.*) [Виноградов 1968: 105]. М.В. Всеволодова говорит о предлоге, что «в литературе пока не представлен по возможности полный список соответствующих единиц, а бытующие в научном обиходе данные требуют серьезных дополнений» [Всеволодова 2003: 18], а потому предлоги «ждут серьезных исследований в рамках современной научной парадигмы» (выделено нами – *А.Ш.*) [Там же: 17].

В связи с этим в марте 2001 года в Москве начал работу межнациональный проект «*Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис*»; первые результаты обсуждались уже в 2003-2004 годах [Всеволодова 2004: 30-38], когда на страницах «*Вестника Московского университета*» началась

¹ Предлог в речи, прежде всего в предложно-падежной форме имени, осуществляя номинацию отношения, т.е. являясь «определителем ситуационных или контекстных взаимоотношений в речи» [И. Русский семантический словарь 2002: 3], обслуживает денотативно-идеографические сферы имени существительного. См. «*Большой толковый словарь русских существительных*» [И. БТСРС 2005: 17].

дискуссия по функционально-коммуникативной грамматике русского предлога [Всеволодова 2003: 17-59] и открылся проект «Исследования по семантике предлогов» [Там же: 17-59]. Все это привело к тому, что «семантика предлогов – одна из бурно развивающихся областей современной лингвистики» [Филипенко 2000: 47-48], в которой рассматривается «весь спектр типов употребления того или иного предлога» [Филипенко 2000: 32; Шиганова 2001; Галстян 2016].

Проведенные исследования дали свои результаты: была выявлена сложная иерархическая структура когнитивно-композитивной семантики предлога [Шиганова 2001; Никитин 2003; Шибакова 2007; Алефиренко 2014; Болдырев 2014; Комарова, Ширшикова 2017-б: 45 и др.].

Рассматривая семантику предлога, мы исходим из общего понимания когнитивной семантики как «многоуровневой теории значения, специфика которой заключается в том, что значения языковых единиц в ней анализируются в контексте всех знаний и опыта человека, а не только языковых знаний» (выделено нами – *А.Ш.*) [Болдырев 2014: 33].

Такой подход уже предполагает иерархичность и композитивность, структурность – членимость на компоненты, а потому семантику предлога мы рассматриваем как «иерархическую совокупность значений и, соответственно, сем» (выделено нами – *А.Ш.*) [Милованова 2009: 32]. При этом под семой мы понимаем «минимальную, предельную единицу плана содержания» [Новиков П. ЛЭС 1998: 437].

1. Самой общей является категориальная сема, ей подчинены остальные семы, обладающие меньшей степенью абстрактности. Категориальной семой предлога является релятивность – отношение подчинения, которое проявляется в сочетаемости с другими словами: предлоги осуществляют двустороннюю синтаксическую связь между управляющим словом (связь слева) и зависимым компонентом (связь справа).

Например, в высказывании: *Завтра Петя едет в Москву за учебниками* (М.М. Пришвин) – предлог *в* выражает релятивную подчинительную связь

словоформы существительного *Москву* (N_{в. п.}) в составе единой предложно-падежной формы – синтаксемы (*в* + N_{в. п.}) с глаголом *едет*, образуя словосочетание: *едет в Москву*.

Аналогичная подчинительная связь осуществляется предлогом *за* в составе синтаксемы *за учебниками* (*за* + N_{тв. п.}) с тем же глаголом – *едет*.

2. За категориальной семой следует субкатегориальная сема: обстоятельственная, объектная либо атрибутивная.

Используя прием постановки **вопросительных местоименных категоризаторов** от управляющего слова к зависимому, предложенный Н.Ю. Шведовой [Шведова 2005: 235]¹, в словосочетаниях *едет* (куда?) *в Москву* и *едет* (с какой целью?) *за учебниками* выявляем субкатегориальные семы – **обстоятельные**, обусловленные одновалентным глаголом *едет* со значением движения, имеющим только субъектную связь с одушевленным существительным *Петя* и возможность наличия обстоятельных характеристик.

3. Более глубинным уровнем иерархической семантической системы является групповая сема. С помощью тех же вопросительных местоименных категоризаторов выявляем в названных словосочетаниях групповые семы – **пространственную** у предлога *в* и **непространственную** у предлога *за*.

4. Далее следуют еще более конкретные подгрупповые семы. Например, *в* указывает на конечную точку движения или перемещения (директивная функция); *за* указывает на цель движения (финитивная функция).

5. Наиболее конкретными в иерархической семантической системе предлога являются частные (индивидуальные) семы [Шibaкова 2007: 21-22; Милованова 2009: 32-33; Авдина 2014: 33 и др.].

В рассматриваемом высказывании предлог *в* употребляется при указании на географический объект (*в Москву*), являющийся конечным пунктом движения (*едет*) одушевленного субъекта (*Петя*). Предлог *за* указывает на предметную цель движения (*за учебниками*) одушевленного субъекта (*Петя*).

¹ Этот прием широко поддержан другими исследователями (М.В. Биньковская, Ю.Л. Воротников, М.В. Всеволодова, З.Д. Попова, Е.Н. Сидоренко, Е.М. Шахова и др.) и принят в нашей работе.

Как видим, семантика данных предлогов имеет пятиуровневую иерархическую структуру – внутрисловную парадигму.

Таким образом, в ходе рассмотрения предложной семантики мы сталкиваемся со сложной, разветвленной, уровневой системой, в которой иерархия значений предлога выстраивается от наиболее общего (категориального) до самых конкретных (частных) значений/смыслов. Для анализа омонимии предлогов и фиксации оттенков их значений необходимо обратиться к глубинным уровням семантической структуры.

5. Проблема функций первичного предлога.

Под функцией языковой единицы понимается свойственная ей способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию в речи; одновременно с этим функция является и результатом функционирования, т.е. реализованным назначением, достигнутой в речи целью [Бондарко П. ЛЭС 1998: 565].

Нас интересуют функции единиц языка, относящихся к его строю, и закономерности функционирования этих единиц во взаимодействии с их окружением (в предложно-падежной форме имени, речевом словосочетании и высказывании).

Так как в речи выражение того или иного значения/смысла может трактоваться как функция (т.е. назначение) тех или иных языковых средств, функция и значение частично совпадают (т.е. имеют семантическую природу), пересекаются. Однако в нашем исследовании эти понятия не тождественны: понятие значения/смысла связано с соотношением «план содержания – план выражения», а понятие семантической функции характеризуется ориентацией на соотношение «цель – средство» и коммуникативной направленностью.

При этом мы опираемся на функционально-синтаксическую концепцию предлога (А.В. Бондарко, В.Г. Гак, Г.А. Золотова, О.Н. Селиверстова, Н.А. Слюсарева, Н.Ю. Шведова, Д.Н. Шмелёв и др.), а потому исходим из того, что «синтаксические отношения, обозначаемые предлогами, двуплановы: с одной

стороны, это отношения грамматической зависимости падежной формы одного знаменательного слова (существительного или его эквивалента) от другого знаменательного слова или сочетания слов, а с другой – это смысловые отношения между данными словами, формирующиеся в результате сложного взаимодействия лексических значений полнозначных слов, семантики предлога и собственно падежной семантики» (выделено нами – *А.Ш.*) [Шмыкалова 2015: 16]¹.

Иначе говоря, у предлога есть грамматические (синтаксические, реляционные) функции, а также семантико-синтаксические функции, которые в ряде исследований называются семантической функцией предлога.

К грамматической функции предлога относится и осуществляемая им транспозиция, а также участие в глагольном и субстантивном управлении.

Уже эти названные основные (прототипические) функции предлога свидетельствуют о его полифункциональности, что в сочетании с упомянутой ранее широкозначностью дает основание предполагать омонимию предлога, т.к. для таких единиц «вполне нормален феномен омонимии» [Перцов 2001: 15; Поликарпов 1987: 147; Крейдлин 1987: 106 и др.].

При этом уже проведенные исследования свидетельствуют о необходимости учета органической взаимосвязи семантики и функций предлога: функции определяют степень конкретности/абстрактности семантики предлога, а семантика обуславливает выбор того или иного предлога для выражения определенных функций. Это положение считаем перспективным для нашего исследования.

¹ В истории лингвистики предлагалось выделять смысловые отношения по аналогии со структурными признаками описания падежной системы [Ельмслев 1960: 272]. Традиционно за основу берутся дифференциальные семантические элементы, к примеру – *семы*.

Н.Н. Леонтьева выделяет следующие виды смысловых отношений: 1) актанты; 2) пространственная локализация; 3) временная локализация; 4) принадлежность; 5) исходная точка (причина); 6) конечная точка; 7) следование; 8) контакт (совместность); 9) замена; 10) посредник (препятствие); 11) соответствие; 12) ограничение [Леонтьева 1969: 15-63]. Как видим, система интересная, однако синкретичная.

Наиболее полная (свыше 20 видов) в отечественном языкознании типология смысловых отношений, обозначаемых предлогами, представлена В.В. Виноградовым [Виноградов 1975]. Однако в этой системе не объясняется принцип выделения смысловых отношений и сами отношения лишь перечислены, но не объяснены, хотя они, безусловно, дают перспективу для последующих исследований.

1.2.2. Понятие о функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов

В.В. Виноградов отмечает: «Кроме качественных различий между значениями свободными и значениями фразеологически связанными, несвободными, в лексической системе русского языка очень рельефно выступают специфические особенности значений, осуществление которых обусловлено синтаксически <...>. Своеобразный тип значений синтаксически обусловленного характера формируется в словах, за которыми закрепляется строго определенная функция» [Виноградов 1977: 184]; такие значения «реализуются лишь в синтаксической конструкции в сочетании с другими словами» [Там же: 187], т.е. это сфера «конструктивно обусловленных», или «функционально-синтаксически ограниченных (или закрепленных) значений» (выделено нами – *А.Ш.*) [Там же: 184-187].

Такие конструктивно обусловленные, функционально-синтаксически закрепленные значения «могут служить указанием на границы разных значений одного и того же слова и вместе с тем могут быть признаками омонимии», выступая в качестве свидетельства «обособления омонима от смысловой структуры однозвучного слова» (выделено нами – *А.Ш.*) [Там же: 187].

В.В. Виноградов приводит примеры такого типа омонимии, замечая, что «едва ли значения слова *положение* (о чем-нибудь) <...> (*положение о внутренних законах развития* и др.) могут быть объединены с такими значениями слова *положение*, как "местонахождение в пространстве", "постановка тела или его частей" и т.п.» [Там же: 187].

Анализируемые нами первичные простые предлоги, функционируя в речи в определенных синтаксических конструкциях (предложно-падежной форме имени, речевом словосочетании и высказывании), находятся именно в положении конструктивно обусловленных единиц, выражая тип семантики, который лексикографами обозначается как интерпретационный [Крейдлин 1987: 106].

Таким образом, с использованием «подсказки» В.В. Виноградова нами

создан термин-неологизм: функционально-синтаксическая омонимия предлога, под которой понимается такой тип грамматической омонимии, который обусловлен функционированием первичного предлога в строго определенных синтаксических конструкциях речи (синтаксема, словосочетание, высказывание) в глубинной структуре языка. Являясь конструктивно обусловленными, предлоги служат для осуществления ряда синтаксических (релятивных), грамматических и семантико-синтаксических функций на базе семантики данных предлогов.

Из указанной дефиниции следует методологически важный вывод: анализируемый тип омонимии имеет речевую природу, а потому, чтобы выявить сущность и роль омонимии предлога для строя языка, необходим анализ синтаксических конструкций, в которых функционирует предлог.

1.3. К основам функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов

1.3.1. Синтез структурализма, функционализма и когнитивизма как фундаментальное слагаемое исследования

1. Первое слагаемое нашей концепции – структурализм.

Становление структурализма происходило в 20-е – 30-е годы XX столетия, а «первичная» сфера применения продолжалась до 1970-х годов. В этот период именно структурная лингвистика определяла «лицо языкознания XX века» [В.А. Виноградов П. ЛЭС 1998: 496-497; Сусов 2007: 19-20; Комарова 2013: 411-412 и др.].

Структурализм утвердил **важнейший принцип языкознания** – рассмотрение языка как структурного устройства, части которого существуют лишь во взаимодействии и взаимосвязи, что явилось стимулом для дальнейшего развития лингвистической мысли, а структурная лингвистика стала «составной частью общей теории языка» [В.А. Виноградов П. ЛЭС 1998: 497], при этом «вряд ли можно назвать в настоящее время такую отрасль знания, прогрессивное развитие которой не было бы так или иначе связано с внедрением в нее понятий

системы и структуры» (выделено нами – *А.Ш.*) [Общее языкознание 1972: 8; Степанов 2007].

Под **системой** понимается «известным образом организованное (т.е. упорядоченное) иерархическое целое, обладающее структурой и воплощающее данную структуру в данную субстанцию для выполнения определенных целей» [Общее языкознание 1972: 30], а **структура языка** определяется как «реляционный каркас» системы, сетка отношений между ее элементами (выделено нами – *А.Ш.*) [Там же: 29].

Данное лингвистическое понимание главных («программных» по выражению Э. Бенвениста) компонентов структурализма положено в основу современной общей теории систем: «**Структура** – множество отношений между элементами системы, которые обычно описываются в виде некоторых функций» [П. Лебедев 2011: 170]. «**Структура системы** представляет собой характеристики устойчивых связей и способов взаимодействия элементов системы, определяющие ее целостность, строение и основы организации» (выделено нами – *А.Ш.*) [Разумов, Благодатских 2006: 24].

Иначе говоря, методология системного подхода сводится к «объяснению свойств системы через выявление конкретного взаимоотношения ее структуры, субстанции и функции», то есть это «интегральный подход» (выделено нами – *А.Ш.*) [Общее языкознание 1972: 29; Кубрякова 2004: 385].

Разработан целый ряд структурных методов, методик и технологий анализа системы и структуры языка и языков [Бенвенист 1974; Комарова 2013: 411-440], которые «сохраняют значение как научные методы начального описания всякого языка, установления его структуры и систематики элементов», хотя «их ограниченность связана с предельной абстрактностью» [Степанов П. ЛЭС 1998: 298].

Для нашего исследования особо значимо то, что именно в недрах структурализма произошло зарождение функционального направления в Пражской школе (Б. Гавранек, В. Матезиус, В. Скаличка, Б. Трнка, а также

С.О. Карцевский, Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон).

Так, два основных методологических принципа Пражской школы – функциональный и структурный, при этом структурный принцип в целом восходит к идеям Ф. де Соссюра, а функциональный – к И.А. Бодуэну де Куртенэ. Важным для нас является тезис о том, что «к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели. Ни одно явление в языке не может быть понято без учета системы, к которой этот язык принадлежит» (выделено нами – *А.Ш.*) [ПЛК 1967: 167].

Методологический подход представителей Пражской школы в целом принят в нашей работе.

Отметим ряд частных положений функционального структурализма, важных для нашего исследования.

1) Шарль Балли в книге *«Общая лингвистика и вопросы французского языка»* заявляет о «постоянном разногласии между формой языка и его значением, между означающими и означаемыми» [Балли 1955; Алпатов 2001: 159], а также рассматривает вопросы, связанные с речевой деятельностью, в которой происходит «высказывание мысли с помощью языка» [Алпатов 2001: 160]. Так, среди «форм сообщения мысли» он выделяет «наиболее простую» – **предложение**, которое состоит из двух частей: **диктума**, который соответствует «представлению», и **модуса**, выражающего «различные оттенки чувства или воли» [Там же: 159-160].

Ключевым для нашего исследования является внедренное Ш. Балли понятие **актуализации**. Языковая система и ее единицы, в частности слова, существуют лишь потенциально. Для того чтобы слово, обозначающее понятие, вошло в речь, его необходимо актуализировать, без актуализации слово не может стать членом предложения. Актуализировать понятие означает отождествить его с реальным представлением говорящего субъекта. «Функция актуализации заключается в переводе языка в речь» [Балли 1955]. При этом в механизме актуализации важнейшую роль играют грамматические связи [Алпатов 2001: 161].

2) С.О. Карцевский, связанный с Московской и Пражской школами и частично – с Женевской школой структурализма, в 1928 году публикует статью *«Об асимметричном дуализме языкового знака»*, в которой пишет: «Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками. Всякий знак является "омонимом" и "синонимом" одновременно» [Карцевский 1965: 85].

По С.О. Карцевскому, обозначающее (звучание) и обозначаемое (функции) непрерывно скользят по «наклонной плоскости реальности». Каждое из них «выходит из рамок», определенных для него партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится выразить себя иными средствами, нежели собственный знак. Они асимметричны: будучи парными, они оказываются в состоянии неустойчивости. Важными случаями такой неустойчивости оказываются омонимия и синонимия [Там же: 85-93].

Такое явление названо в статье асимметричным дуализмом. Именно благодаря ему «лингвистическая система может эволюционировать: "адекватная" позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации» [Там же: 90].

3) Структуралисты проводили исследования единиц нижних уровней языка (звуки, фонемы, морфемы, слова, морфологические явления), поэтому книга французского лингвиста Л. Теньера *«Основы структурного синтаксиса»* (1959 г.) является в значительной мере исключением, поскольку посвящена теории синтаксиса, что было не характерно европейскому языкознанию вплоть до середины XX века. Особенность книги заключается и в том, что, несмотря на название, Л. Теньер в ней не отходит от семантики и ментализма: в книге постоянно присутствуют ссылки на психологию говорящих. Если другие синтаксисты «растворяли» синтаксис в морфологии, то Л. Теньер изучал синтаксис именно с точки зрения синтаксических закономерностей, в чем проявилось сходство его позиции с русскими синтаксистами, особенно

А.А. Шахматовым.

Для нашего исследования важно то, что ключевым понятием синтаксиса Л. Теньер считает синтаксическую связь; с выделения данного понятия начинается книга: «Каждое слово предложения вступает с соседними словами в определенные связи, совокупность которых составляет костяк, или структуру, предложения <...>. Синтаксическая связь **необходима** для выражения мысли. Построить предложение – значит вдохнуть жизнь в аморфную массу слов, установив между ними совокупность синтаксических связей. И обратно, понять предложение – значит уяснить себе совокупность связей, которые объединяют входящие в него слова» (выделено нами – *А.Ш.*) [Теньер 1988: 22-23]. При этом синтаксическая связь понимается Л. Теньером как отношение зависимости между словами. Он строго разделяет структурный и линейный порядок слов.

Структурный порядок слов – это порядок, в котором устанавливаются синтаксические связи от главного члена предложения к зависимому, и он не обязательно совпадает с линейным порядком. Для языков с относительно свободным порядком слов (вроде русского) синтаксис зависимостей, не смешивающий структурный порядок с линейным, оказывается рациональнее. Для изображения зависимостей пользуются так называемыми «графами Теньера» (линиями от главного слова к зависимому) [Теньер 1988: 23; Алпатов 2001: 279-280].

Это разграничение двух порядков слов имеет важное методологическое значение: «**Говорить** на данном языке – значит уметь преобразовывать структурный порядок в линейный. Соответственно **понимать** язык – это быть в состоянии преобразовать линейный порядок в структурный» [Теньер 1988: 31].

Л. Теньер отказался от традиционной трактовки предложения как структуры с двумя центрами: центром обычного (не назывного!) предложения он считал «глагольный узел»: сказуемое с зависимыми от него членами предложения. По Л. Теньеру, именно «глагольный узел» выражает своего рода «маленькую драму», в которой имеется действие, действующие лица и

обстоятельства. На уровне структурного синтаксиса действию, «актерам» и обстоятельствам соответствуют сказуемое («глагол»), актанты (субстантивные члены предложения) и сирконстанты (обстоятельственные члены предложения), которые непосредственно подчинены глаголу. Подлежащее – лишь наиболее важный (первый) актант, прямое дополнение – второй актант, косвенное дополнение – третий и т.д.; они составляют актантную структуру предложения.

При этом разные глаголы способны присоединять к себе разное количество актантов. Число актантов, которыми способен управлять глагол, Л. Теньер по аналогии с химией называет валентностью глагола и различает нульвалентные, одновалентные, двухвалентные и трехвалентные глаголы [Теньер 1988].

Таким образом, именно Л. Теньер явился «провозвестником семантического синтаксиса» [Гак 1988: 14; Кубрякова 2004: 266]. Тем не менее, недостаток концепции Л. Теньера состоит в недостаточно четком разграничении синтаксиса и семантики, поэтому понятие актанта у него оказалось недифференцированным [Гак П. ЛЭС 1998: 22].

По этой причине в нашем исследовании концепция Л. Теньера дополняется и уточняется «падежной грамматикой» Ч. Филлмора [Филлмор 1981], где дается детальная классификация семантических ролей (валентностей), которые выражаются в структурах предложения. Применительно к русскому синтаксису Г.А. Золотовой была создана функциональная типология синтаксем на базе понимания синтаксической функции как конструктивной роли синтаксической единицы в построении коммуникативной единицы – высказывания [Золотова П. СС-2011: 4].

В заключение назовем еще некоторые методики, приемы анализа и базовые терминологические понятия, необходимые для нашего исследования:

- оппозиционный анализ как «главный вклад пражцев в структурный анализ языка» [Сусов 2006: 235], разработанный Н.С. Трубецким и дополненный Р.О. Якобсоном, который в 30-е – 50-е годы XX века перенес методику оппозиций

на морфологию, а затем В. Матезиус в 60-е годы перенес ее на синтаксис;

- компонентный анализ в его лингвистической, дефиниционной разновидности (В.А. Белошапкова, И. Вахек, В.Г. Гак, Е.В. Гулыга, О.И. Москальская и др.);

- некоторые приемы (сегментация, идентификация, дистрибуция, субституция) и базовые положения (универсум речи, высказывание, сегмент, элемент, окружение) дистрибутивного анализа [Апресян 1966; Степанов 2007; Карлинский 2009 и др.];

- зарождение понятия лингвистической модели (Ю.Д. Апресян, К.Л. Бюлер, И.А. Мельчук, З. Харрис, Ч. Хоккет и др.);

- введенные в трансформационном анализе и генеративной грамматике понятия поверхностных и глубинных структур языка. Поверхностная структура – один из способов описания синтаксического устройства предложения, противопоставленный глубинной структуре, т.е. само конкретное высказывание в речи. Глубинная структура – это способ абстрактного описания устройства предложения, позволяющий отразить смысловую близость ряда предложений при различии их грамматической (синтаксической) структуры и значения [Саввина П. ЛЭС 1998: 110, 379].

Таким образом, в структурной лингвистике «была создана теория грамматик, или метатеория лингвистики, мощный аппарат, который позволяет с большой точностью и надежностью оценивать и сравнивать друг с другом различные классы грамматик» [Апресян 1966: 281; Сусов 2006: 227 и др.], в нашем случае – формальных, семантических, коммуникативных, функциональных, особенно – функционально-коммуникативных.

2. Второе слагаемое нашей концепции – функционализм (функциональная лингвистика), возникший в недрах структурализма и уже охарактеризованный нами как функциональный структурализм, понятие широкое, охватывающее ряд школ и направлений и в целом понимаемое как подход со стороны означаемого, содержания, предназначения (функций) языковых единиц и их функционирования в речи (также частично освещенный нами в разделе 1.2).

При этом важно отметить, что любая грамматика так или иначе включает функциональные аспекты, однако функциональная грамматика характеризуется тем, что представляет собой «развитие и специальную разработку функционального аспекта грамматики как целого» (выделено нами – А.Ш.) [Бондарко П. РЯЭ-2003: 611]. Предметом ее изучения являются функции единиц языка и «закономерности функционирования этих единиц во взаимодействии с их окружением в высказывании и целостном тексте» [Там же: 611].

На основе целостной функциональной грамматики в конце XX века происходит синтез различных видов синтаксиса: семантического (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, Е.С. Кубрякова, Е.В. Падучева, Ю.С. Степанов, И.П. Сусов и др.); коммуникативного (В.А. Звегинцев, Г.А. Золотова, С.Д. Кацнельсон, Н.К. О니пенко и др.); функционального (В.Г. Адмони, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.А. Звегинцев, Г.А. Золотова, Н.А. Слюсарева, Н.Ю. Шведова и др.) и функционально-коммуникативного (М.В. Всеволодова, Г.А. Золотова, Е.В. Клобуков, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов и др.).

Однако такой интегральный подход возможно реализовать лишь в современной лингвистике, для которой характерен синтез функционализма и когнитивизма [Нефёдова 2001: 16; Сорокина 2003: 94; Кубрякова 2004], а потому перейдем к рассмотрению третьего слагаемого нашей концепции – когнитивизма.

3. Когнитивный поворот в мировой науке относится к концу 50-х – началу 60-х годов XX века [Кубрякова П. КСКТ 1997: 69]. Показателем быстрого развития когнитологии является то, что уже на рубеже XX – XXI вв. стало очевидно, что «когнитивная наука – при всей раздробленности ее школ – представила миру некую единую научно-теоретическую программу исследований человеческого разума и человеческих возможностей и вовлекла в это исследование представителей разных наук и целые научные сообщества» [Кубрякова 2000: 4].

При этом признано, что в сообществе когнитивных наук особое место

занимает когнитивная лингвистика как системообразующая наука, поскольку «никакое обобщение человеческого опыта было бы невозможно ВНЕ ЯЗЫКА, БЕЗ ЯЗЫКА: от одного человека к другому, а главное, от одного поколения к другому, была бы невозможна ПЕРЕДАЧА и знаний, и умений, и всего накопленного опыта по взаимодействию людей с миром; лишь существуя в виде системы знаков, язык и совершает свою главную задачу» [Кубрякова 2012: 36-37]¹.

Подчеркивая важность становления и развития когнитивного подхода к языку, Е.С. Кубрякова также отмечает, что «язык – это окно в духовный мир человека, в его интеллект, средство доступа к тайнам мыслительных процессов, и этот поворот в лингвистике заслуживает самого серьезного к нему отношения» [Кубрякова 2012: 26]. Иными словами, «когнитивисты реконструируют ментальные процедуры, основываясь на "показаниях языка"» [Демьянков 2010: 72].

Вот почему именно когнитивная лингвистика во многом определяет «лицо современной мировой лингвистической науки» [Попова, Стернин 2010: 3; Кубрякова 2004; Лузина 2008 и др.].

Исходя из вышесказанного, отметим некоторые моменты, наиболее важные для нашего исследования:

1. Сближение функционализма и когнитивизма, наблюдающееся в современной лингвистике, приводит к тому, что в настоящий период на первый план выходят принципы исследования, ориентированные на когнитивное содержание и функциональное назначение языковых единиц [Нефёдова 2001: 16], поскольку «функции определяют способ существования той или иной категории в языке» [Алексеева 1998: 177; Бондарко 2014: 93].

2. Познание языка и языковых явлений с позиции когнитивизма совершается в двух системах координат: на пересечении когниции и коммуникации, что исходит от самой природы языка, который выполняет две

¹ «Язык, – утверждает У.Л. Чейф, – до сих пор лучшее окно в знание <...>. Язык к тому же наблюдаем, поддается анализу, и нам хочется думать, что он предлагает неплохую возможность анализировать и знание» [Кубрякова 2004: 43].

ключевые функции: когнитивную и коммуникативную – в их единстве и неразрывной связи [Кубрякова 2004: 325; Комарова 2013: 376]; язык по своему назначению представляет собой **двуединую сущность**: является когнитивно-коммуникативным феноменом [Сусов 2007: 51]. Вот почему одним из ключевых принципов современного языкознания является изучение языка с позиции коммуникативно-деятельностного подхода (иными словами, с позиции употребления языковых единиц в речи) [Демьянков 2010; Комарова 2013: 455-456 и др.]. Данный подход принят и в нашем исследовании.

В заключение приведем слова Е.В. Падучевой о том, что современная лингвистика «получила в свое распоряжение аппарат, позволивший описывать смыслы таких единиц, которые раньше ей были не под силу – частиц, междометий, дейктических слов, иллокутивных функций и прочее» [Падучева 1995: 47]. Данное утверждение справедливо и в отношении изучения значений/смыслов первичных простых предлогов и выявления их омонимии.

В целом концептуальный синтез структурализма, функционализма и когнитивизма значительно расширяет и углубляет наш подход к исследованию, т.к. обладает большой интерпретационной и эвристической силой.

1.3.2. Категориальный подход к языку как слагаемое исследования

В основе категориального подхода к языку, как известно, лежат десять универсальных, философских (логико-мыслительных) категорий Аристотеля [Аристотель 1978].

Выявлено, что любая категория имеет три аспекта: 1) онтологический; 2) гносеологический и 3) лингвистический. Первый отражает суть явления реальной действительности, второй связан со структурированием мира разумом человека, а третий используется для представления первых двух языковыми средствами, т.к. именно язык как когнитивный механизм [И. КСКТ 1997: 53] выполняет три взаимосвязанные функции: «Он служит средством дискретизации знаний, их объективации и, наконец, интерпретации» [Звегинцев 1996: 195]. В этой

связи в современной лингвистике была осознана и поставлена общенаучная проблема: «**Категория и язык**» [Кубрякова 2004: 305-320; Комарова, Дедюхина 2010-б и др.].

Понятие **лингвистических категорий** было введено в отечественную лингвистику О.С. Ахмановой, которая определяет их как «общие свойства различных классов и разрядов языковых единиц, конституирующие эти классы и получающие разнообразное языковое выражение: морфологическое, синтаксическое, просодическое и т.п. – при различном содержании (грамматическом, лексическом, стилистическом и т.п.)» [Ахманова И. СЛТ 1969: 190].

Впоследствии более традиционным стало синонимическое понятие **языковая категория** [Крылов И. ЛЭС 1998: 215-216], а в лингвистике начала активно обсуждаться проблема соотношения **языковой категории** и **понятийной категории** как одна из главных проблем наших дней [Кубрякова 2004].

Проследим развитие данной проблемы по так называемым «пикам, узлам познания» (термин К. Маркса).

Первый «пик» связан с трудом О. Есперсена «*Философия грамматики*» (1928 г.), в котором в научный оборот вводится термин «**понятийные категории**», которые являются своего рода категориями универсальными, т.к. их можно применить ко всем языкам [Есперсен 2006].

Второй «пик» связан с работами И.И. Мещанинова, который подчеркивает важность понятийных категорий как «мыслительного субстрата языков», что было отмечено уже В. фон Гумбольдтом, при этом различия между языками относятся в основном к форме экспликации содержания, в то время как такие понятия, как предметность, действие, субъект, предмет, атрибуты с их модальными оттенками и т.д. являются общими для всех языков [Комарова, Калинин 2019: 92].

По И.И. Мещанинову, **понятийные категории** – это «семантические категории, которые выступают непосредственными выразителями норм сознания в самом языковом строе. Они служат тем соединяющим элементом, который связывает, в конечном итоге, языковой материал с общим строем человеческого

мышления, следовательно, и с категориями логики и психологии» [Мещанинов 1945: 15]. Понятийные категории находятся посередине между грамматическими категориями языка и категориями сознания. До завершения пути своего синтаксического и морфологического оформления они остаются «скрытыми категориями сознания, в том или ином виде выражающимися в языке» [Мещанинов 1978: 240].

Близкое видение проблемы находим у Э. Бенвениста, который подчеркивает, что понятийные и языковые категории нельзя противопоставлять либо отождествлять, и указывает на то, что «категории языка (языковые) оказываются транспозицией категорий мышления» (понятийных категорий) [Бенвенист 1974].

Взаимодействие понятийных и языковых категорий происходит через так называемые «понятийные пункты» – семантические категории, что позволяет прийти к выводу о сложности описания **языковых категорий**, которая связана с тем, что они опираются на **понятийные категории**, являющиеся по сути своей **семантическими**, а значит, находящимися в компетенции лингвистов, однако обладающими разным содержанием: логико-философским, психологическим и различными видами языкового синкретизма.

Данный вывод получает развитие на **третьем «пике»**, связанном с работами С.Д. Кацнельсона, который изучает эту проблему по трем основным направлениям лингвистических исследований: общая грамматика и теория частей речи, типологическое сопоставление языков и проблема порождения высказывания и речемыслительные процессы.

Ключевым моментом при отнесении слова к той или иной категории является его **значение**: «В самих значениях слов, независимо от того, оформлены ли они флективно или по нормам той или иной морфологии, существуют некоторые опорные пункты, позволяющие говорить о существительных, прилагательных и т.д.» [Кацнельсон 1986: 119]; такими «опорными пунктами» и выступают понятийные семантические категории, которые «составляют основу грамматического строя, поскольку с их помощью достигается осмысление

чувственных данных и преобразование их в **пропозиции**» [Там же: 151].

По С.Д. Кацнельсону, пропозиция является основным понятием процесса речепорождения, в котором выступает в роли «операциональной системы» и рассматривается как мыслительное содержание, выражающее определенное «положение дел», событие, состояние как отношение между логически равноправными объектами для дальнейшего преобразования в предложение [Кацнельсон 1986: 135]. В наши дни пропозиция понимается неоднозначно [Арутюнова И. ЛЭС 1998: 401], однако близкое понимание содержится в **семантическом синтаксисе**, изучающем отношение высказывания к обозначаемой ситуации (И.Д. Арутюнова, Г.А. Золотова, Е.В. Падучева, Л. Теньер и др.).

Основу **четвертого «пика»** составляет концепция А.В. Бондарко, которому принадлежит идея выделения внутри понятийных и языковых категорий уровней контенсивной стороны языка, т.е. выделения семантики на поверхностном и глубинном уровне. Глубинная семантика не имеет конкретно-языковой организации и не закреплена за определенными языковыми средствами, в то время как поверхностная семантика базируется на глубинной и относится к конкретному языку. **Понятийные категории** играют функционально активную роль и по отношению к глубинной семантике, где они не имеют конкретно-языковой специфики, т.е. являются инвариантами, и по отношению к поверхностной семантике, где реализуются в национально значимых вариантах [Бондарко 2003: 34-87].

Концепция А.В. Бондарко является одним из оригинальных направлений **функциональной грамматики**, а потому значима для нашей работы: мы рассматриваем ее как «предтечу» нашего когнитивного исследования.

На этой основе началось развитие методик изучения категорий, в котором можно обозначить три этапа: структурный (по принципу оппозиций), функциональный (полевой) и когнитивный (прототипический) [Лакофф 1988; Демьянков И. КСКТ 1997: 140-145]. Этапы интерпретированы в ряде работ [Кубрякова 2004; Комарова 2013: 472-473; Болдырев 2014 и др.].

Нам представляется продуктивной идея М.В. Всеволодовой относить

понятийные категории к глубинным семантическим категориям языка, а их реализацию в каждом языке вслед за А.В. Бондарко именовать категориями функционально-семантическими [Всеволодова 2009: 76], имеющими в языке несколько рангов (Н.Н. Болдырев, А.В. Бондарко, М.В. Всеволодова и др.)

Пятый «пик» произошел в период постнеклассической науки и связан с когнитивным подходом к языку. Данный подход, характеризующийся новым взглядом на **категории** как **основной формат знания**, базируется на концепции Дж. Лакоффа, который предлагает взамен логических классификаций использовать новую форму структурирования – категоризацию, которая принята и в русистике [П. КСКТ 1997; Кубрякова 2004; Болдырев 2014], т.к. основывается на действии общих для всех людей когнитивных механизмов, находящихся выражение в виде **идеализированных когнитивных моделей (ИКМ)** четырех типов: 1) пропозициональные модели; 2) схематические модели; 3) метафорические модели; 4) метонимические модели [Лакофф 1988: 12-51; Комарова, Калинин 2019: 93].

Мы избираем для исследования пропозициональную ИКМ с опорой на мнение Дж. Лакоффа о том, что «бóльшая часть структуры нашего знания имеет форму пропозициональных моделей» (выделено нами – А.Ш.) [Лакофф 1988: 12-51]. Данную точку зрения разделяют Дж. Андерсон, Г. Бауэр, В. Кинч, подчеркивая, что любые знания о мире хранятся в долговременной памяти человека именно в виде единой пропозициональной системы, которая состоит из семантических сетей [Алефиренко 2009: 54]. Эта позиция нашла широкое отражение в русистике (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, С.Д. Кацнельсон, В.В. Красных, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.).

Пропозициональная ИКМ основывается на пропозиции, т.е. является комплексным и динамическим конструктом, образуемым базовым предикатом и его аргументами; в данной модели не используются механизмы воображения человека (метафора, метонимия или ментальная образность). Иными словами, это первичные, глубинные универсальные механизмы, напрямую связанные с

пространственно-временным бытием человека и его языка, которое является событийным [Арутюнова 1998; Алефиренко 2009: 60; Бабенко II. РГП-2002: 22 и др.].

Н.Н. Болдырев так объясняет **первичность**, а значит – **базовый характер** пропозициональной ИКМ: «**Пропозициональная структура, или пропозиция** – наиболее распространенный способ концептуальной организации нашего знания. Она представляет собой модель события как определенной области нашего опыта, в которой вычленяются элементы – аргументы и базовый предикат, связывающий эти аргументы, – даются их характеристики, указываются связи между ними. Семантические отношения между аргументами представляются в виде определенных семантических функций: агенс, пациенс, экспериенцер, бенефактив, инструмент и т.д. Данные концепты имеют объективный, логический характер, поскольку передают те или иные сущности с их свойствами и реально существующими отношениями. Осознавая собственный опыт событий в терминах пропозиции, человек как бы налагает на него определенную концептуальную структуру-модель в виде базового предиката и его аргументов» [Болдырев 2014: 54].

Разделяя точку зрения У. Чейфа, Н.Н. Болдырев отмечает, что «только пропозиция фиксирует важнейшие составные части события именно так, как их "рисует" себе языковое сознание» [Болдырев 2014: 144]. Формирование пропозиции происходит «в концептосфере говорящего человека» [Попова, Стернин 2001: 82; Маслова 2007: 11].

Таким образом, при изучении категории функционально-синтаксической омонимии предлога необходимо исходить из лингвокогнитивного понимания пропозиции как «единицы хранения знаний» [Алефиренко 2009: 55], а систему пропозиций рассматривать как «способ моделирования целостной картины мира в этнокультурном сознании человека» [Там же: 55] для «вербального получения, хранения и передачи информации» [Там же: 60-61].

Использование пропозициональной ИКМ позволяет обозначить следующую последовательность кодирования познаваемой действительности

в языковом сознании человека: *реалия* → *факт* → *событие* → *пропозиция* → *семантические сети* → *картина мира* → *семантическое пространство языка* [Алефиренко 2009: 61].

Иначе говоря, в структурной организации изучаемой категории с достаточной очевидностью просматривается необходимость использования двух разных принципов: прототипического, с одной стороны, и вариантно-инвариантного – с другой [Болдырев 2014: 162]. При этом понятие «прототипическая семантика» включает как само концептуальное содержание, передаваемое значением языковой единицы, так и метод его описания [Там же: 199].

1.4. Подходы и пути изучения функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов

1.4.1. Структурные единицы исследования

Напомним, что предлог, являясь неноминативным словом и не имея возможности самостоятельного функционирования в речи, помимо внешней (графической, звуко-буквенной) формы «арендует» себе синтаксические и морфолого-синтаксические формы через участие в образовании их структуры. К ним относятся, во-первых, высказывание, во-вторых, словосочетание и, в-третьих, предложно-падежная форма имени как минимальная морфолого-синтаксическая единица – синтаксема [Золотова II. СС-2011: 4].

I. Высказывание как основная структурная единица исследования.

По известному выражению Б.Л. Уорфа, лингвистика – это в основном поиски значения, поэтому анализ следует начинать с параметра «значение» [Кибрик 1992].

С логико-философской и науковедческой точки зрения в лингвистике можно выделить четыре основных **парадигмы** (по Т. Куну) **семантики**, которые можно обобщенно представить в виде формул: 1) значение есть мир (универсум); 2) значение есть факт (ситуация); 3) значение есть предмет (вещь) и 4) значение есть употребление [Юрченко 2008: 47].

В центре парадигмы *«значение есть мир»* находится субъектно-предикатная структура грамматического предложения как единицы коммуникации, хорошо изученная в традиционном (формальном) синтаксисе.

В центре парадигмы *«значение есть факт»* (по раннему Л. Витгенштейну – 1958 г.) находится предикатно-аргументная структура предложения с позиции пропозициональной функции языка, изученная в семантическом синтаксисе.

В центре парадигмы *«значение есть предмет»* находится слово, на базе которого строится вербоцентрическая теория предложения.

В центре парадигмы *«значение есть употребление»* (по позднему Л. Витгенштейну – 1985 г.) находится речевая единица – высказывание как актуализированное предложение [Юрченко 2008: 47-50]¹, в котором реализуются функционально-синтаксические смыслы предлога как ситуативная характеристика знака в контексте, величина вариативная и окказиональная, противопоставленная значению предлога как инвариантной узуальной характеристике предлога – виртуального знака [Кронгауз 2001: 36-38; Звегинцев 2007: 77; Комарова, Дедюхина 2010-б: 81-84 и др.].

Из сказанного следуют методологически важные положения.

1. По мнению некоторых исследователей, субъектно-предикатная структура принадлежит истории и в современных синтаксических теориях для нее более нет места. Однако анализ языкового мышления и речевой коммуникации показывает, что обе структуры – и субъектно-предикатная, и предикатно-аргументная – предполагают друг друга, сложно и своеобразно взаимодействуют и опираются на трехчленный семантический инвариант в глубинной семантической структуре языка: **обобщенный предмет** (субъектная позиция) – **всеобщий опосредствующий признак** (предикатная позиция) – **опосредованный признак** (заглагольная позиция для локативного, темпорального, объектного или квалитативного компонентов) [Юрченко 2008: 66].

Этот инвариант может выступать в свернутом (субъектно-предикатном)

¹ О соотношении предложение – высказывание см.: [Звегинцев 2007: 174; Юрченко 2008: 164-168; Комарова, Дедюхина 2010-б: 85-87 и др.]. О специфике высказывания как поверхностной синтаксической структуры см. Разделы 2.2.6 и 2.3.

[Бейкер 2008: 242] или максимально развернутом виде, когда исходное (глубинное) грамматическое предложение, являясь структурой долексической, не имеющей фонетической реализации (в человеческой памяти нет акустического образа предложения), имеет предельную **четырёхпозиционную структуру**, в которой кроме уже названных трех членов в позиции слева от предмета появляется еще **непосредственный признак** – атрибут. Он входит в структуру субстантивного словосочетания в высказывании, но генетически является «деградированным сказуемым» [Пауль 1960; Юрченко 2008]. Например, *Космический* (атрибутивная позиция) *корабль* (субъектная позиция) *возвращается* (предикатная позиция) *на Землю* (локативная позиция) (И. Письменный).

На этой предметно-признаковой доязыковой основе во всех языках формируется грамматическое предложение: «Сущность предложения во всех языках мира заключается в развертывании **признаков предмета**» [Серебренников 1983: 238].

В этом смысле глубинная субъектно-предикатная структура высказывания инициируется субъектом высказывания: «Субъект представляет собой первый, независимый объект системы, который не только задает отношение, но и задает обусловленные объекты <...>. Предикат – это второй (порождаемый субъектом, но в то же время характеризующий) объект системы. Предикат как характеризующий элемент системы обозначает признак или отношение, порождаемое субъектом» (выделено нами – *А.Ш.*) [Абдуразаков 1985: 16-17; Болдырев 2014: 201]. «Предикат обычно мыслится не отдельно, не сам по себе, но в отношении к субъекту» [Смирницкий 1957: 108].

Исходя из этого, субъектно-предикатную структуру высказывания схематично можно представить следующим образом: **S** → **Pr** (предикативный признак) → **непредикативные признаки** (актантные и сирконстантные).

Уже эта схема содержит наше представление о диалектическом взаимодействии двух глубинных синтаксических структур: субъектно-предикатной как исходной, долексической и потому более глубинной, чем предикатно-аргументная, которая является как бы снятым результатом

первой [Юрченко 2008], а потому менее глубинной и более продвинутой по оси «глубинное – поверхностное» в лексико-грамматическом оформлении.

Иначе говоря, мы в исследовании ориентируемся на предикатно-аргументную структуру в первую очередь потому, что она значительно сдвинута в лексико-грамматический план и предполагает наличие семантически и морфологически развитого глагольного (финитного) релятора, а также предметных членов – актантов, обусловленных семантикой глагола. Но при этом (в отличие от концепции Л. Теньера) мы рассматриваем субъект как **«повышенный в рангах семантико-синтаксический актант»**, входящий в предикативную основу (выделено нами – *А.Ш.*) [Абдуразаков 1985: 17; Шубик 1982: 134; Арутюнова И. ЛЭС 1998: 379-380; Золотова И. СС-2011: 13; 23-25 и др.], учитываем сложность и диффузность субъекта и предиката и асимметрию между семантическими и синтаксическими актантами, сирконстантами (М.А. Абдуразаков, В.Г. Гак, А. Греймас, Г.А. Золотова, Б. Потье, Ч. Филлмор и др.).

2. Отметим еще два момента: во-первых, опосредствующий признак имеет двусущностную природу, а потому образующийся на его основе предикат также выполняет в высказывании две семантико-синтаксические функции: он выступает как предикат-свойство и принадлежит тогда субъектно-предикатной структуре, а также выступает как предикат-отношение и тогда принадлежит предикатно-аргументной основе предложения [Бацевич 1993: 7; Юрченко 2008: 65]. Эти функции «вообще суть две взаимосвязанные стороны глубинного языкового предиката» [Юрченко 2008: 67].

Во-вторых, иерархическая гетерогенная структура предложения/высказывания порождена тремя векторами языка: предметно-признаковостью, идущей от действительности, линейностью, идущей от реального времени, и субъективной волей человека – интенциональностью, направленной на присоединение к предмету признаков, расположенных на линейной оси реального времени. Таким образом, предмет (S) и признаки получают в глубинной структуре языка двойную детерминацию: **внешнюю** (т.к. являются результатом отражения внеязыковой действительности) и **внутреннюю** (т.к. связаны с положением на

линейной оси времени, а следовательно, и на линейной оси предложения). [Юрченко 2008].

II. Словосочетание как синтаксическая структура исследования.

В русской синтаксической науке после В.В. Виноградова сложилась традиция связывать словосочетание не с предложением, а с лексической единицей – словом: «Словосочетание – это сложное именование. Оно несет ту же номинативную функцию, что и слово» [Виноградов 2001 (1947): 16].

Тем не менее, если предложение/высказывание – это «первичная синтаксическая единица», то словосочетание – это «вторичная синтаксическая единица: словосочетание в конечном счете образуется на базе предложения» [Шахматов 1941; Бенвенист 1974; Серебренников 1976; Степанов 1989; Юрченко 2008: 74 и др.].

Линия последовательного разграничения предложения и словосочетания была реализована в АГ-70 и РГ-80, а среди различительных признаков этих структур основным считается предикативность-непредикативность, при этом различия имеют чисто грамматический характер, а по вещественному содержанию эти синтаксические единицы могут совпадать при тождестве лексического состава. Например: *вечернее рассказывание сказок бабушкой* (речевое словосочетание) – *Вечером бабушка рассказывала сказки* (простое предложение). Словосочетание, будучи непредикативной единицей, представляет событие вне связи с ситуацией речи и без оценивающей позиции говорящего [Белашапкина 1997].

Таким образом, предложение и словосочетание противопоставлены друг другу как единица общения и грамматическая единица номинации. Одновременно с этим данные структуры приближены друг к другу. Иначе говоря, словосочетание – это «не что иное, как составы предложения: состав подлежащего – это реальное субстантивное словосочетание, а состав глагольного сказуемого – это потенциальное глагольное словосочетание» [Юрченко 2008: 75-76].

Итак, **словосочетание** – это непредикативная синтаксическая конструкция, компонентами которой являются слово и форма слова, связанные подчинительной

связью: согласования, управления, примыкания [П. РЯЭ-2003: 507].

Например, в словосочетании *рисовать березу* за конкретным речевым сочетанием слова *рисовать* с определенной словоформой (вин. п.) другого слова (*березу, лес, поле, ребенка, прошлое и т.п.*) кроется образец словосочетания, который можно выразить формулой: $V_{trans} N_{4\ synt}$ (где V – глагол, N – существительное, $trans$ – переходный, $4\ synt$ – винительный (четвертый) падеж с синтаксическим значением – прямой объект) [Белошапкина 1997: 612]. Речевые словосочетания могут быть и многокомпонентными; по мнению Л.А. Манерко, такие словосочетания – ключевые словесные единицы, «позволяющие раскрыть сложную диалектику языка и речи» [Манерко 2001: 23].

III. Предложно-падежная форма имени как минимальная морфолого-синтаксическая единица – синтаксема.

Зависимый компонент словосочетания представляет собой словоформу имени в косвенном падеже, а также – предложно-падежную форму имени, релевантную нашему исследованию. Предложно-падежная форма имени – это морфолого-синтаксическая форма [Всеволодова 2004, 2012: 30], компоненты которой не просто взаимосвязаны, но нерасторжимы [Шахматов 1941: 504; Шиганова 2001: 10; Юрченко 2008: 93; Сичинава 2011], т.е. «составляют один компонент синтаксического соединения» [Белошапкина 1997: 655].

Важнейшей категорией имени является **категория падежа**¹, что отмечается во многих научных трудах и грамматиках. Так, в РГ-80 **падеж** определяется как «словоизменительная категория, выражающаяся в системе противопоставленных друг другу рядов форм и обозначающая отношение имени к другому слову (словоформе) в составе словосочетания или предложения» (выделено нами – *А.Ш.*) [П. РГ-80. I: 474].

Предлоги непосредственным образом связаны с категорией падежа имени: ими выражаются «те же общие отношения, которые выражаются косвенными

¹ Е. Курилович выявил два типа синтаксических отношений, выражаемых падежами существительного: собственно синтаксические (отношение подчинения) и смысловые – семантико-синтаксические (места, времени, способа действия и др.) [Курилович 1962]. Эти два типа отношений характерны вообще подчинительной связи [Белошапкина 1997: 628].

падежами существительных <...>, однако, по сравнению с косвенными падежами, предлоги способны выражать названные отношения гораздо более определенно и дифференцированно» (выделено нами – *А.Ш.*) [П. РГ-80. I: 704]; иными словами, предлог «не только поддерживает и усиливает значение падежей, но и дополняет, специализирует, осложняет их в том или другом направлении» (выделено нами – *А.Ш.*) [Виноградов 2001: 555]. При этом «целый ряд значений выражается падежами не самостоятельно, а только в составе предложно-падежных сочетаний» [П. Сичинава 2011].

Необходимо отметить, что некоторые специалисты отождествляют функции флексии и предлога, однако мы разделяем точку зрения А.М. Чепасовой, З.Д. Поповой, Г.А. Шигановой, Т.А. Пантелеевой и ряда других лингвистов и считаем, что роль флексий и предлогов несколько различна, поскольку флексия выражает в первую очередь падежную форму, а уже затем – падежное значение, в то время как предлог используется для выражения падежного значения и только во вторую очередь – падежной формы. В этой связи один и тот же предлог способен употребляться с разными падежными формами, «разделяясь, по существу, на несколько предлогов» [Чепасова 2007: 12], что приводит к явлению предложной омонимии. Таким образом, предлог и флексия находятся в тесном взаимодействии, однако «не повторяют, а дополняют друг друга» [Шиганова 2001: 10].

Кроме того, крайне важно то, что изучение семантики предлогов не должно основываться «только на учете "связи справа", то есть на сочетании предлога с падежной формой имени» [Пантелеева 2006: 6]. Необходимо также учитывать «связь слева», то есть определить ограниченный круг управляющих слов, с которыми может сочетаться предложно-падежная форма. Иначе говоря, значение предлога в рамках подчинительной связи нужно определять с учетом как зависимого компонента, так и управляющего слова (чаще всего глагола или имени), то есть «в условиях двусторонних синтаксических связей» [Пантелеева 2006: 6; Комарова, Ширшикова 2017-б: 45].

Из сказанного ясно, что предложно-падежная форма имени, функционирующая в словосочетании и высказывании, является единицей синтаксического

уровня языка, а потому осмысление ее Г.А. Золотовой как синтаксемы [Золотова 1973: 30-102] является вполне обоснованной концепцией.

Под **синтаксемой** понимается «минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризуемая, следовательно, определенным набором синтаксических функций» [Золотова П. СС-2011: 4]. При этом под синтаксической функцией понимается конструктивная роль синтаксической единицы в организации коммуникативной единицы – предложения [Там же: 17].

Отличительными признаками синтаксемы являются: 1) категориально-грамматическое значение слова, от которого она образована; 2) соответствующая морфологическая форма и 3) вытекающая из первых двух пунктов способность синтаксически реализовываться в определенных позициях [Там же: 4].

Мы используем понятие синтаксемы, функционирующей в словосочетаниях и высказываниях, без дальнейшего деления на функциональные типы, а также используем репертуар семантических «ролей», поскольку наше исследование проводится на базе пропозициональной ИКМ.

Таковы три основные синтаксические структуры, которые являются для функционирующего в них первичного предлога ближайшим контекстом/микроконтекстом (синтаксема), средним контекстом (словосочетание) и широким контекстом (высказывание).

1.4.2. Семиотические основы изучения предлога как виртуального знака и как актуализированного в речи знака

Исходя из базовой антиномии, выделенной еще Ф. де Соссюром: лингвистика языка и лингвистика речи¹, – предлог является объектом изучения обеих лингвистик. При рассмотрении предлога как части речи (см.

¹ Лингвистика речи, или речеведение – область знаний в лингвистике, включающая комплекс наук, исследующих с разных сторон один и тот же объект – речь (речевую деятельность, речевое общение и поведение) и объединенных общим принципом изучения, а именно употребление, функционирование языка во внешней среде (контексте) [Кожина П. СЭСРЯ-2003: 338].

Раздел 1.2.1) акцент был сделан на его специфике как языкового виртуального знака.

Характеризуя **теоретико-методологическую базу исследования** во Введении, основывающуюся на сложной, многомерной, многокачественной, антиномичной природе человеческого языка¹, мы также акцентируем концептуальные признаки предлога как языкового знака.

Опираясь на эти данные, перечислим **исходные принципы**, необходимо достаточные при изучении предлога как **виртуального языкового знака**:

- единство антропоцентричности и системоцентричности;
- симметричность/асимметричность знака;
- инвариантность – вариантность семантики предлога;
- парадигматичность – синтагматичность предлога;
- «следы» диахронии в синхронном срезе предлогов;
- универсальность предлога в типологии языков;
- «челночный» переход от семантики к форме и обратно;
- иерархичность семантики предлога;
- наличие внутрисловной семантической парадигмы предлога;
- взаимодействие межсловных парадигм предлога (синонимия, антонимия);
- пересекаемость парадигм предлога;
- учет основных типов отношений межсловных парадигм: полного различия, полного тождества, отношения включения и отношения пересечения, при этом структурный каркас языка образуют два последних типа отношений [Васильев 1985: 23];
- синкретизм лексических, морфологических и синтаксических свойств предлога;
- наличие ядерных (прототипических) и периферийных компонентов семантики предлога.

¹ «Язык – многомерное явление, возникшее в человеческом обществе: он и система и антисистема, и деятельность и продукт этой деятельности, и дух и материя, и стихийно развивающийся объект и упорядоченное саморегулирующееся явление, он и произволен и произведен и т.д.» [Маслова 2001: 3].

В многопризнаковой характеристике предлогов один параметр является кардинальным – отсутствие номинативности, вследствие чего предлог не может быть в поверхностной структуре языка/речи самостоятельным членом предложения, а является чисто структурным, т.е. служебным словом.

В этой связи отметим признаки **предлога как актуализированного в речи (высказывании) слова**, необходимо достаточные для его анализа:

- служебность, формирующая строй языка и реляционную, синтаксическую структуру высказывания и речи в целом;
- предлог, выражая языковые (парадигматические и синтагматические) и внеязыковые (ситуативные) связи, имеет основную предназначенность – указание на зависимость имени существительного от других знаменательных слов в высказывании [II. РГ-80. I: 456];
- предлог в речи, в процессе коммуникации оформляет три синтаксические структуры: синтаксему, речевое словосочетание и высказывание;
- учет теории формального, коммуникативного, функционального и семантического синтаксиса с позиции вербоцентрического подхода позволяет выявить как внутрисловную парадигму семантики предлога, так и его межсловные (синтагматические) связи;
- учет учения о падеже, словоизменении, склонении, формообразовании, флексиях и словосочетаниях позволяет выявить то, что предлог функционирует в условиях двусторонних синтаксических связей: связь справа – имя существительное в форме косвенных падежей, связь слева – глагол или имя (*выйти в коридор; цветы в вазе*), на базе чего возможно определить значения/смыслы и функции предлога;
- учет «падежной», или «ролевой» грамматики, теории валентностей и сочетаемости (лексической и грамматико-синтаксической) позволяет провести анализ пропозициональной структуры высказывания и выявить семантико-синтаксические смыслы/значения предлога в коммуникации для обоснования видов функционально-синтаксической омонимии изучаемых предлогов.

Полагаем, что такой подход дает достаточные основания для наблюдений

за поведением первичных предлогов в речевом отрезке – высказывании в аспекте возникновения омонимии первичных предлогов как единиц языка и речи с позиции их употребления, функционирования во внешней среде – контексте [Кожина П. СЭСРЯ-2003: 338], что обеспечивает речевую системность (Н.С. Болотнова, М.Н. Кожина, Л.П. Крысин, О.Б. Сиротинина, Н.И. Формановская, Т.В. Шмелёва и др.).

1.4.3. Проблема соотношения полисемии и омонимии первичных простых предлогов

Проблема разграничения полисемии и омонимии была поставлена к середине XX века (О.С. Ахманова, Ш. Балли, С.Г. Бархударов, Р.А. Будагов, В.В. Виноградов, Р. Годель, Т. Дурович, А.П. Евгеньева и др.) и активно развивалась в 1960-е – 1970-е годы: М.М. Фалькович (1960), А.А. Леонтьев (1968), М.И. Задорожный (1971), А.Т. Кривоносов (1977), О.М. Ким (1978), Ф.А. Литвин (1987) и др. Однако и в наши дни она далека от решения, на что указывают многие современные лингвисты: О.В. Лукин (2002), А.М. Чепасова (2007), Л.А. Милованова (2009), А.И. Авдина (2014), Д.В. Качурин (2014), И.С. Волошина (2015), Б. Млинарова (2018) и др.

О.С. Ахманова выделяет два возможных пути решения данной проблемы.

Первый путь – внеязыковой – базируется на различии предметов реальной действительности, обозначенных словами, например: *бюро*¹ («учреждение») и *бюро*² («предмет мебели»). Ограниченность этого пути очевидна: он применим только к конкретным существительным («вещам») и не применим к абстрактным существительным и абстракциям вообще.

Второй путь – собственно языковой – состоит в установлении объективных критериев разграничения, которые давали бы во всех случаях однозначное решение [Ахманова 2004 (1957): 112].

Ведется обсуждение таких главных критериев:

- семантический (признается основным) заключается в установлении наличия или отсутствия семантической связи между отдельными значениями в

семантической структуре слова;

- лексический – выявление синонимических связей;
- морфологический – установление моделей словообразования;
- этимологический – установление наличия или отсутствия этимологических корней, связей.

Однако практика использования данных критериев свидетельствует о том, что они имеют ограниченную сферу применения: первый критерий применим только к гомогенным омонимам, образовавшимся в результате распада многозначного слова, и наоборот, четвертый критерий применим только к гетерогенным омонимам как словам, заимствованным из разных языков и случайно совпавшим по форме в русском языке; второй и третий критерии не всегда дают однозначное решение. Кроме того, все названные критерии нельзя считать абсолютно надежными.

Выдвигаются предложения использовать все эти критерии одновременно (так называемый «комбинированный подход» [Качурин 2014: 45]), дополненные другими показателями, к примеру, синтаксическими (В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, О.С. Ахманова, О.М. Ким, И.П. Сусов и др.).

В.В. Виноградов на примерах отдельных слов показывает возможность использования еще трех способов выделения омонимов: историко-лексикологического, морфолого-словообразовательного и структурно-семантического [Виноградов 1977: 255-259], но данные критерии направлены главным образом на лексическую омонимию знаменательных слов; при этом оговаривается, что критерии разграничения неизменяемых служебных слов «выделяются в отдельную проблему» [Ахманова 2004 (1957): 120; Виноградов 1977].

Тем не менее, В.В. Виноградов, характеризуя структурно-семантический принцип разграничения омонимов, который «опирается на законы и правила связи и сочетания значений в разных структурно-семантических типах слов» [Виноградов 1977: 257], указывает, что этот принцип может быть применим не только к знаменательным словам, но и к служебным [Там же: 258], иллюстрируя

такую возможность на базе грамматических отношений и функций первичных предлогов *С, О, ПО* с разными падежами имени [Там же: 258].

Эта идея базируется на категориальной сущности предлога как маркера отношения зависимости имени к другим словам основной единицы коммуникации – предложения/высказывания, а потому подкласс первичных предлогов – общность чисто функциональная (Н.Д. Арутюнова, В.А. Белошапкова, Т.В. Булыгина, Г.А. Золотова, М.В. Ляпон, Н.Ю. Шведова и др.) и по своему функциональному назначению – синтаксическая.

Показательно, что в своей основной работе «*Язык и знание*» Е.С. Кубрякова, обсуждая проблему критериев выделения частей речи [Кубрякова 2004: 115-267], показывает, что предпочтение в наши дни отдается синтаксическому критерию, т.к. он базируется на «примате синтаксического начала в языке» (Ш. Балли, С.Д. Кацнельсон, Дж. Лайонз, И.И. Мещанинов, Г. Пауль, Н.С. Поспелов, Б.А. Серебренников, В.М. Солнцев, Ю.С. Степанов, А.А. Шахматов и др.), является «более универсальным» по сравнению с другими критериями (В.М. Алпатов) и «самым мощным» [Есперсен 2006; Кубрякова 2004: 213].

Таким образом, вне сомнения, теоретически основным критерием для разграничения омонимии и многозначности в комплексе «широкозначность»¹ предлога является **функционально-синтаксический критерий**. Для изучения омонимии, многозначности и синонимии синтаксических форм «представляется более плодотворным функционально-синтаксический принцип», – считает Г.А. Золотова (выделено нами – *А.Ш.*) [Золотова 1973: 109], поскольку «именно функциональные свойства предложно-падежных форм имени существительного составляют их дифференциальные признаки» [Там же: 101-102].

Однако возникает вопрос о том, как именно использовать данный критерий в нашем исследовании, поскольку он является операциональным, т.е. поисковым, эвристическим, предполагающим градуальную шкалу

¹ В разделе 1.2.1 мы показали, что в комплекс «широкозначность» включены как взаимосвязанные не только полисемия и омонимия, но и эврисемия и амбисемия, дающие возможность предлогу участвовать в построении высказываний на любом семантическом пространстве языка и в любой денотативной сфере.

(шкалирование) более частных факторов, признаков¹ [Перцов 2001: 93].

В градуальной шкале «многозначность – омонимия» полисемия и омонимия являются только крайними точками, между которыми находится множество переходных значений, которые являются «не совсем полисемантом» и «не совсем омонимом» [Качурин 2014: 46-51; Новиков 1961: 7; Шмелёв 1973: 87]. При анализе такой неоднозначности Д.В. Качурин устанавливает до шести степеней градации у знаменательных слов [Там же: 51].

Идею градуального шкалирования продуктивно перенести и на анализ предлогов, однако даже в случае со знаменательными словами оценить силу семантической связи у этих переходных значений необычайно сложно [Гак 1974; Анна А. Зализняк 2006], а у предлога, у которого переход от грамматического значения к лексическому также имеет градуальный характер, выделить какой-то определенный признак либо набор признаков не всегда представляется возможным [Булыгина, Шмелёв 1997]. Необходимо установить множество частных факторов, признаков и их взаимодействий.

Если вернуться к критериям распределения слов по частям речи, обсуждаемым Е.С. Кубряковой, то она предлагает следующее: «Идя от понимания каждой части речи как прототипической категории, характеризуемой определенным **кластером** или **пучком признаков**, мы можем довольно четко определить, какой набор признаков типичен для существительных в отличие от глагола, а какой кодируется в языках мира прилагательными в отличие и от существительных, и от глаголов» [Кубрякова 2004: 214-215].

Такие **кластеры (пучки) признаков**, обозначенные нами для виртуальных и актуализированных предлогов (см. Раздел 1.4.2), с одной стороны, являются базой для поиска критериев разграничения омонимии и полисемии предлогов, а с другой – нуждаются в интерпретации и конкретизации с позиции их динамических синтаксических свойств, которые могут быть обнаружены только тогда, когда предлоги выступают как «"синтаксические атомы" – строительные элементы высказывания и текста» [Кубрякова 2004: 216],

¹ О действии категории градуальности в языках см. [Халина 1997].

т.е. с позиции **«кластерных свойств слова»** (в нашем случае – предлога) «в согласовании друг с другом в прототипических ситуациях» (выделено нами – *А.Ш.*) [Croft 1991: 52] для детализации выделенного базового критерия – функционально-синтаксического.

Исходя из этого, 1) три избранные семантико-синтаксические структуры (высказывание – словосочетание – синтаксема) мы считаем типами **контекстов** (от более широкого через средний к микроконтексту) для анализа **сочетаемостей** слов, входящих в эти языковые контексты; 2) выявляем типы активной сочетаемости (т.е. **валентности**) стержневых знаменательных слов и пассивной сочетаемости у зависимых слов в словосочетаниях; 3) выявив **типы сочетаемости** (в нашем случае – семантико-грамматической [Золотова П. СС-2011: 12]), устанавливаем **функции** и **семантико-синтаксические смыслы** первичных предлогов в данных контекстах.

Эти **функции** как категориальное свойство предлога создают «универсальную базу выделения всех остальных главных синтаксических категорий» [Croft 1991: 52], поэтому мы считаем их **различительными критериями** омонимии и полисемии, т.е. **различные функции являются признаком омонимии**, т.к. между ними просто невозможны живые синтаксические связи [Арутюнова 1976: 44; Чепасова, Чередниченко 1999; Кубрякова 2004: 221; Авдина 2014: 62 и др.]. В качестве другого (более частного) критерия омонимичности мы принимаем выявление **синонимических связей** исследуемых предлогов, основываясь на «способности языковых единиц к **субституции** в определенных контекстах» [Ахманова П. СЛТ 1969: 461; Бенвенист 1974: 129-132; Головня 2007: 13; Барабаш 2015-б: 43 и др.]: если рассматриваемые предлоги способны образовывать **автономные** синонимические цепочки, то это «служит доказательством наличия омонимии» у данных предлогов [Чепасова, Чередниченко 1999; Авдина 2014: 60 и др.].

Что касается **семантико-синтаксических смыслов** предлога, то их оппозиция на 2-5 или 3-5 уровнях иерархической семантической структуры предлога при отсутствии общих сем также свидетельствует об омонимии

предлога. Но поскольку в поверхностной линейной структуре высказывания омонимия нейтрализуется (см. Разделы 2.2.1 и 2.3), то **абсолютная омонимия предлога** в языке невозможна, возможны лишь различные виды **неабсолютной имплицитной омонимии**, которая имеет градуальный характер в комплексе «широкозначность» первичного предлога.

Г.А. Золотова так обосновывает подход применительно к предложно-падежным (т.е. синтаксическим) формам языка: «От омонимии синтаксических форм, **разделяемых границами функциональных типов**, целесообразно отличать явление, родственное полисемии. Полисемией синтаксических форм слов можно назвать совпадение форм, различных по структурно-смысловому значению **внутри одного функционального типа**» (выделено нами – *А.Ш.*) [Золотова 1973: 106].

Например, синтаксическая форма (*поехали*) *за доктором* имеет значение «указания на предметную цель движения». В высказывании: *За доктором в комнату вошел священник* – синтаксическая форма имеет значение «указания на временную последовательность». Это разные функциональные типы, следовательно, они омонимичны [Там же: 106].

Однако в этой же работе Г.А. Золотова отмечает, что «в разграничении омонимичных и полисемичных синтаксических форм возможны и **переходные случаи**, относительно квалификации которых остаются сомнения» (выделено нами – *А.Ш.*) [Золотова 1973: 109].

1.5. Принципы и критерии формирования эмпирической базы исследования

1.5.1. Принципы отбора предлогов для исследования

Предлоги являются обширным и крайне неоднородным классом слов по структуре и происхождению. В рамках одного исследования не представляется возможным изучить семантические свойства всех имеющихся в современном русском языке предлогов в их отношении к омонимии, а потому в нашей работе рассматривается только подкласс первичных простых предлогов. Выбор

обусловлен тем фактом, что такие предлоги обладают рядом характерных (прототипических) особенностей, важных для нашего синхронного исследования. Первичные простые предлоги являются:

- широкозначными и полифункциональными, т.к. свойство полифункциональности предлога заложено в его функционально-семантической эволюции [Плунгян, Рахилина 2000; Селиверстова 2004]; некоторые из них (8 единиц) способны употребляться более чем с одним падежом имени; как отмечает ряд исследователей, именно у таких единиц можно предполагать наличие омонимии [Крейдлин 1987: 106; Поликарпов 1987: 147; Перцов 2001: 15];
- древнейшей категорией предлогов по происхождению. В современном языке нельзя найти знаменательных слов, которые сохраняют живые мотивационные отношения с данными предлогами: это обособившийся подкласс предлогов, который можно изучать в синхронном аспекте;
- непополняющимся подклассом слов, т.к. в современном языке не происходит процессов образования новых первичных предлогов. Мы имеем возможность исследовать данный подкласс как систему, при этом «закрытую», имеющую свою специфику в широте значений единиц, входящих в этот подкласс, и их референциальности «миру языка» [Кубрякова 2004: 212; Комарова, Ширшикова 2017-б: 44].

Таковы основные принципы, которыми мы руководствовались при выборе подкласса предлогов для исследования.

Следующий этап работы заключается в определении списочного состава первичных простых предлогов. В ходе анализа научной литературы мы столкнулись с определенными затруднениями, поскольку исследователи и грамматики выделяют разное число таких предлогов: 22 предлога в [П. АГ-60. I: 656-657] и [П. РГ-80. I: 705], однако состав несколько различен; в [П. КРГ-2002: 370] 20 первичных простых предлогов; Е.Т. Черкасова и Д.В. Сичинава выделяют 19 предлогов [Черкасова 1967: 26; П. Сичинава 2011]; М.В. Всеволодова относит к данному подклассу 33 предлога, называя такие предлоги «немотивированными» [Всеволодова 2012: 49], и др.

Так, неопределенным представляется категориальный статус предлога *между* (*меж*). Тем не менее, большинство исследователей и грамматиков относят данный предлог к числу первичных [П. РГ-80. I: 705; П. КРГ-2002: 370; Шиганова 2001: 26 и др.]. Мы включаем предлог *между* (*меж*) в число единиц, подлежащих исследованию, поскольку он не имеет омонимов среди других частей речи и в сознании современного носителя языка утратил связь с производящими словами.

Еще более дискуссионным представляется категориальный статус предлогов *сквозь* и *ради* [Ященко 2007: 301-302; П. РГ-80. I: 705 и др.], что заставляет нас исключить их из анализа.

Помимо простых предлогов типа *в*, *на*, *за*, *до*, *к*, *про* и др., к подклассу первичных принято также относить так называемые парные предлоги-сращения, образованные за счет соединения двух первичных предлогов: *из-за*, *из-под*, а также менее употребительные предлоги-сращения *по-за*, *по-над*, *по-под* и т.п. Есть все основания исключить их из анализа, т.к. они стоят особняком, образуя отдельную группу наряду с предлогами типа *напротив*, *промеж*, *поперёд* и т.д., то есть предлогами, в которых «очевиден дополнительный формант-приставка – первичный предлог» [Всеволодова 2012: 43-44].

С учетом вышеуказанных ограничений списочный состав первичных простых предлогов для исследования насчитывает 20 слов: *без* (*безо*) – с род. п.; *в* (*во*) – с вин. и предл. п.; *для* – с род. п.; *до* – с род. п.; *за* – с вин. и тв. п.; *из* (*изо*) – с род. п.; *к* (*ко*) – с дат. п.; *между* (*меж*) – с род. и тв. п.; *на* – с вин. и предл. п.; *над* (*надо*) – с тв. п.; *о* (*об*, *обо*) – с вин. и предл. п.; *от* (*ото*) – с род. п.; *перед* (*передо*), высок. и устар. *пред* (*предо*) – с тв. п.; *по* – с дат., вин. и предл. п.; *под* (*подо*) – с вин. и тв. п.; *при* – с предл. п.; *про* – с вин. п.; *с* (*со*) – с род., вин. и тв. п.; *у* – с род. п.; *через* (*черезо*), высок. и устар. *чрез* (*чрезо*) – с вин. п.

1.5.2. Принципы и критерии создания выборки иллюстративного материала

Как известно, любое лингвистическое исследование опирается на анализ языкового материала, языковых данных. Традиционными являются первичные

источники – тексты, сущность и значение которых точно выразил М.М. Бахтин: это есть «первичная данность» (реальность) всякой гуманитарной дисциплины [Бахтин 1979: 297]. При этом чем больше объем материала, тем выше достоверность наблюдаемых закономерностей, в связи с чем сбор материала всегда имел особое значение. Но чтобы собрать необходимый объем, требовалось много сил и времени, а потому важным источником являются иллюстративные и исследовательские корпуса данных, которые к тому же максимально объективны, поскольку «языковой материал отчужден от исследователя и не зависит от него» [Кронгауз 2005: 75].

Исходя из вышесказанного, считаем, что наиболее удачным решением для нашего исследования является использование «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ) [Электронный ресурс, www.ruscorpora.ru]: «унифицированного, структурированного и размеченного массива языковых (речевых) данных в электронном виде, предназначенного для определенных филологических и, более широко, гуманитарных изысканий» [Захаров 2003: 52]. В связи с этим мы принимаем принципы создания иллюстративных корпусов языков [Баранов 2001; Герд 2005].

Обозначим основные характеристики корпусной лингвистики, призванные подчеркнуть важность использования НКРЯ в качестве источника иллюстративного материала.

1. Смысл корпусной лингвистики состоит в том, что с ее помощью возможно изучить явления, которые реально имеют место в языке, а не «мнимые явления» [Плунгян 2008: 17]; по этой причине исследования, основанные на корпусе, могут достаточно серьезно отличаться от исследований, которые проведены без использования корпусного материала.

2. НКРЯ – это «одновременно и база, и инструмент лингвистического исследования, и третий, обязательный формат лингвистического представления языкового знания и языка (вслед за традиционными грамматиками и словарями)» [Комарова 2010-а: 15].

3. Особое внимание уделяется количественному компоненту языка, т.е.

учету «в первую очередь более частотных (в речи) элементов по сравнению с менее частотными» [Плунгян 2008: 9].

4. НКРЯ является не просто электронной коллекцией текстов, удобным способом поиска иллюстративного материала и своеобразной «данью техническому прогрессу» [Плунгян 2008: 12]; корпус можно охарактеризовать именно как «примету новой идеологии изучения языка, для которой язык, вообще говоря, и есть корпус» [Там же: 12], а также как «уменьшенную модель языка или подязыка» [Захаров 2011: 18].

5. НКРЯ дает возможность наиболее полно и эффективно рассмотреть исследуемые явления, т.к. представляет собой постоянно пополняющуюся информационно-справочную систему, общий объем которой на сегодняшний день составляет более 600 миллионов словоупотреблений.

Наша выборка насчитывает 100 000 словоупотреблений первичных простых предлогов в высказываниях. Данный объем обусловлен тем, что мы опираемся на закон рекуррентности/частотности [Попова, Стернин 2010: 148] и, согласно принципам формирования выборок, такой объем считается **репрезентативным** для получения объективных данных.

Исследование синхронное и построено на материале современного (в широком понимании) русского языка: от времен А.С. Пушкина как зачинателя русского литературного языка до наших дней. Учет двух принципов (прототипического и вариантно-инвариантного) требует введения ограничений, в связи с которыми в выборки не включаются: 1) регулярные модификации структурной схемы; 2) высказывания, содержащие осложнения простого предложения; 3) сложные предложения разных типов и ССК (сложные синтаксические конструкции).

1.6. Выводы по первой главе

1. Поскольку лингвистика как наука развивалась «не прямолинейно, а зигзагообразно, меняя фокусы и векторы своих интересов» [Сусов 2007: 8], то и развитие теории предлога шло разноаспектно, противоречиво, с периодами стагнации и, напротив, резким ростом интереса, который наблюдается в последние десятилетия, когда работ, посвященных семантике предлогов, «опубликовано больше, чем за всю историю русистики» [Солоницкий 2003: 5]; все это создает базу для изучения предлога в избранном аспекте.

2. Выявление места и роли предлога в системе частей речи в русской и европейской грамматической традиции свидетельствует об осмыслении его как отдельной служебной части речи или служебного слова, не имеющего номинативной функции, неизменяемого и не являющегося членом предложения, но широко используемого в строе высказываний. Такая характеристика предлога устойчиво сохранялась в веках, детализируясь и уточняясь (см. Приложение 1).

3. Предлоги – это обширный (в целом активно развивающийся и растущий), однако крайне неоднородный класс слов. Семантико-функциональные свойства предлогов варьируются в зависимости от вида предлога по происхождению: первичный (первообразный) или производный (непервообразный), а также по морфологическому составу: простой, сложный или составной.

4. В исследовании подвергается анализу подкласс первичных простых предлогов. Прототипическая особенность данных предлогов связана с тем, что они являются древнейшим сформировавшимся подклассом слов, «закрытым», не пополняющимся в наши дни, в связи с чем можно изучать его как систему в синхронном аспекте. Все первичные простые предлоги широкозначны и полифункциональны; восемь предлогов способны употребляться с двумя либо тремя падежами имени. Как отмечает ряд исследователей, именно у таких слов можно предполагать наличие омонимии.

5. Изучение проблемного поля первичных простых предлогов в аспекте соотношения «семантика – функция – форма» показало, что:

- общность предлогов чисто функциональная, т.к. предлоги служат для связи знаменательных слов, переводя их из виртуальных средств языка в актуальные речевые единицы, т.е. предлоги – единицы синтаксические, также именуемые некоторыми лингвистами «синтаксическими атомами» языка [Кубрякова 2004: 216; Бейкер 2008: 56];

- предлоги служат для выражения отношения подчинения предложно-падежной формы имени другим знаменательным словам словосочетания или высказывания, реализуясь в двусторонних синтаксических связях;

- лексическое значение предлога предельно абстрактно, является производным от грамматического и относится к нему как частное к общему, а переход от грамматического значения к лексическому у предлога носит градуальный характер, в связи с чем мы используем термины семантика предлога и функционально-синтаксические смыслы предлога;

- семантика предлога является иерархической (4-5 уровней), когнитивно-композитивной, структурной (членимой) системой, прагматически ориентированной и представляющей собой внутрисловную парадигму семантико-синтаксических смыслов;

- минимальная, ультраабстрагированная форма виртуального первичного простого предлога (в основном это одно-, двух- и трехзвучные слова) явно асимметрична сложнейшей многоуровневой семантике актуализированного в речи предлога; именно асимметричный дуализм играет ключевую роль в образовании таких категорий языка, как омонимия и полисемия;

- для полифункционального первичного предлога прототипическими являются следующие функции: синтаксическая, или релятивная (отношение подчинения предложно-падежной формы имени к управляющему слову) и одновременно – семантико-синтаксическая («ролевая»), выражающая более 20 видов смысловых отношений; к грамматическим функциям первичного предлога относится также участие в глагольном и именном (субстантивном) управлении.

6. Как традиционно, так и на современном этапе развития языкознания

предлоги не находят адекватного способа представления в лексикографической практике. В словарных статьях значения первичных предлогов чаще всего представлены недостаточно полно; отсутствует логически организованное описание системы значений; отсутствует единый способ подачи значений первичных предлогов, употребляющихся более чем с одним падежом имени; зачастую никак не фиксируется разница между омонимией и полисемией предлогов. В связи с перечисленными факторами опора на практику лексикографии в нашем исследовании лишь частичная.

7. Хотя омонимия в языках является предметом изучения на протяжении многих столетий, проблематизация омонимии как языкового феномена произошла только в XX веке. Анализ омонимии шел в направлении от лексической омонимии знаменательных слов, которая получила наиболее полную семасиологическую и лексикографическую интерпретацию, к грамматической омонимии знаменательных слов (с 20-х – 30-х годов XX века), а затем в 1950-е – 1960-е годы – к грамматической омонимии служебных слов. Выявлены и в какой-то мере описаны виды грамматической омонимии: морфологическая, синтаксическая, функциональная, а в начале XXI в. началось изучение предложно-падежной омонимии. Теорию омонимии на всех этапах ее развития мы рассматриваем как предпосылочное знание для нашего исследования.

8. Предлог в коммуникации самостоятельно не используется, а потому, чтобы выявить сущность и роль омонимии предлогов для строя языка и его функционирования, необходимо провести анализ синтаксических конструкций, в построении которых участвует предлог: синтаксемы → словосочетания → высказывания.

9. Под функционально-синтаксической омонимией предлога понимается тип грамматической омонимии, который обусловлен функционированием первичного предлога в строго определенных синтаксических конструкциях речи (синтаксема, словосочетание, высказывание) в глубинной структуре языка. Являясь конструктивно обусловленными, предлоги служат для

осуществления ряда синтаксических (релятивных), грамматических и семантико-синтаксических функций на базе семантики данных предлогов.

10. Принятый в работе концептуальный синтез системно-структурного, функционально-синтаксического и лингвокогнитивного (в отечественной когнитивно-коммуникативной версии) направлений, в дихотомии «язык – речь», с привлечением корпусной и количественной идеологии позволили создать интегративный инструментарий, который является необходимо достаточным для изучения категории функционально-синтаксической омонимии подкласса первичных простых предлогов.

ГЛАВА II. Анализ категории функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов

Основная задача главы состоит в том, чтобы выявить и описать виды (модели) функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов, на основании чего обосновать специфику изучаемой категории.

Концептуальный синтез системно-структурного, функционально-синтаксического и лингвокогнитивного подходов является базой технологии **структурно-функционально-когнитивного** анализа категории омонимии первичных предлогов, проводимого **на синтаксическом уровне**.

Сущность данной технологии состоит в соотнесении синтаксических языковых форм с когнитивными структурами как типами знаний (концептами и категорией). Анализ состоит из двух этапов. На первом этапе, рассматривая синтаксические формы (синтаксемы, речевые словосочетания и высказывания) поверхностного линейного уровня языка/речи (т.е. субъектно-предикатной структуры), которые мы имеем в наличии как исходные, мы «реконструируем» семантико-синтаксические формы (синтаксемы, словосочетания, пропозициональную структуру высказывания) глубинного уровня (т.е. предикатно-аргументной структуры) в соответствии с концепцией семантического синтаксиса [Croft 1991; Шмелёва 1988; Гак П. РЯЭ-2003: 457; Кубрякова 2004 и др.]. На втором этапе выявленные глубинные синтаксические формы языка/речи мы соотносим со стоящими за ними «изоморфными» когнитивными (ментальными) структурами [Кубрякова 2004: 118; Лузина 2008: 42; Маслова 2008: 91; Всеволодова 2009: 81].

Предлог, будучи «синтаксическим атомом» [Бейкер 2008: 56], функционирует как в поверхностной, так и в глубинной структуре высказывания, но при этом выполняет разные функции, которые в какой-то мере изучены в грамматиках разного типа (начиная с формальных и завершая семантическим синтаксисом) в поверхностной субъектно-предикатной структуре. При этом функции предлога в аспекте омонимии в глубинной структуре практически не изучены.

2.1. Состав и продуктивность первичных простых предлогов

Принципы отбора первичных простых предлогов для исследования представлены в разделе 1.5.1. Продуктивность предлогов мы определяем по критерию частотности как аналогу употребительности, исходя из того, что «статистические закономерности играют роль эмпирической реальности, интерпретируемой с семантической точки зрения» [Кронгауз 2005: 137], а высокая частотность слов «является критерием для выявления их объективности, объемности и ценности в узловых точках текста» [Чудинов 2009: 40] и одновременно показателем «рекуррентности – когнитивной выделенности данного слова» (выделено нами – *А.Ш.*) [Попова, Стернин 2007: 148].

Нам необходимо было провести только первый этап лингвостатистического анализа – квантификацию в выборочной совокупности в 100 000 словоупотреблений предлога, учитывая стилометрический постулат о константности (устойчивости) высокой частотности служебных слов [Андреев 1967; Арапов 1988], которая по сути является межъязыковой универсалией [Тулдава 1987: 87]. Потому сложность заключалась только в определении в данном частотном спектре предлогов зон частотности, т.к. «выделение частотных зон возможно по разным основаниям, и оно может быть осуществлено в зависимости от **целей и задач** исследования» (выделено нами – *А.Ш.*) [Тулдава 1987: 65], в связи с чем мы принимаем методику, необходимые допущения и процедуру анализа, описанные в работе З.И. Комаровой и С.В. Краева [Комарова, Краев 2008-б: 59-66; 76-84].

Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Состав и продуктивность первичных простых предлогов¹

Предлоги	Количество употреблений	Процент употреблений
1	2	3
<u>Зона частотности I.</u>		
В (ВО) – с вин. и предл. п.	30504	30,6 %
<i>В¹</i> + вин. п.	13307	
<i>В²</i> + предл. п.	17197	
НА – с вин. и предл. п.	14329	14,3 %
<i>НА¹</i> + вин. п.	7905	
<i>НА²</i> + предл. п.	6424	
<u>Зона частотности II.</u>		
С (СО) – с род., вин. и тв. п.	11886	11,9 %
<i>С¹</i> + род. п.	2460	
<i>С²</i> + вин. п.	36	
<i>С³</i> + тв. п.	9390	
К (КО) – с дат. п.	6138	6,1 %
ПО – с дат., вин. и предл. п.	5321	5,3 %
<i>ПО¹</i> + дат. п.	4929	
<i>ПО²</i> + вин. п.	392	
<i>ПО³</i> + предл. п.	---	
О (ОБ, ОБО) – с вин. и предл. п.	4292	4,3 %
<i>О¹</i> + вин. п.	365	
<i>О²</i> + предл. п.	3927	
ИЗ (ИЗО) – с род. п.	4143	4,1 %
У – с род. п.	4085	4,1 %
ОТ (ОТО) – с род. п.	3905	3,9 %

¹ на 100 000 употреблений первичных простых предлогов в высказываниях, извлеченных из «Национального корпуса русского языка».

ЗА – с вин. и тв. п.	3674	3,7 %
<i>ЗА¹</i> + вин. п.	2288	
<i>ЗА²</i> + тв. п.	1386	
ДЛЯ – с род. п.	2835	2,8 %
ДО – с род. п.	2101	2,1 %
ПРИ – с предл. п.	1466	1,5 %
ПОД (ПОДО) – с вин. и тв. п.	1073	1,1 %
<i>ПОД¹</i> + вин. п.	397	
<i>ПОД²</i> + тв. п.	676	
БЕЗ (БЕЗО) – с род. п.	1070	1 %
<u>Зона частотности III.</u>		
ЧЕРЕЗ (ЧЕРЕЗО), ЧРЕЗ (ЧРЕЗО) – с вин. п.	908	0,9 %
МЕЖДУ (МЕЖ) – с род. и тв. п.	724	0,7 %
<i>МЕЖДУ¹</i> + род. п.	158	
<i>МЕЖДУ²</i> + тв. п.	566	
ПЕРЕД (ПЕРЕДО), ПРЕД (ПРЕДО) – с тв. п.	651	0,7 %
НАД (НАДО) – с тв. п.	610	0,6 %
ПРО – с вин. п.	285	0,3 %

Интерпретация таблицы 1.

1. Как видно из таблицы, полученные результаты вполне согласуются с данными о высокой частотности исследуемых единиц (Н.Д. Андреев, М.В. Арапов, В.В. Кромер, М.В. Ляпон, Д. Пайяр, Д.В. Сичинава и др.): «Нет такой стандартной выборки, в которой отсутствовал бы союз *И* или предлог *В*» [Андреев 1967], которые всегда «на первом или втором месте» [Арапов 1988: 24]. Иначе говоря, полагаем, что полученные данные находятся **в границах доверительной вероятности**, учитывая то, что «требования **исчерпывающего** и полностью **достоверного** знания о языке трудно совместимы» (выделено нами – *А.Ш.*) [Арапов 1988: 178] и не вытекают из вероятностной природы языка [Налимов 2003].

2. Все первичные простые предлоги как ядерные служебные единицы (в отличие от периферийных единиц: производных и идиоматизированных предлогов [Всеволодова 2003: 17-59, 2012: 36]) находятся **в зоне высокой частотности**: зон средней и низкой частотности у первичных предлогов нет¹.

3. Данный частотный спектр предлогов делится на **три зоны высокой частотности**: первая – это **зона уникальной сверхчастотности** (предлоги с числом словоупотреблений от 30 000 до 15 000 – 13 000), отмеченная в таблице цифрой I; вторая – это **центральная зона высокой частотности** (от 15 000 – 13 000 с/у до 1000 с/у), отмеченная цифрой II; третья – **приграничная зона высокой частотности** (от 1000 с/у до 300 с/у), отмеченная цифрой III (о принципах выделения зон частотности см. [Тулдава 1987: 65; Комарова, Краев 2008-б: 76-84]).

Эти данные позволяют выявить корреляции предлогов с их функциональными свойствами: омонимией и полисемией (см. Разделы 2.2.1 – 2.2.6), базируясь на их **потенциях в речи** [Головин 1970; Кожина И. СЭСРЯ-2003: 90-94].

4. В графе 3 дается процент употреблений предлогов в выборке, что необходимо для анализа их функциональных свойств **в реализации** (термин Б.Н. Головина) для уточнения функций и семантико-синтаксических смыслов предлогов.

5. Опираясь на данные, представленные в таблице, попытаемся раскрыть сущность и механизм образования функционально-синтаксической омонимии предлогов.

2.2. Анализ функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов

2.2.1. Вопрос о синкретизме и диффузности семантики предлогов и их корреляции с омонимией

К рассмотрению обозначенного в заголовке вопроса нас привели не теоретические рассуждения, а практические цели исследования. Анализируя

¹ Согласно лингвостатистическому закону Дж. К. Ципфа, частотность (употребительность) слов обратно пропорциональна их длине, т.е. чем короче слово (при прочих равных условиях), тем чаще оно употребляется в речи. В нашем исследовании первичные предлоги имеют среднюю длину слова, равную 2,9 буквознаков, а потому они сверхупотребительны в речи (в высказываниях).

предлог в составе синтаксических структур, осмысляя и классифицируя собранный языковой материал, мы столкнулись с проблемой: «чистых» семантико-синтаксических смыслов/значений и функций предлогов оказалось значительно меньше, чем «гибридных» (т.н. «кентавровых») смыслов (термин С. Шаумяна). Что это: случайность, частные случаи или закономерности, обуславливающие омонимию?

Понимание того, что именно в предложении/высказывании как «высшей единице языка» происходит «перелом» системы языка в систему речи¹ [Кожина 1998: 7], дало возможность осознать, что и единицы высказывания (слова, синтаксемы и словосочетания) имеют иную природу по сравнению с единицами языка, имеющими «членораздельный характер и дискретность элементов» (выделено нами – *А.Ш.*) [Бенвенист 1965: 434]. Ответ на вопрос о природе речевых единиц и речевой системности дается прежде всего в теории функциональной стилистики и речеведения, которая формируется в наши дни [Кожина П. СЭСРЯ- 2003; Котюрова 2008; Матвеева П. ПСЛТ 2010: 387, 462-463].

«Речевая системность – это **взаимосвязь** языковых средств в конкретной речевой разновидности как по горизонтали, так и по вертикали на основе выполнения ими единого коммуникативного задания, обусловленного экстралингвистической основой данной речевой разновидности, связанных между собой по определенному функциональному значению, выражающему специфику стиля» (выделено нами – *А.Ш.*) [Кожина 1970: 11].

Иначе говоря, «понятие речевой системности определяется посредством отождествления с понятием взаимосвязи, выражающим идею связи <...> между компонентами единства» (выделено нами – *А.Ш.*) [Котюрова 2013: 28]. Речевой системности «присущи такие свойства, как устойчивость, эластичность, динамичность, открытость, эксплицированные отнюдь не равномерно, а в соответствии с воздействием эпистемических, психологических и собственно

¹ «С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является речь» [Бенвенист 1965: 449], а потому конкретное предложение, которое принадлежит речи, – это «образование неопределенное, неограниченно варьирующееся; это сама жизнь языка в действии» [Там же: 449].

языковых факторов» [Там же: 43].

Нам представляется, что еще точнее выразил сущность речевой системности сербский ученый А. Стоянович, обозначив ее как «взаимоСОдействие» речевых единиц в сложной гетерогенной системе речи [Стоянович 2004: 63], что позволило ему сделать важный для нашего исследования вывод о «внутренней логике **диффузии** как динамического процесса (и/или биосоциального механизма), имеющего свои закономерности функционирования в языке/речи (биосоциальных системах)» (выделено нами – *А.Ш.*) [Там же: 59].

Эти закономерности напрямую сопряжены с характерным явлением языка/речи – синкретизмом, изучением природы и специфики которого в разное время занимались отечественные и зарубежные лингвисты (В.В. Бабайцева, Ш. Балли, Л.С. Бархударов, Э. Бенвенист, В.В. Виноградов, Л. Ельмслев, В.Н. Мигирин, М.М. Филиппова, Л.Д. Чеснокова, Н.Ю. Шведова, Р.О. Якобсон и др.).

Выявлено, что явление синкретизма охватывает все уровни языка, но наибольшее выражение находит в грамматике (морфологии и синтаксисе), поскольку именно на данном уровне «ярче проступают структурные и семантические свойства грамматических единиц» [Бабайцева 2011: 243].

И.В. Высоцкая приходит к выводу о том, что «синкретизм может быть определен как **универсальное свойство языка**, обусловленное единством чувственного и рационального мышления и проявляющееся в способности языковой единицы выражать комплекс противопоставленных лексических и/или грамматических значений» (выделено нами – *А.Ш.*) [Высоцкая 2006: 14].

Принимая такое мнение, считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что особо широко синкретизм проявляется в синтаксисе и, следовательно, в речи. Л.Г. Шибакова отмечает: «В современной лингвистике выделяют пять факторов, обуславливающих синкретизм членов предложения: 1) несоответствие формы и содержания; 2) двойные синтаксические связи и отношения; 3) синкретичное категориальное значение словоформы; 4) эллипсис глагольной формы; 5) лексико-грамматические свойства сочетающихся словоформ» [Шибакова 2007: 33].

Учитывая данные факторы, мы операционально рассматриваем синкретизм как «совмещение некоторых дифференциальных признаков двух явлений в одном», или как «объединение в одной ономаσιологической единице некоторых дифференциальных признаков двух (реже – трех) единиц именования» (выделено нами – *А.Ш.*) [Шахова 2014], т.е. как омонимию.

При этом ключевая роль в установлении синкретичных значений отводится, как мы уже указывали в первой главе, вопросительным местоименным категоризаторам, введенным в анализ Н.Ю. Шведовой [Шведова 2005: 235].

Итак, синкретизм как закономерное свойство языковых единиц в речи проявляется в диффузии речевых единиц и их континуальности, что необходимо учитывать при их анализе.

Рассматривая речевую системность как **взаимосвязь/взаимосодействие** речевых единиц, мы учитываем конкретизацию этого взаимодействия, выявленную Э. Бенвенистом, а именно наличие двух типов отношений, которые необходимо строго различать: «Между элементами одного уровня имеют место дистрибутивные отношения, а между элементами разных уровней – интегративные» (выделено нами – *А.Ш.*) [Бенвенист 1965: 442].

При этом «любая языковая единица воспринимается как таковая, только если ее можно идентифицировать в составе **единицы более высокого уровня**» (выделено нами – *А.Ш.*) [Там же: 442].

Данную методику Э. Бенвениста мы принимаем, анализируя все синтаксические структуры, в том числе и минимальные – синтаксемы.

Согласно принципу консеквентности (последовательности), в процессе анализа мы движемся от поверхностных структур к глубинным, от минимальных к более крупным, от чистых к синкретичным, диффузным.

Анализ синтаксем с первичными простыми предложениями мы начинаем с самого сложного явления, когда предлог в составе синтаксемы **употребляется только с одним падежом имени**, поскольку в существующих исследованиях выявлена и частично описана омонимия первичных предлогов, употребляющихся с двумя либо тремя падежами.

Что касается предлогов, употребляющихся только с одним падежом имени, к началу текущего века существовало мнение о том, что в русском языке «не вступают в омонимические отношения 12 производных предлогов, которые **оформляют один падеж**» (выделено нами – *А.Ш.*) [Чепасова 1993: 68; Шиганова 2001: 216]. Аналогичный вывод был получен при анализе первичных предлогов в русском подязыке информатики [Комарова, Краев 2008-б: 155].

Однако наши сомнения обусловили поиски адекватной методики для выявления и анализа данного вида омонимии.

В наши дни реализуется, как мы уже отмечали, научный проект «*Славянские предлоги в синхронии и диахронии*», первым этапом которого стало создание по возможности полного реестра русских, белорусских и украинских предложных единиц, функционирующих в разных типах текстов [Всеволодова 2004: 30-38].

Для определения и изучения этих речевых предложных единиц участниками проекта было введено понятие **текстовой парадигмы** предлога [Всеволодова 2003: 19; 2004; Панков 2008: 6; Шмыкалова 2015: 7, 11-12], под которой понимаются возможные речевые реализации предложной единицы в тексте [Всеволодова 2003: 17-59], в «разных "ипостасях", обусловленных теми или иными отношениями» [Виноградова, Ситарь 2006: 60].

Используя прием лингвистической экстраполяции [Макаев 1977: 186-191], мы переносим это понятие для изучения омонимии предлогов, т.к. именно эти возможные реализации, эксплицированные в высказываниях как речевых единицах, позволяют выявить и описать «поведенческие особенности предлогов <...>, обусловленные определенными конситуативными условиями» [Шмыкалова 2015: 7], т.е. их семантику и функции. В нашем исследовании мы говорим о трех крупных, базовых текстовых парадигмах: обстоятельственной, объектной и атрибутивной (по типу субкатегориальных отношений, выражаемых предлогом в составе именной синтаксемы).

Для анализа мы избираем предлог **ИЗ**, ранее не получивший детального научного описания. Предлог входит в центральную зону высокой частотности (4143 употребления в отмеченном материале) (см. Таблицу 1).

На первом этапе анализа весь отмеченный речевой материал с предлогом **ИЗ** мы классифицируем по текстовым парадигмам на основе субкатегориального значения: обстоятельственная текстовая парадигма включает около 47 % всех контекстов с данным предлогом (парадигма I), объектная парадигма включает около 43 % контекстов (парадигма II), атрибутивная – около 10 % контекстов, (парадигма III), при этом мы анализируем прототипические контексты.

Таблица 2

Омонимия предлога **ИЗ** в однопадежных зависимых синтаксемах

	Текстовая парадигма I (обстоятельственная)	Текстовая парадигма II (объектная)	Текстовая парадигма III (атрибутивная)
Высказывания ¹ из текстовых парадигм I, II, III	[1] <i>Он приехал из Москвы домой на призыв</i> (Е.А. Есенина 1957-1965).	[2] <i>Мы сделали из железа низенькую тележку на трех колесах...</i> (С.Г. Петров 1902).	[3] ... <i>Мы воспользовались лучшими продуктами из своих запасов</i> (Н.М. Пржевальский 1884-1885).
Синтаксема	[<i>приехал</i> (откуда?)] <i>из Москвы</i> ИЗ + N_{р.п.}	[<i>сделали</i> (из чего?)] <i>из железа</i> ИЗ + N_{р.п.}	[<i>продуктами</i> (какими?)] <i>из (своих)</i> запасов ИЗ + N_{р.п.}
1. Категориальное значение	отношение подчинения		

¹ Нумерация изучаемых высказываний сквозная по всей главе.

2. Субкатегориальное значение¹	обстоятельственное	объектное	атрибутивное
3. Групповое значение	«указание на пространственные отношения ² »	«указание на материал, из которого изготовлен предмет» (<u>фабрикативная функция</u>)	«указание на признак предмета по принадлежности к некоторой совокупности, из которой он избран» (<u>генеративная функция</u>)
4. Подгрупповое значение	«указание на место в пространстве, вне пределов которого направлено движение» (<u>директивная функция</u>)	-----	-----

Интерпретация таблицы 2.

В таблице 2 в оппозиции представлены три иерархические внутрисловные и текстовые парадигмы семантики предлога **ИЗ**, которые наглядно (на уровне

¹ Распределяя собранный речевой материал на основе субкатегориального значения, мы придерживаемся классификации обстоятельственных, объектных и атрибутивных отношений, которая в целом является устоявшейся (хотя и не без ряда дискуссионных вопросов) и поддерживается большинством исследователей и грамматик. Так, пространство, время, причина, следствие, цель, условие, уступка относятся к обстоятельной субкатегории; комитатив, лимитатив, делибератив, дистрибутив являются видами объектных отношений. Атрибутивная субкатегория выходит на первый план в том случае, если управляющим словом в субстантивном словосочетании является имя с предметным значением (*ворота во двор, дорога из леса* и т.д.) [Пантелеева 2006: 168; Шибакова 2007: 140-141 и др.].

² Жирным шрифтом отмечены различные, омонимичные семы в структуре значений/смыслов предлогов.

«взаимного сопоставления» по А.А. Шахматову [Шахматов 1941: 17]) показывают различия в значениях/семантико-синтаксических смыслах и тем более в **функциях**, что свидетельствует о наличии явной и яркой предложно-падежной омонимии. Омонимия, однако, является не абсолютной, а **имплицитной неполной (частичной)**, т.к. в семантике предлога во всех наблюдаемых контекстах существует общее значение – категориальное, при этом на других уровнях иерархии, начиная со второго (субкатегориального) уровня, значения и функции являются различными. Данный вид (модель) неабсолютной омонимии мы обозначаем термином **перекрёстная омонимия** (см. Приложение 2), поскольку в семантике предлогов есть как различные, так и общие семы. Иными словами, частичная омонимия возникает «на перекрестье» общих и различных сем.

На втором этапе анализа этих трех базовых текстовых парадигм мы выделяем в каждой из них несколько частных подпарадигм.

Наиболее частотными оказались подпарадигмы внутри обстоятельственной (I) и объектной (II) текстовых парадигм.

I. В обстоятельственной текстовой парадигме наиболее частотны подпарадигмы, в которых предлог **ИЗ** в составе синтаксемы выполняет функцию: 1) директива (в том числе с объектным оттенком либо с оттенком образа действия) и 2) каузатива. Единицы данных подпарадигм находятся в омонимических отношениях перекрёстного вида.

[4] *Кровь хлынула из его головы на ковер* (Ф.М. Достоевский 1875).

В синтаксеме *из (его) головы* предлог **ИЗ**, выражая обстоятельственные пространственные отношения, указывает на исходную точку перемещения [*хлынула (откуда?)*] предмета (*кровь*) и выполняет директивную функцию.

В рассматриваемой подпарадигме употребляются акциональные глагольные предикаты со значением движения, перемещения, направленного действия, часто с приставками *вы-*, *из-*, *у-* и с именами предметно-пространственной (хотя и не всегда) семантики.

[5] *Мальчик из осторожности встал за кресло* (А.Н. и Б.Н. Стругацкие

1963).

В синтаксеме *из осторожности* предлог **ИЗ**, выражая обстоятельственное отношение причины, указывает на внутреннее качество, состояние лица (*мальчик*), составляющее причину, мотив действия этого лица [*встал (почему?)*] (каузативная функция).

В данной подпарадигме существует лексическое ограничение: имя существительное в составе синтаксемы обладает семантикой чувств, свойств, качеств какого-либо лица, человека (*из милости, из гордости, из страха, из любви, из озорства, из раболепия* и т.д.).

II. В объектной текстовой парадигме выявлены подпарадигмы, в которых предлог в составе синтаксемы выполняет функцию: 1) инструментива (иногда в сочетании со способом действия); 2) фабрикатива; 3) партитива; 4) сурсива. Между единицами данных подпарадигм существуют отношения омонимии перекрёстного вида.

[6] *Я стреляю из ружья не хуже вас* (В.А. Закруткин 1946).

В синтаксеме *из ружья* предлог **ИЗ**, выражая объектные отношения, указывает на орудие осуществления действия [*стреляю (из чего?)*], т.е. выполняет инструментивную функцию.

В данной подпарадигме имеется лексическое ограничение: использование **названий инструментов**, хотя возможно расширение подпарадигмы за счет имен существительных, имеющих семантику **средств** осуществления действий:

[7] *Стив аккуратно отпил кофе из чашки* (М. Баконина 2000).

В синтаксеме *из чашки* предлог **ИЗ**, выражая объектные отношения [*отхлебнул (из чего?)*], указывает на средство осуществления действия.

В качестве управляющего слова используется широкий круг глаголов конкретного действия, сочетающихся с одушевленными субъектами.

[8] *Он изготовил из жести ловушку наподобие гриба* («Химия и жизнь» 1969).

В синтаксеме *из жести* предлог **ИЗ**, выражая объектные отношения

[изготовил (из чего?)], указывает на материал (металл), из которого производят предметы, т.е. выполняет фабрикативную функцию.

[9] *Энтузиасты собирают из фирменных деталей макет целого железно-дорожного узла...* (А. Десятерик 1977).

В синтаксеме *из (фирменных) деталей* предлог **ИЗ**, выражая объектные отношения [*собирают (из чего?)*], указывает на создание целого (*макет*) из его частей (*деталей*), т.е. выполняет партитивную функцию.

[10] *Эту историю Андрей узнал из записок своего товарища* (Л. Дурнов 2001).

В синтаксеме *из записок* предлог **ИЗ**, выражая объектные отношения [*узнал (из чего? из какого источника?)*], указывает на источник информации, т.е. выполняет сурсивную функцию.

Проанализированные подпарадигмы в «чистом» виде встречаются в нашем материале нечасто. Напротив, частотны подпарадигмы, в которых предлог обладает синкретичным, гибридным значением, что вполне естественно и закономерно, как мы уже выяснили в начале анализа.

А потому перейдем к анализу предлога **ИЗ** с синкретичным значением.

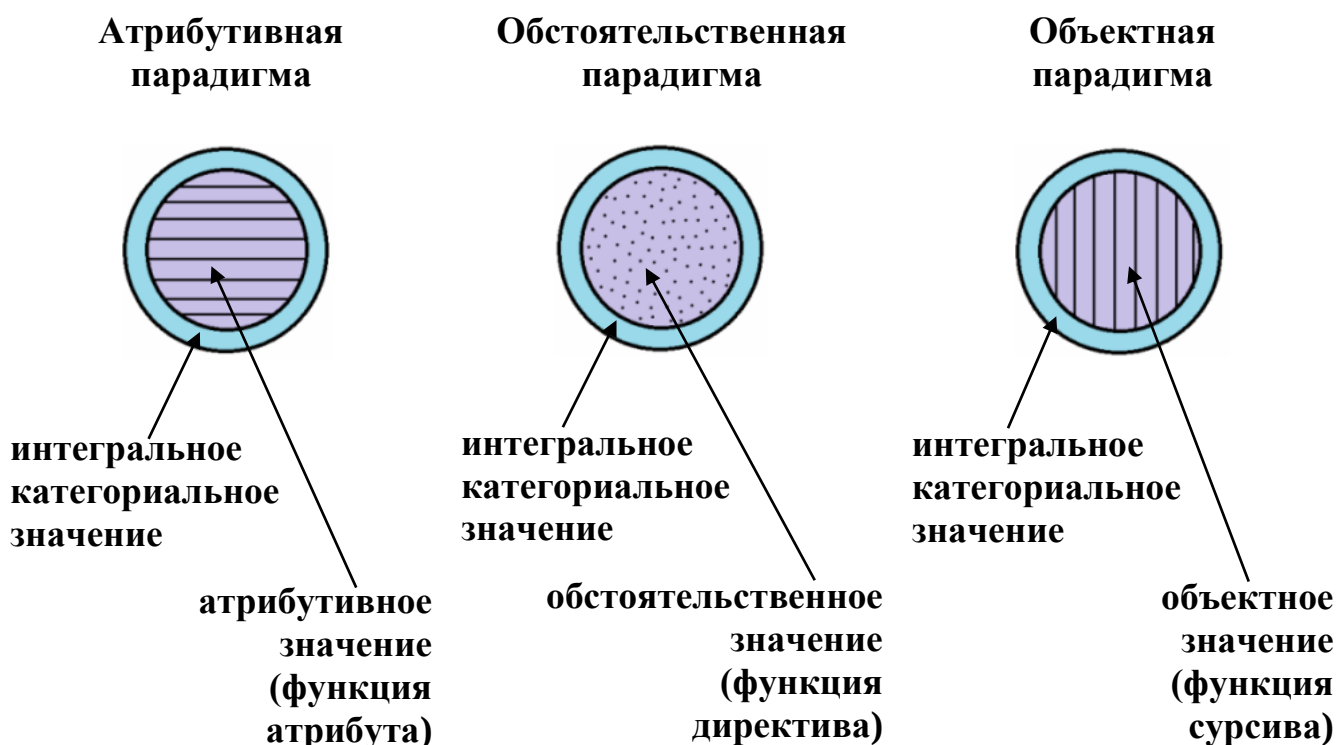
Во-первых, отметим синкретизм, который охватывает **все три базовые текстовые парадигмы**.

[11] *...Настёна невольно всякий раз посматривала на дым из трубы* (В. Распутин 1974).

В синтаксеме *из трубы* предлог **ИЗ** в составе словосочетания *дым* (какой? откуда? из чего?) *из трубы* выражает атрибутивные, обстоятельственные и объектные отношения. В атрибутивной текстовой парадигме предлог указывает на признак предмета (*дым*) (атрибутивная функция). В обстоятельственной парадигме предлог указывает на исходное место (*из трубы*) перемещения предмета (*дым*) – директивная функция. В объектной парадигме предлог указывает на характеристику предмета (*дым*) по его принадлежности к некоторому источнику зрительного восприятия (*из трубы*) – сурсивная функция.

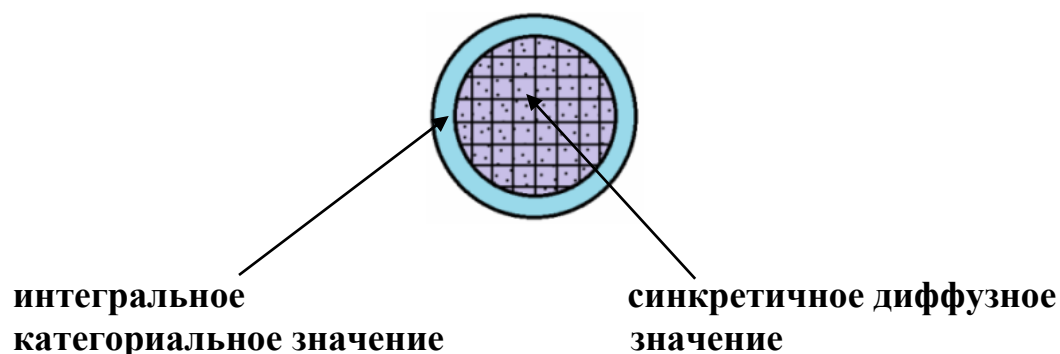
Обозначим значения и функции предлога **ИЗ** в каждой из трех текстовых парадигм следующими диаграммами:

Схема 1

В рассматриваемом высказывании все эти базовые значения и функции совмещаются, как бы накладываются друг на друга:

Схема 2

Такой вид (модель) **имплицитной неабсолютной (частичной) омонимии** предлога **ИЗ** мы обозначаем термином **совмещённая (наложенная) омонимия** (см. Приложение 2).

Таким образом, в целом в рассматриваемом высказывании предлог **ИЗ** в составе синтаксемы выполняет атрибутивно-директивно-сурсивную функцию.

Поскольку в данном случае происходит наложение омонимичных значений и функций предлога **ИЗ** во всех трех текстовых парадигмах (атрибутивной, обстоятельственной и объектной), то омонимия полностью совмещённая.

Рассмотрим другой пример полностью совмещённой омонимии.

[12] *Борис Ильич как-то рассказал мне фронтовой эпизод из своей жизни* (И.Э. Кио 1995-1999).

В синтаксеме *из (своей) жизни* предлог **ИЗ**, выражая атрибутивные, обстоятельственные и объектные отношения [*эпизод* (какой? откуда? из чего?)], указывает на признак предмета (*эпизод*) по его происхождению во времени (*из жизни*), а также по источнику воспоминаний, информации. Таким образом, в целом предлог выполняет атрибутивно-темпоративно-сурсивную функцию.

Во-вторых, наложение омонимичных значений и функций предлога **ИЗ** может наблюдаться **только в двух текстовых парадигмах:**

[13] *Псамметих снял с пальца кольцо из зеленого золота...* (Е. Парнов 1985).

В синтаксеме *из (зеленого) золота* предлог **ИЗ** выражает атрибутивные и объектные отношения [*кольцо* (какое? из чего?)], указывая на признак предмета по материалу, из которого он изготовлен (атрибутивно-фабрикативная функция). Такой вид неабсолютной омонимии мы обозначаем термином **частично совмещённая омонимия**.

Рассмотрим ряд других высказываний, содержащих частично совмещённую омонимию в двух базовых текстовых парадигмах.

[14] *Крестьяне из соседней деревни срубили десять берез...* (А.Н. Энгельгардт 1872).

В синтаксеме *из (соседней) деревни* предлог **ИЗ**, выражая атрибутивные и обстоятельственные отношения [*крестьяне* (какие? откуда?)], указывает на признак лица (*крестьяне*) по месту жительства либо происхождения (атрибутивно-директивная функция).

[15] *...Я каждое утро готовил себе на завтрак омлет из трех яиц* (Э. Рязанов 2000).

В синтаксеме *из трех яиц* предлог **ИЗ**, выражая атрибутивные и объектные

отношения [*омлет* (какой? из чего?)], характеризует составное целое (*омлет*) на основании образующих его частей, элементов, т.е. указывает на признак по каузации из частей (атрибутивно-партитивная функция).

[16] *Ночью мы слышали сильную стрельбу из пушек...* (З. Грузин 2003).

В синтаксеме *из пушек* предлог **ИЗ**, выражая атрибутивные и объектные отношения [*стрельба* (какая? из чего?)], указывает на признак предмета (*стрельба*) через обозначение инструмента совершения действия (*из пушек*), т.е. выполняет атрибутивно-инструментивную функцию.

В-третьих, частично совмещённая омонимия возможна и **в пределах одной базовой текстовой парадигмы**.

[17] *Я вернулся из поездки на Север* (К. Симонов 1962).

В синтаксеме *из поездки* предлог **ИЗ**, выражая обстоятельственные отношения [*вернулся* (откуда?)], указывает на исходную точку перемещения лица (*я*) в пространстве (*из поездки*), т.е. выполняет директивную функцию. Сочетаясь с именем действия и глаголом перемещения, выражающим возвратное движение со значением его завершения, предлог выполняет одновременно темпоративную функцию, а в целом – директивно-темпоративную функцию.

Как видим, методика исследования текстовых парадигм разного ранга позволяет выявить и интерпретировать несколько видов (моделей) омонимии предлогов. В разделе 2.2.3 данная методика также используется для анализа омонимии предлогов, употребляющихся с двумя либо тремя падежами имени.

2.2.2. Омонимия в однопадежных зависимых синтаксемах

Первичных простых предлогов, употребляющихся только с одним падежом имени, в зоне уникальной сверхчастотности нет. Восемь предлогов (**К, ИЗ, У, ОТ, ДЛЯ, ДО, ПРИ, БЕЗ**) относятся к центральной зоне высокой частотности и пять предлогов (**ЧЕРЕЗ, ПЕРЕД, НАД, ПРО, КРОМЕ**) – к приграничной зоне высокой частотности (см. Таблицу 1). Методика и технология анализа однопадежных зависимых синтаксем показаны нами в разделе 2.2.1 на примере высокочастотного предлога **ИЗ**, который по употребительности занимает второе

место в подклассе первичных предлогов после предлога *К*.

В настоящем разделе, анализируя однопадежные зависимые синтаксемы с другими предлогами, мы выясняем вопрос о том, как коррелирует омонимия этих предлогов с их частотностью, а именно: во-первых, имеют ли они все три базовые текстовые парадигмы (обстоятельственные, объектные и атрибутивные); во-вторых, каковы особенности их текстовых подпарадигм и насколько широко в них проявляется омонимия и, в-третьих, какова обусловленность текстовых парадигм частотностью анализируемой однопадежной синтаксемы.

Однопадежные зависимые синтаксемы с предлогами, относящимися к центральной зоне высокой частотности.

1. Начнем с анализа омонимии предлога *К*, имеющего наибольшую продуктивность из всех первичных предлогов, употребляющихся с одним падежом имени: 6138 употреблений в выборке (см. Таблицу 1).

Анализ речевого материала из выборки показывает, что зависимые синтаксемы с предлогом *К* употребляются в трех текстовых парадигмах: обстоятельственной (около 58 % всех употреблений предлога), объектной (34 % употреблений) и атрибутивной (8 % употреблений). Мы избираем для анализа прототипические контексты.

Результаты анализа синтаксем с предлогом *К* представлены в таблице 3.

Таблица 3

Омонимия предлога *К* в однопадежных зависимых синтаксемах

	Текстовая парадигма I (обстоятельственная)	Текстовая парадигма II (объектная)	Текстовая парадигма III (атрибутивная)
Высказывания из текстовых парадигм I, II, III	[18] <i>По его репейно-терновому руслу мы неожиданно вышли к реке</i> (М. Елизаров 2007).	[19] <i>Он громко обратился к Кио</i> (Ю. Никулин. 1979).	[20] <i>Я даже написал предисловие к его книге</i> (И. Мейендорф

			1992).
Синтаксема	[<i>вышли</i> (куда?)] <i>к реке</i> <i>K + N</i> <i>д.п.</i>	[<i>обратился</i> (к кому?)] <i>к Кио</i> <i>K + N</i> <i>д.п.</i>	[<i>предисловие</i> (какое? к чему?)] <i>к (его) книге</i> <i>K + N</i> <i>д.п.</i>
1. Категориальное значение	отношение подчинения		
2. Субкатегориальное значение	обстоятельственное	объектное	атрибутивное
3. Групповое значение	«указание на пространственные отношения»	«указание на лицо, группу лиц, которые являются адресатом действия» (<u>адресативная функция</u>)	«указание на признак, определяющий предназначенность, назначение предмета» (<u>атрибутивно-дестинативная функция</u>)
4. Подгрупповое значение	«указание на пространственный предел, по направлению к которому, в сторону которого ориентировано движение» (<u>директивная функция</u>)	-----	-----

Интерпретация таблицы 3.

В таблице 3 в оппозиции представлены три иерархические внутрисловные

и текстовые парадигмы семантики предлога **К**, которые демонстрируют явные различия в значениях/семантико-синтаксических смыслах и тем более в **функциях**, что свидетельствует о наличии предложно-падежной омонимии. При этом омонимия является не абсолютной, а **имплицитной неполной (частичной) перекрёстного вида** (с сильным омонимичным потенциалом, сближающим данный вид с абсолютной омонимией), поскольку в семантике предлога в зависимых синтаксемах присутствует общее (интегральное) значение – категориальное, однако на других уровнях иерархии, начиная с субкатегориального уровня, значения и функции, как видим, являются различными.

Наиболее частотны в выборке подпарадигмы внутри обстоятельственной (I) и объектной (II) текстовых парадигм.

В **обстоятельственной текстовой парадигме** частотны подпарадигмы, в которых предлог выполняет функции: 1) директивную; 2) темпоративную (часто в сочетании с каузативной). Между единицами подпарадигм существуют отношения перекрёстной и частично совмещённой омонимии.

[21] *Тропинкой через парк я спустился к Волге* (М. Шишкин 1993-2003).

В синтаксеме *к Волге* предлог **К**, выражая обстоятельственные отношения, указывает на пространственный предел, в сторону которого происходит движение, перемещение [*спустился* (куда?)] лица (*я*) (директивная функция с объектным оттенком).

[22] *Друзья на предприятии издали книжечку к юбилею Владимира* (В.Н. Дьяков 2004).

В синтаксеме *к юбилею (Владимира)* предлог **К**, выражая обстоятельственные отношения, указывает на временной предел действия, момент, незадолго до наступления которого лицо (*друзья*) совершает действие [*издали* (когда? к какому моменту?)] (темпоративная функция). Одновременно предлог указывает на причину совершения действия [*издали* (почему? по какой причине?)] (каузативная функция). Таким образом, в пределах одной базовой текстовой парадигмы (обстоятельственной) предлог **К** в составе синтаксемы выполняет темпоративно-

каузативную функцию (частично совмещённая омонимия).

В **объектной текстовой парадигме** наиболее частотны в выборке предлоги с функцией: 1) инструментива; 2) адресата. Единицы подпарадигм находятся в отношениях перекрёстной омонимии.

[23] ...*Оленей Хадко крепко привязал к дереву* (А. Григоренко 2011).

В синтаксеме *к дереву* предлог **К**, выражая объектные отношения, указывает на вспомогательное орудие, средство, которое лицо (*Хадко*) использует при выполнении намеренного действия [*привязал* (к чему?)] (инструментивная функция). Кроме того, в значении, выражаемом предлогом, присутствует пространственный оттенок: лицо (*Хадко*) направляет действие на определенное место, точку в пространстве [*привязал* (к какому месту?)]. Таким образом, предлог **К** в составе синтаксемы имеет синкретичное значение и выполняет инструментивную функцию с директивным оттенком.

[24] *Женя виновато обратилась к его спутнице...* (Т. Набатникова 2001).

В синтаксеме *к (его) спутнице* предлог **К**, выражая объектные отношения, указывает на адресата (*к спутнице*), к которому обращается лицо: (*Женя*) [*обратилась* (к кому?)] (адресативная функция). Кроме того, в значении, выражаемом предлогом, присутствует пространственный оттенок: лицо (*Женя*) обращается к адресату (*спутнице*), т.е. направляет действие на лицо, расположенное в некоторой точке в пространстве. Таким образом, предлог **К** выполняет адресативную функцию с директивным оттенком.

Синтаксемы в **атрибутивной текстовой парадигме** не обладают высокой частотностью в выборке, при этом предлог выполняет следующие основные функции: 1) атрибутивно-директивно-объектную и 2) атрибутивно-дестинативную.

[25] *Но тот же прохожий указал верную дорогу к пристанищу...* (А. Азольский 2002).

В синтаксеме *к пристанищу* предлог **К** в составе словосочетания *дорогу* (какую? куда? к чему? к какому объекту?) *к пристанищу* выражает атрибутивные, обстоятельственные и объектные отношения. В атрибутивной парадигме предлог указывает на признак предмета (атрибутивная функция). В обстоятельственной

парадигме предлог указывает на направление распространения предмета, а также на предел распространения зрительного восприятия (директивная функция). В объектной парадигме предлог указывает на объект, по направлению к которому (*к пристанищу*) тянется, простирается предмет (объектная функция). Таким образом, предлог в составе синтаксемы выполняет атрибутивно-директивно-объектную функцию (полностью совмещённая омонимия).

[26] *Он написал великолепную музыку к спектаклю...* (Г. Степанова 2003).

В синтаксеме *к спектаклю* предлог **К** в составе словосочетания *музыку* (какую? предназначенную для чего?) *к спектаклю* выражает атрибутивные и объектные отношения, указывая на признак предмета (*музыку*) по его назначению (*к спектаклю*) (атрибутивно-дестинативная функция). Кроме того, в значении предлога присутствует оттенок сопровождения, сопутствия. Таким образом, предлог **К** в данной синтаксеме выполняет атрибутивно-дестинативную функцию с комитативным оттенком (частично совмещённая омонимия).

Анализ показывает, что высокочастотный предлог **К** в синтаксемах обладает широким спектром значений и функций, которые в большинстве случаев носят гибридный, синкретичный характер. Близкие результаты были получены при анализе синтаксем с предлогом **ИЗ** (см. Раздел 2.2.1).

Далее анализируем синтаксемы по убыванию частотности употребляемых в них предлогов.

3¹. У + N р. п.

В выборке 4085 употреблений предлога **У**.

Зависимые синтаксемы с предлогом **У** употребляются во всех трех базовых текстовых парадигмах: обстоятельственной (70 % употреблений предлога в выборке), объектной (20 % употреблений) и атрибутивной (10 %).

В **обстоятельственной текстовой парадигме** предлог в синтаксеме чаще всего выполняет локативную функцию.

[27] *Мы нашли Асю у берега...* (И.С. Тургенев 1858).

¹ Второе место по частоте употребления среди первичных предлогов, употребляющихся с одним падежом имени, занимает предлог **ИЗ**, проанализированный в разделе 2.2.1, поэтому нумерацию продолжаем предлогом **У**, который находится на третьем месте.

В синтаксеме *у берега* предлог **У** в составе словосочетания *нашли* (где?) *у берега*, выражая обстоятельственные отношения, указывает на место, рядом с которым, вблизи которого (*у берега*) совершается действие (локативная функция).

В **объектной текстовой парадигме** отмечено употребление предлога с функцией живого объекта с локативным оттенком.

[28] *Я уже пообедал у тети Маши* (Ф. Искандер 1967).

В синтаксеме *у тети Маши* предлог **У** в составе словосочетания *пообедал* (у кого?) *у тети Маши*, выражая объектные отношения, указывает на лицо, у которого (*у тети Маши*) кто-либо находится, принимает пищу (*пообедал*); кроме того, предлог дополнительно выражает обстоятельственные отношения, указывая на место, точку в пространстве, в которой происходит действие: *пообедал* (где?) (функция живого объекта с локативным оттенком)¹.

В **атрибутивной текстовой парадигме** отмечено употребление предлога с атрибутивно-локативной функцией (иногда – с выраженным объектным оттенком).

[29] *Шухов сел на скамейку у стены* (А. Солженицын 1961).

В синтаксеме *у стены* предлог **У**, выражая атрибутивные и обстоятельственные отношения [*скамейку* (какую? где?)], указывает на признак предмета (*скамейку*) по местоположению (*у стены*) (атрибутивно-локативная функция, т.е. частично совмещённая омонимия).

4. **ОТ (ОТО)** + N р. п.

В выборке 3095 употреблений предлога **ОТ (ОТО)**.

Зависимые синтаксемы с предлогом **ОТ** употребляются в трех текстовых парадигмах: обстоятельственной (около 60 % употреблений предлога в выборке), объектной (15 % употреблений) и атрибутивной (25 %).

В **обстоятельственной текстовой парадигме** предлог чаще всего выполняет функции: 1) директива и 2) каузатива (часто в сочетании с объектной

¹ При сочетании предлога с одушевленным существительным на первый план выходит именно сема «объектности», поскольку такие существительные «по своей семантике могут быть только объектом, а не обстоятельством» [Шиганова 2001: 430; Пантелеева 2006: 142-143 и др.]. Обстоятельственные отношения в таких случаях могут выступать лишь в качестве дополнительных.

функцией). Единицы подпарадигм находятся в омонимических отношениях перекрёстного вида.

[30] *Валентин шел от реки с полотенцем на плече* (В. Ремизов 2013).

В синтаксеме *от реки* предлог **ОТ** в составе словосочетания *шел* (откуда?) *от реки*, выражая обстоятельственные отношения, указывает на место, выступающее в качестве исходной точки (*от реки*) движения (*шел*) (директивная функция).

[31] *Он почти падал от усталости* (Н.Ф. Гильярди 1950).

В синтаксеме *от усталости* предлог **ОТ** в составе словосочетания *падал* (почему? по какой причине?) *от усталости*, выражая обстоятельственные отношения, указывает на состояние, выступающее в качестве причины (*от усталости*) действия (*падал*), т.е. выполняет каузативную функцию.

В **объектной текстовой парадигме** частотно употребление предлога с функцией сурсива с директивным оттенком.

[32] *...Штрум узнал от Соколова новость* (В. Гроссман 1960).

В синтаксеме *от Соколова* предлог **ОТ** в составе словосочетания *узнал* (от кого? откуда?) *от Соколова*, выражая объектные отношения, указывает на лицо, являющееся источником (*от Соколова*) получения каких-либо сведений, информации (*узнал*), а также дополнительно указывает на место, точку в пространстве, из которой распространяются сведения, т.е. выполняет сурсивную функцию с директивным оттенком.

В **атрибутивной текстовой парадигме** отмечен ряд функций предлога **ОТ**: 1) атрибутивно-темпоративная; 2) атрибутивно-каузативно-инструментивная; 3) атрибутивно-сурсивно-директивно-каузативная; 4) атрибутивно-дестинативная. Единицы подпарадигм находятся в отношениях полностью и частично совмещённой и перекрёстной омонимии.

[33] *Бейль нашел старую газету от 20 июня 1832 года...* (А.К. Виноградов 1931).

В синтаксеме *от 20 июня 1832 года* предлог **ОТ**, выражая атрибутивные и обстоятельственные отношения [*газету* (какую? от какого числа?)], указывает на

признак предмета по времени, дате публикации, т.е. выполняет атрибутивно-темпоративную функцию (частично совмещённая омонимия).

[34] *Гай увидел шрамы от пуль...* (А.Н. и Б.Н. Стругацкие 1967-1969).

В синтаксеме *от пуль* предлог **ОТ**, выражая атрибутивные, обстоятельственные и объектные отношения [*шрамы* (какие? по какой причине? от чего? произведенные чем?)], указывает на: а) признак предмета; б) причину возникновения чего-либо и в) предмет, инструмент, в результате воздействия которого что-либо образуется, возникает (*от пуль*). Таким образом, предлог выполняет атрибутивно-каузативно-инструментивную функцию (полностью совмещённая омонимия).

[35] *Я издали заметил дым от их костра...* (В.А. Обручев 1951).

В синтаксеме *от (их) костра* предлог **ОТ**, выражая атрибутивные, объектные и обстоятельственные отношения [*дым* (какой? от чего? от какого источника? откуда? по какой причине?)], указывает на: а) признак предмета; б) объект, выступающий в качестве источника сенсорного восприятия; в) точку в пространстве, выступающую в качестве исходного пункта чего-либо и г) причину возникновения, появления чего-либо (синкретичная атрибутивно-сурсивно-директивно-каузативная функция, полностью совмещённая омонимия).

[36] *Я вас заверну в чехол от мотора* (И. Грекова 1967).

В синтаксеме *от мотора* предлог **ОТ**, выражая атрибутивные и объектные отношения [*чехол* (какой? от чего? предназначенный для чего?)], указывает на признак предмета (*чехол*) по его назначению (*от мотора*) (атрибутивно-дестинативная функция, частично совмещённая омонимия).

5. **ДЛЯ** + N р. п.

В выборке 2835 употреблений предлога **ДЛЯ**.

Зависимые синтаксемы с предлогом **ДЛЯ** употребляются во всех трех базовых текстовых парадигмах: обстоятельственной (35 % употреблений предлога), объектной (около 60 %) и атрибутивной (5 %).

В **обстоятельственной текстовой парадигме** предлог в синтаксемах выполняет синкретичную финитивно-каузативную функцию.

[37] *Победители всех конкурсов приедут в Санкт-Петербург для участия в заключительной церемонии фестиваля...* (Л. Московкин, Е. Юрков 2008).

В синтаксеме *для участия* предлог **ДЛЯ** в составе словосочетания *приедут* (для чего? с какой целью? почему?) *для участия* выражает обстоятельственные отношения, указывая на цель (*для участия*), ради которой лицо (*победители*) совершает действие (*приедут*), а также на причину совершения действия (финитивно-каузативная функция, частично совмещённая омонимия).

В **объектной текстовой парадигме** частотен предлог **ДЛЯ** с **бенефактивно-каузативной функцией**.

[38] *Отец это делал для твоей матери* (Ф. Абрамов 1971).

В синтаксеме *для (твоей) матери* предлог **ДЛЯ** в составе словосочетания *делал* (для кого? ради кого? по какой причине?) *для (твоей) матери*, выражает объектные отношения, указывая на лицо (*для матери*), чьи интересы затрагиваются в процессе осуществления действия (*делал*), а также выражает обстоятельственные отношения, указывая на причину совершения действия, т.е. выполняет бенефактивно-каузативную функцию (частично совмещённая омонимия).

В **атрибутивной текстовой парадигме** отмечено употребление предлога с **атрибутивно-бенефактивно-дестинативной функцией**.

[39] *Кусевицкий создал летнюю школу для музыкантов...* (А. Седых 1979).

В синтаксеме *для музыкантов* предлог **ДЛЯ**, выражая атрибутивные и объектные отношения [*школу* (какую? для кого? имеющую какое назначение?)] (частично совмещённая омонимия), указывает на: а) признак предмета; б) лицо (*для музыкантов*), чьи интересы затрагиваются и в) назначение предмета (атрибутивно-бенефактивно-дестинативная функция).

6. **ДО** + N р. п.

В выборке 2101 употребление предлога **ДО**.

Синтаксемы с предлогом **ДО** отмечены в обстоятельственной (75 % употреблений), объектной (15 %) и атрибутивной (10 %) парадигмах.

В **обстоятельственной текстовой парадигме** частотен предлог с

функцией: 1) директива (нередко с совмещёнными объектными отношениями); 2) квантитатива с аппроксимативным оттенком; 3) темпоратива (иногда с дименсивным оттенком).

[40] *Мы благополучно доехали до Севастополя* (А.Г. Колмогоров 2012).

В синтаксеме *до Севастополя* предлог **ДО** в составе словосочетания *доехали* (куда?) *до Севастополя*, выражая обстоятельственные отношения, указывает на место (*Севастополь*), выступающее в качестве пространственного предела, конечной точки движения (*доехали*), т.е. предлог выполняет директивную функцию.

[41] *Одновременно по этой тематике работало до сотни человек* (И.С. Шкловский 1988-1992).

В синтаксеме *до сотни человек* предлог **ДО** в составе словосочетания *работало* (сколько? как много?) *до сотни человек*, выражая обстоятельственные отношения, указывает на приблизительное количество (с указанием верхнего количественного предела) лиц (*до сотни человек*), выполняющих какое-либо действие (*работало*) (квантитативная функция с аппроксимативным оттенком).

[42] *Анчи пел до заката* (В.Я. Зазубрин 1934).

В синтаксеме *до заката* предлог **ДО** в составе словосочетания *пел* (как долго? до какого момента?) *до заката*, выражая обстоятельственные отношения, указывает на временной предел (*до заката*), которым завершается действие (*пел*) (темпоративная функция).

Отмечено широкое синкретичное употребление синтаксем с данным предлогом одновременно **в объектной и обстоятельственной парадигме**.

[43] *Я сам дойду до скамейки...* (Г.А. Галахова 1975).

В синтаксеме *до скамейки* предлог **ДО** в составе словосочетания *дойду* (до чего? куда?) *до скамейки*, выражая объектные отношения, указывает на объект (*скамейка*), находящийся где-либо (объектная функция); одновременно предлог, выражая обстоятельственные отношения, указывает на место, точку в пространстве, пространственный предел, к которому (*до скамейки*) направлено движение (*дойду*) (директивная функция), т.е. в целом предлог выполняет

объектно-директивную функцию (частично совмещённая омонимия).

В **атрибутивной текстовой парадигме** отмечен предлог с функцией: 1) атрибутивно-директивной и 2) атрибутивно-дименсивной. Единицы подпарадигм находятся в отношениях перекрёстной и частично совмещённой омонимии.

[44] *Собака сама найдет дорогу до отделения* («Сельская новь» 2003).

В синтаксеме *до отделения* предлог **ДО**, выражая атрибутивные и обстоятельственные отношения (частично совмещённая омонимия) [*дорогу* (какую? куда?)], указывает на признак предмета (*дорогу*) по его пространственному пределу (*до отделения*) (атрибутивно-директивная функция).

[45] *Дети в прилипших трусах до колен с визгом плескались в реке* (И. Муравьева 1997-1998).

В синтаксеме *до колен* предлог **ДО**, выражая атрибутивные и обстоятельственные отношения (частично совмещённая омонимия) [*трусах* (каких? какой длины?)], указывает на признак предмета по его длине (*до колен*) (атрибутивно-дименсивная функция).

7. **ПРИ** + N пр. п.

В выборке 1466 употреблений предлога **ПРИ**.

Зависимые синтаксемы с предлогом **ПРИ** отмечены в обстоятельственной (около 85 % употреблений предлога) и атрибутивной (15 %) парадигмах.

В **обстоятельственной текстовой парадигме** наиболее частотны следующие функции: 1) локатива и 2) темпоратива. Единицы подпарадигм находятся в отношениях перекрёстной омонимии.

[46] *Он основал при заводе гранильную фабрику* (А. Иванов 2007).

В синтаксеме *при заводе* предлог **ПРИ** в составе словосочетания *основал* (где?) *при заводе*, выражая обстоятельственные отношения, указывает на место, учреждение (*завод*), в структуре которого совершается действие (*основал*) (локативная функция с посессивным оттенком).

[47] *Автомобилисты при плохой видимости снижают скорость* («Наука и жизнь» 2007).

В синтаксеме *при плохой видимости* предлог **ПРИ** в составе словосочетания

снижают (скорость) (когда? при каком условии?) *при плохой видимости*, выражая обстоятельственные отношения, указывает на время совершения действия, а также на условия, при которых происходит действие (темпоративная функция с кондициональным оттенком).

В **атрибутивной текстовой парадигме** частотен предлог с атрибутивно-локативной функцией (функцией локализирующего признака).

[48] *Вчера комендант ходил в ресторан при гостинице...* (А. Ким 1985).

В синтаксеме *при гостинице* предлог **ПРИ**, выражая атрибутивные и обстоятельственные отношения (частично совмещённая омонимия) [*ресторан* (какой? где?)], указывает на признак предмета (*ресторан*) по местонахождению (атрибутивно-локативная функция с посессивным оттенком).

8. **БЕЗ** + N р. п.

В выборке 1070 употреблений предлога **БЕЗ**.

Зависимые синтаксемы с предлогом **БЕЗ** отмечены в трех текстовых парадигмах: обстоятельственной (70 % употреблений предлога), объектной и атрибутивной (по 15 % употреблений).

В **обстоятельственной парадигме** частотен предлог с функцией образа действия, на которую в большинстве случаев накладывается комитативная функция, принадлежащая **объектной парадигме**.

[49] *Он плыл на плоту десять дней без воды и еды* (А. Фатющенко 2004).

В синтаксеме *без воды и еды* предлог **БЕЗ** в составе словосочетания *плыл* (как? каким образом? без чего?), выражая обстоятельственные отношения, указывает на то, каким образом (*без воды и еды*) совершается действие (*плыл*) (функция образа действия). Одновременно предлог, выражая объектные отношения, указывает на объект, который отсутствует, не используется (*без воды и еды*) при совершении действия (*плыл*), т.е. выполняет также комитативную функцию (частично совмещённая омонимия).

В **атрибутивной текстовой парадигме** частотен предлог с атрибутивно-комитативной функцией.

[50] *Он открыл своим ключом дверь в какой-то коридорчик без окон...*

(Л. Саксон 2001).

В синтаксеме *без окон* предлог **БЕЗ** в составе словосочетания *коридорчик* (какой? без чего?) *без окон*, выражая атрибутивные и объектные отношения (частично совмещённая омонимия), указывает на признак предмета (*коридорчик*) по отсутствию неких сопутствующих объектов, элементов (*без окон*) (атрибутивно-комитативная функция).

Однопадежные зависимые синтаксемы с предлогами, относящимися к приграничной зоне высокой частотности.

1. **ЧЕРЕЗ (ЧЕРЕЗО)**¹ + N в. п.

В выборке 908 употреблений предлога **ЧЕРЕЗ (ЧЕРЕЗО)**.

Зависимые синтаксемы с предлогом **ЧЕРЕЗ** отмечены в трех текстовых парадигмах: обстоятельственной (около 85 % употреблений предлога), объектной (10 % употреблений) и атрибутивной (5 %).

В **обстоятельственной текстовой парадигме** частотен предлог с функциями: 1) транзитива; 2) темпоратива и 3) медиатива. Единицы подпарадигм находятся в отношениях перекрёстной омонимии.

[51] *В Ленинград он ехал через Москву* (Л. Дурнов 2001).

В синтаксеме *через Москву* предлог **ЧЕРЕЗ** в составе словосочетания *ехал* (каким путем? как? каким способом?) *через Москву*, выражая обстоятельственные отношения, указывает на место (*Москва*), по которому проходит путь движения (*ехал*), а также дополнительно указывает на способ совершения действия (транзитивная функция с медиативным оттенком).

[52] *Самолет вылетает через час* (Ю.О. Домбровский 1943-1958).

В синтаксеме *через час* предлог **ЧЕРЕЗ** в составе словосочетания *вылетает* (когда? как скоро?) *через час*, выражая обстоятельственные отношения, указывает на временной интервал (*через час*), по прошествии которого совершается действие (*вылетает*) (темпоративная функция).

[53] *Я разыскивал через объявление на вашем сайте книгу* (Форум: Книга

¹ Выборка не содержит высказываний с устаревшими формами **ЧРЕЗ (ЧРЕЗО)**, поэтому анализируются только примеры с **ЧЕРЕЗ (ЧЕРЕЗО)**.

жалоб и предложений 2004-2006).

В синтаксеме *через объявление* предлог **ЧЕРЕЗ** в составе словосочетания *разыскивал* (как? каким способом? посредством чего?) *через объявление*, выражая обстоятельственные отношения, указывает на способ (*через объявление*), который избирается для совершения действия (*разыскивал*) (медиативная функция).

В **объектной текстовой парадигме** отмечено употребление предлога с функцией живого объекта с оттенком пути движения.

[54] *Я перешагнул через Мальцева...* (А. Лазарчук 1995).

В синтаксеме *через Мальцева* предлог **ЧЕРЕЗ** в составе словосочетания *перешагнул* (через кого?) *через Мальцева*, выражая объектные отношения, указывает на лицо, выступающее в качестве преодолеваемой преграды (*перешагнул*) (функция живого объекта с транзитивным оттенком).

В **атрибутивной текстовой парадигме** отмечено употребление предлога с атрибутивно-транзитивной функцией.

[55] *В свое время он строил дальневосточную дорогу через Хабаровск...* (С.М. Голицын 1980-1989).

В синтаксеме *через Хабаровск* предлог **ЧЕРЕЗ**, выражая атрибутивные и обстоятельственные отношения (частично совмещённая омонимия) [*дорогу* (какую? куда? через какой пункт?)], указывает на признак предмета (*дорогу*) по пути движения (*через Хабаровск*) (атрибутивно-транзитивная функция).

2. ПЕРЕД (ПЕРЕДО)¹ + N тв. п.

Выборка содержит 651 употребление предлога **ПЕРЕД (ПЕРЕДО)**.

Зависимые синтаксемы с предлогом **ПЕРЕД** употребляются в трех текстовых парадигмах: обстоятельной (80 % употреблений предлога), объектной и атрибутивной (по 10 % употреблений).

В **обстоятельной текстовой парадигме** частотен предлог с функциями: 1) локатива; 2) темпоратива. Единицы подпарадигм находятся в отношениях перекрёстной омонимии.

¹ Выборка не содержит высказываний с устаревшими формами **ПРЕД (ПРЕДО)**, поэтому анализируются только примеры с **ПЕРЕД (ПЕРЕДО)**.

[56] *Главный хирург нервно ходил перед дверями операционной...* (И.А. Ефремов 1968-1969).

В синтаксеме *перед дверями (операционной)* предлог **ПЕРЕД** в составе словосочетания *ходил* (где? перед чем?) *перед дверями* выражает обстоятельственные отношения, указывая на место в пространстве, в непосредственной близости от которого (*перед дверями*) совершается действие (*ходил*), а также выражает объектные отношения, указывая на объект, рядом с которым, возле которого (*перед дверями*) что-либо происходит (локативно-объектная функция, т.е. частично совмещённая омонимия).

[57] *В этой мастерской он перед войной смастерил моторную лодку «Гелий»...* (А.П. Капица 1994).

В синтаксеме *перед войной* предлог **ПЕРЕД** в составе словосочетания *смастерил* (когда? незадолго до какого события?) *перед войной*, выражая обстоятельственные отношения, указывает на событие, явление, незадолго до которого (*перед войной*) совершается действие (*смастерил*) (темпоративная функция).

В **объектной парадигме** помимо предлога с синкретичной локативно-объектной функцией (см. Высказывание [56]), частотен предлог, выполняющий адресативную функцию.

[58] *Год назад я выступал перед учениками школы имени Александра Невского в Петербурге* (А. Шиманский 2002).

В синтаксеме *перед учениками* предлог **ПЕРЕД** в составе словосочетания *выступал* (перед кем?) *перед учениками*, выражая объектные отношения, указывает на группу лиц (*перед учениками*), к которым обращено действие (*выступал*); в значении, выражаемом предлогом, также присутствует пространственный оттенок: *выступал* (где?) (адресативная функция с локативным оттенком).

В **атрибутивной текстовой парадигме** частотен предлог с функцией: 1) атрибутивно-локативной и 2) атрибутивно-темпоративной.

[59] *Весной жители села сначала граблями сгребают мусор с лужаек перед домом* (В.А. Солоухин 1959).

В синтаксеме *перед домом* предлог **ПЕРЕД**, выражая атрибутивные и обстоятельственные отношения (частично совмещённая омонимия) [*лужаек* (каких? где?)], указывает на признак предмета (*лужаек*) по местонахождению (*перед домом*) (атрибутивно-локативная функция).

[60] *Он пришел в ночь перед гонкой...* (Б.С. Житков 1935).

В синтаксеме *перед гонкой* предлог **ПЕРЕД**, выражая атрибутивные и обстоятельственные отношения (частично совмещённая омонимия) [*ночь* (какая? когда? незадолго до какого события?)], указывает на признак предмета (*ночь*) по времени (*перед гонкой*) (атрибутивно-темпоративная функция).

3. **НАД (НАДО)** + N тв. п.

Выборка содержит 610 употреблений предлога **НАД (НАДО)**.

Зависимые синтаксемы с предлогом **НАД** употребляются в трех текстовых парадигмах: обстоятельственной (85 % употреблений предлога), объектной (10 %) и атрибутивной (5 %).

В **обстоятельственной текстовой парадигме** частотен предлог с локативной функцией.

[61] *Чайки кричат над морем* (В.Д. Алейников 2002).

В синтаксеме *над морем* предлог **НАД** в составе словосочетания *кричат* (где?) *над морем*, выражая обстоятельственные отношения, указывает на место в пространстве, выше поверхности которого (*над морем*) совершается действие (*кричат*) (локативная функция).

В **объектной текстовой парадигме** отмечен предлог с функцией: 1) делибератива и 2) живого объекта (с локативным оттенком).

[62] *Я много раздумывал над этим письмом* (С. Довлатов 1984).

В синтаксеме *над (этим) письмом* предлог **НАД** в составе словосочетания *раздумывал* (над чем?) *над (этим) письмом*, выражая объектные отношения, указывает на объект (*над письмом*), составляющий содержание мыслительного процесса, интеллектуального действия (*раздумывал*) (делиберативная функция).

[63] *Теперь самолеты летали над нами каждый день* (В. Михальский 2008).

В синтаксеме *над нами* предлог **НАД** в составе словосочетания

летали (над кем?) *над нами*, выражая объектные отношения, указывает на группу лиц, выше которых (*над нами*) совершается действие (*летали*); в значении присутствует также пространственный оттенок: *летали* (где?) *над нами* (функция живого объекта с локативным оттенком).

В **атрибутивной текстовой парадигме** частотен предлог с атрибутивно-локативной функцией (иногда – в сочетании с объектной функцией или с выраженным объектным оттенком).

[64] *Я полезла в горы над морем...* (Н.К. Чуковский 1956).

В синтаксеме *над морем* предлог **НАД**, выражая атрибутивные и обстоятельственные отношения (частично совмещённая омонимия) [*горы* (какие? где?)], указывает на признак предмета (*горы*) по местонахождению (*над морем*) (атрибутивно-локативная функция).

4. **ПРО** + N в. п.

В выборке 285 употреблений предлога **ПРО**.

По данным анализа, синтаксемы с предлогом **ПРО** относятся к объектной (около 70 % употреблений предлога) и атрибутивной (30 % употреблений) текстовым парадигмам.

В **объектной текстовой парадигме** отмечено употребление предлога с делиберативной функцией.

[65] *Потом я вспомнил про мастерскую на дне карьера* (В. Пелевин 2011).

В синтаксеме *про мастерскую* предлог **ПРО** в составе словосочетания *вспомнил* (про что? о чем?) *про мастерскую*, выражая объектные отношения, указывает на объект (*мастерскую*), который выступает в качестве содержания мыслительного процесса (*вспомнил*) (делиберативная функция).

В **атрибутивной текстовой парадигме** отмечен предлог с атрибутивно-делиберативной функцией.

[66] *Полковник рассказал мне такую смешную историю про Пушкина* (Коллекция анекдотов 1962-2000).

В синтаксеме *про Пушкина* предлог **ПРО** в составе словосочетания *историю* (какую? про кого?) *про Пушкина*, выражая атрибутивные отношения, указывает

на признак предмета (*историю*) по его содержанию (*про Пушкина*) (атрибутивно-делиберативная функция, частично совмещённая омонимия).

Результаты анализа сведены в таблицу 4.

Таблица 4

Омонимия в однопадежных зависимых синтаксемах¹

Предлоги в зависимых синтаксемах	I – обстоятельствен- ные текстовые парадигмы	II – объектные текстовые парадигмы	III – атрибутивные текстовые парадигмы
II. Центральная зона высокой частотности			
1. К (КО) + N д. п. 6138 с/у ²	58 % <u>Функции:</u> 1) директивная (часто в сочетании с объектной либо с выраженным объектным оттенком); 2) темпоративная; 3) темпоративно- каузативная	34 % <u>Функции:</u> 1) адресативная; 2) инструментивная; 4) живого объекта; 3) объектно- директивная	8 % <u>Функции:</u> 1) атрибутивно- директивная; 2) атрибутивно- директивно- объектная³ ; 2) атрибутивно- дестинативная
2. ИЗ (ИЗО) + N р. п. 4143 с/у	47 % <u>Функции:</u> 1) директивная (часто в сочетании с объектной либо с выраженным	43 % <u>Функции:</u> 1) инструментивная; 2) фабрикативная; 3) партитивная; 4) сурсивная	10 % <u>Функции:</u> 1) атрибутивно- директивно- сурсивная ; 2) атрибутивно-

¹ В таблице представлены наиболее частотные функции предлогов в проанализированном материале.

² С/у = словоупотребления.

³ Совмещенная (наложенная) омонимия, охватывающая все три базовые текстовые парадигмы предлогов (т.е. полностью совмещенная омонимия), обозначена в таблице жирным шрифтом.

	объектным оттенком; иногда с оттенком образа действия); 2) каузативная		темпоративно- сурсивная; 3) атрибутивно- фабрикативная; 4) атрибутивно- директивная (часто с объектным оттенком); 5) атрибутивно- партитивная; 6) атрибутивно- инструментив- ная
3. У + N р. п. 4085 с/у	70 % <u>Функции:</u> 1) локативная	20 % <u>Функции:</u> 1) живого объекта с локативным оттенком	10 % <u>Функции:</u> 1) атрибутивно- локативная; 2) атрибутивно- локативно- объектная
4. ОТ (ОТО) + N р. п. 3095 с/у	60 % <u>Функции:</u> 1) директивная (часто с объектным оттенком); 2) каузативная	15 % <u>Функции:</u> 1) сурсивная с директивным оттенком 2) живого объекта (с локативным оттенком)	25 % <u>Функции:</u> 1) атрибутивно- темпоративная; 2) атрибутивно- каузативно- инструмен- тивная; 3) атрибутивно-

			сурсивно- директивно- каузативная; 4) атрибутивно- дестинативная
5. ДЛЯ + N р. п. 2835 с/у	35 % <u>Функции</u> 1) финитивно- каузативная	60 % <u>Функции:</u> 1) бенефактивно- каузативная	5 % <u>Функции:</u> 1) атрибутивно- бенефактивно- дестинативная
6. ДО + N р. п. 2101 с/у	75 % <u>Функции:</u> 1) директивная (часто в сочетании с объектной); 2) квантитативная с аппроксима- тивным оттенком; 3) темпоративная	15 % <u>Функции:</u> 1) объектно- директивная	10 % <u>Функции:</u> 1) атрибутивно- директивная; 2) атрибутивно- дименсивная
7. ПРИ + N пр. п. 1466 с/у	85 % <u>Функции:</u> 1) локатива с посессивным оттенком; 2) темпоратива с кондициональным оттенком	-----	15 % <u>Функции:</u> 1) атрибутивно- локативная

8. БЕЗ (БЕЗО) + N р. п. 1070 с/у	70 % <u>Функции:</u> 1) образа действия	15 % <u>Функции:</u> 1) комитативная (отсутствующего объекта)	15 % <u>Функции:</u> 1) атрибутивно- комитативная
III. Приграничная зона высокой частотности			
1. ЧЕРЕЗ (ЧЕРЕЗО), ЧРЕЗ (ЧРЕЗО) + N в. п. 908 с/у	85 % <u>Функции:</u> 1) транзитивная; 2) темпоративная; 3) медиативная	10 % <u>Функции:</u> 1) живого объекта с транзитивным оттенком	5 % <u>Функции:</u> 1) атрибутивно- транзитивная
2. ПЕРЕД (ПЕРЕДО), ПРЕД (ПРЕДО) + N тв. п. 651 с/у	80 % <u>Функции:</u> 1) локативная (часто в сочетании с объектной); 2) темпоративная	10 % <u>Функции:</u> 1) объектно-локативная 2) живого объекта с локативным оттенком	10 % <u>Функции:</u> 1) атрибутивно- локативная; 2) атрибутивно- локативно- объектная; 3) атрибутивно- темпоративная
3. НАД (НАДО) + N тв. п. 610 с/у	85 % <u>Функции:</u> 1) локативная (часто с объектным оттенком)	10 % <u>Функции:</u> 1) делиберативная 2) живого объекта (часто с локативным оттенком)	5 % <u>Функции:</u> 1) атрибутивно- локативная 2) атрибутивно- локативно- объектная
4. ПРО +	-----	70 %	30 %

№ в. п. 285 с/у		<u>Функции:</u> 1) дилиберативная	<u>Функции:</u> 1) атрибутивно- дилиберативная
--------------------	--	--------------------------------------	--

Интерпретация таблицы 4.

1. Данные таблицы 4 свидетельствуют о прямой корреляции функционально-синтаксической омонимии анализируемых предлогов с их частотностью (употребительностью) в текстах НКРЯ.

2. Все предлоги, за исключением двух, имеют все три базовые текстовые парадигмы на субкатегориальном уровне: обстоятельственные, объектные и атрибутивные, т.е. максимально выражают отношения субкатегориального обстоятельства, субкатегориального объекта и субкатегориального атрибута, создающие имплицитную неабсолютную омонимию предлогов.

Исключение составляют два предлога второй и третьей зоны частотности: 1) не отмечена объектная текстовая парадигма у предлога **ПРИ** (II зона частотности); 2) не имеет обстоятельственной текстовой парадигмы предлог **ПРО** (III зона частотности).

Таким образом, самый низкочастотный предлог **ПРО** (285 с/у) выполняет узкоспециализированные функции: дилиберативную и атрибутивно-дилиберативную.

3. В целом количество функций и значений предлогов, а также количество подпарадигм постепенно уменьшается с понижением частотности.

4. Доминирующими почти у всех анализируемых предлогов являются обстоятельственные текстовые парадигмы; на втором месте – объектные парадигмы; на третьем – атрибутивные.

5. Доминирование двух подпарадигм обстоятельственной парадигмы – пространства и времени – обусловлено базовыми представлениями человека о мироустройстве Универсума [Гак 1998; Никитин 2003; Комарова, Калинин 2019 и др.], а потому именно эти функции у ряда предлогов преобладают (**ПРИ** – 85 %; **НАД** – 85 %; **ПЕРЕД** – 80 %; **ДО** – 75 % и др.). Остальные обстоятельственные значения и функции уникальны у конкретных предлогов (финитив – у предлога

ДЛЯ; квантитатив – у предлога *ДО*; транзитив и медиатив – у предлога *ЧЕРЕЗ* и др.).

6. Анализ семантико-синтаксических смыслов и функций первичных простых предлогов в однопадежных зависимых синтаксемах позволил выявить функционально-синтаксическую омонимию **перекрёстного и совмещённого вида**: омонимия является неабсолютной (неполной, частичной), носит имплицитный характер, нейтрализуясь в поверхностной линейной структуре высказывания, однако на глубинных уровнях иерархической семантики предлогов омонимия явная и яркая, интерпретирующая синтаксические концепты-релятивы.

7. Особо следует отметить специфику атрибутивных текстовых парадигм, которые занимают по продуктивности последнее место (от 5 % у ряда предлогов до максимально 30 % у предлога *ПРО*), однако именно в этих парадигмах и подпарадигмах проявляется неабсолютная совмещённая (наложённая) омонимия, охватывающая **все три базовые текстовые парадигмы**, т.е. полностью совмещённая омонимия (предлоги *К, ИЗ, У, ОТ, ПЕРЕД, НАД*), тогда как у предлогов в других парадигмах возможна совмещённая омонимия, охватывающая лишь две базовые текстовые парадигмы (частично совмещённая омонимия).

2.2.3. Омонимия в разнопадежных зависимых синтаксемах

Как было указано в первой главе, восемь первичных простых предлогов употребляются с двумя либо тремя падежами имени; анализ омонимии этих предлогов мы проводим в порядке их употребительности в речи на основе критерия частотности (см. Раздел 2.1).

Анализ начинаем с ультрачастотного предлога *В¹* и *В²*, который «работает» в речи на всем функциональном пространстве русского языка, выражая **обстоятельственные** (см. Приложение 5: 81 % и 76 % от всех употреблений *В¹* и *В²* соответственно); **объектные** (15 % и 19 %) и **атрибутивные** отношения (4 % и 5 %). В таблице 5 представлены все три типа отношений в наиболее прототипических функциях и семантико-синтаксических смыслах.

Анализ зависимых синтаксем проводится на основе методики уровневого анализа [Бенвенист 1974: 129; Звегинцев 2007: 167; Юрченко 2008: 277], т.е. в контексте вышестоящей синтаксической единицы – словосочетания, правой границей которого является предложно-падежная форма имени, а левой границей – управляющее синтаксемой слово.

Таблица 5

Омонимия предлогов B^1 и B^2 в разнопадежных зависимых синтаксемах

Текстовые парадигмы	Внутрисловные парадигмы семантики предлогов	
	$B (BO)^1$ + имя в вин. п.	$B (BO)^2$ + имя в предл. п.
I. Высказывания с обстоятельственными синтаксемами	[67] <i>Спустя много лет художник впервые приехал в Россию</i> (А. Боссарт 1991).	[68] <i>Англичане высадили десант во Франции</i> (Е.А. Ковалевская 2001).
Синтаксема	[<i>приехал</i> (куда?)] <i>в Россию</i> $B^1 + N_{в. п.}$	[<i>высадили</i> (где?)] <i>во Франции</i> $B^2 + N_{п. п.}$
1. Категориальное значение	отношение подчинения	
2. Субкатегориальное значение	«указание на обстоятельственные отношения»	
3. Групповое значение	«указание на пространственные отношения»	
4. Подгрупповое значение	«указание на место, географический объект, в сторону которого направлено¹ действие либо движение, или на место, являющееся конечным пунктом движения »	«указание на место, географический объект, внутри или в пределах которого осуществляется действие либо движение»

¹ Жирным шрифтом отмечены различные, омонимичные семы в структуре значений/смыслов предлогов.

5. Частное значение	«указание на страну, государство, внутри или в пределы которого направлено действие либо движение» (<u>директивная функция</u>)	«указание на страну, государство, внутри или в пределах которого осуществляется действие либо движение» (<u>локативная функция</u>)
II. Высказывания с объектными синтаксемами	[69] <i>Пионеры застучали в барабан</i> (Г. Горин 1974-1984).	[70] <i>Но наибольшего успеха он достиг в садово-парковом искусстве</i> (В.В. Дормидонтова 2001).
Синтаксема	[(<i>застучали</i>) (во что?)] <i>в барабан</i> $B^1 + N_{в. п.}$	[<i>достиг</i> (в чем?)] <i>в (садово-парковом) искусстве</i> $B^2 + N_{п. п.}$
1. Категориальное значение	отношение подчинения	
2. Субкатегориальное значение	«указание на объектные отношения»	
3. Групповое значение	«указание на орудие, средство действия » (<u>инструментивная функция</u>)	«указание на область либо сферу деятельности, род занятий, пределы осуществления действия» (<u>лимитативная функция</u>)
III. Высказывания с атрибутивными синтаксемами	[71] <i>Он видит комнату в два окна</i> (А.Н. Вербицкая 1909).	[72] <i>Затем Фомин увидел женщину в валенках...</i> (Б. Губер 1927).
Синтаксема	[<i>комнату</i> (какую?)] <i>в два окна</i> $B^1 + N_{в. п.}$	[<i>женщину</i> (какую?)] <i>в валенках</i> $B^2 + N_{п. п.}$

1. Категориальное значение	отношение подчинения	
2. Субкатегориальное значение	«указание на атрибутивные отношения»	
3. Групповое значение	«указание на количественный признак величины, размера, меры» (<u>атрибутивно-дименсивная функция</u>)	«указание на признак, определяющий внешний вид, облик предмета » (<u>атрибутивно-квалитивная функция с оттенком внешнего покрытия</u>)

Интерпретация таблицы 5.

1. В таблице 5 в оппозиции представлены две иерархические внутрисловные парадигмы семантики предлогов B^1 и B^2 в трех текстовых парадигмах, т.е. на каждый из трех основных типов выражаемых отношений (в таблице обозначены как I, II, III), которые наглядно, на уровне «**взаимного сопоставления**» по А.А. Шахматову (выделено нами – *А.III.*) [Шахматов 1941: 17] показывают наличие явной и яркой **имплицитной неполной (частичной) предложно-падежной омонимии перекрёстного вида**, поскольку в значениях (семантико-синтаксических смыслах) предлогов присутствуют как общие (в обстоятельственных отношениях это уровни 1-3; в объектных и атрибутивных – 1-й и 2-й уровни иерархии), так и разные семы (в I типе это 4-й и 5-й уровни; во II и III типах – 3-й уровень). **Функции** же этих предлогов в синтаксемах, как видим, различны.

2. Другой критерий соотношения (сходства и различия) омонимии и полисемии базируется на «способности языковых единиц к субституции в определенных контекстах» (выделено нами – *А.III.*) [Бенвенист 1974: 116, 129-132; Кожина и др. 2011; Авдина 2014: 60]: подбор синонимов (в тех случаях, где это представляется возможным) указывает на омонимичный характер отношений как между рассматриваемыми предлогами, так и между их синонимами. Ср.: (*застучали*) **в** барабан – (*застучали*) **по** барабану; (*достиг*) **в** (садово-парковом)

искусстве – (достиг) в области (садово-паркового) искусства.

Оппозиционный анализ омонимии других предлогов в разнопадежных зависимых синтаксемах дан в Приложении 4. Система семантико-синтаксических смыслов и функций предлогов в разнопадежных синтаксемах представлена в Приложении 5.

Подводя итоги раздела, подчеркнем следующие основные моменты.

1. Как и в случае с предлогами, проанализированными в предыдущем разделе, почти у всех предлогов в разнопадежных зависимых синтаксемах наблюдается доминирование обстоятельственной текстовой парадигмы (за исключением предлогов O^1 и O^2 , у которых обстоятельственная парадигма не выявлена); объектная текстовая парадигма не отмечена у предлогов C^2 , $ПО^2$, $ЗА^2$, $МЕЖДУ^1$; атрибутивной парадигмы нет у предлога O^1 . Выборка не содержит высказываний с предлогом $ПО^3$, который словари и грамматики отмечают как устаревший.

2. В целом количество функций и значений предлогов, а также количество подпарадигм постепенно уменьшается с понижением частотности. Наиболее развитая система значений и функций отмечена у высокочастотных предлогов **В** и **НА** (см. Приложение 5).

3. В разделе 1.1.2 мы отмечали, что некоторые лингвисты предлагают считать предлоги с разными падежами имени полностью омонимичными, т.е. в русском языке число первичных простых предлогов равно числу падежей, с которыми они употребляются. Наш анализ показал, что омонимия у таких предлогов не является абсолютной: можно говорить лишь об имплицитной омонимии на отдельных (глубинных) уровнях семантической иерархии. Поскольку на верхних уровнях иерархии омонимия не проявляется, мы полагаем, что считать предлоги, употребляющиеся с разными падежами имени, в целом омонимичными вряд ли состоятельно. Такую омонимию мы обозначили как имплицитную неполную, или частичную омонимию перекрёстного вида. Исключение составляют предлоги $МЕЖДУ^1$ и $МЕЖДУ^2$, у которых омонимия, по данным анализа, находится практически на стадии нейтрализации,

причиной чего является снижение частотности этих предлогов (см. Раздел 2.1) и как следствие – их меньшее варьирование в парадигмах семантико-синтаксических смыслов и функций.

4. Выявлены отдельные (единичные) переходные случаи, когда у предлогов наблюдается общность функций, при этом семантико-синтаксические смыслы/значения на глубинных уровнях иерархии различаются, например: *приехать в грозу* ($B^1 + N_{в. н.}$) – «указание на **природные явления**, во время которых, на фоне которых что-либо происходит» и *приехать в детстве* ($B^2 + N_{н. н.}$) – «указание на **период жизни**, в который что-либо происходит» (в обоих случаях – темпоративная функция, хотя в первом случае также присутствует ярко выраженный ситуативный оттенок). Подобные случаи мы также интерпретируем как проявления неполной, частичной омонимии, хотя и в очень слабой, начальной форме.

5. Анализ семантико-синтаксических смыслов и функций первичных простых предлогов с каждым из падежей имени (т.е как в однопадежных зависимых синтаксемах) выявил функционально-синтаксическую омонимию двух видов: перекрёстную и совмещённую (наложённую), при этом омонимия является неабсолютной (частичной), проявляясь на глубинных уровнях семантической иерархии. Полностью совмещённая омонимия, возникающая при наложении всех трех базовых текстовых парадигм (обстоятельственной, объектной и атрибутивной), отмечена в выборке у предлогов B^1 , B^2 , HA^2 , $3A^1$, $3A^2$ и $ПОД^2$ (см. Приложение 5).

2.2.4. Омонимия в глагольных словосочетаниях

Для исследования как прототипические избраны два типа словосочетаний: **глагольные** и **субстантивные**. Выбор обусловлен тем, что:

- во-первых, в нашем иллюстративном материале из НКРЯ именно эти словосочетания господствуют, составляя три четверти всего материала;
- во-вторых, стержневые слова данных словосочетаний: **глагол** и **имя существительное** – это «своего рода основания планеты нашей языковой солнечной системы» (выделено нами – *А.Ш.*) [Пешковский 1956: 132];

- в-третьих, наличествует глубинная связь имени и глагола [Виноградов 2001 (1947): 53-57; Кузнецова 1982; Вяч. Вс. Иванов 2004: 51-59; Кубрякова 2004: 137; Успенский 2004: 61; Юрченко 2008: 5 и др.];

- наконец, значимость имени и глагола как ключевых когнитивно-коммуникативных категорий обоснована Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2004: 145-151; 210-267]. При этом глагол включает в предложение/высказывание как базовые категории наклонения, времени и лица, а имя (существительное) – категории падежа, класса (рода) и числа.

Цель настоящего раздела – рассмотреть механизмы, с помощью которых глагольный предикат, выступающий в качестве управляющего слова, подчиняет себе предложно-падежную форму (синтаксему), на основании чего пронаблюдать образование функционально-синтаксической омонимии в речевом глагольном словосочетании, функционирующем в предикатно-аргументной структуре высказываний.

Подчеркнем, что, так как «глагол есть поверхностная форма предиката» [Степанов 1980: 312; Золотова 1973; Кузнецова 1985; Бабенко 1997; Булыгина, Шмелёв 1997; Плотникова 1997; Кубрякова 2004; Алефиренко 2009; Шарандин 2009 и др.], а предикат – ядро пропозитивной структуры, назначение которой – «отображать некоторое событие или ситуацию действительности» [Касевич, Храковский 1983: 13], то одновременно через анализ глагольных предикатов «нетрудно представить круг его возможных "актантов"» [Кузнецова 1974: 23].

Поскольку в предыдущих разделах были выявлены и описаны виды функционально-синтаксической омонимии предлогов в одно- и разнопадежных зависимых синтаксемах, в данном разделе мы не останавливаемся на их повторном целенаправленном рассмотрении, а анализируем прежде всего роль управляющего глагола и его валентности как активной сочетаемости в образовании омонимичных сочетаний, т.к. «валентность глаголов может служить моделью для исследования предлогов» [Huppertz 1991: 9; Филипенко 2000: 12-13; Биньковская 2006: 5 и др.], в том числе и их омонимии.

Для анализа валентности глагола мы используем понятия обязательной

валентности, т.е. такой позиции в высказывании, которая обязательно должна быть заполнена, и факультативной валентности, т.е. позиции, которая не подлежит облигаторному заполнению [Теньер 1988; Кацнельсон П. ЛЭС 1998: 80].

Анализу не подвергаются нульвалентные (авалентные, безвалентные) глагольные предикаты (в высказываниях типа *холодает*; *вечереет*), поскольку нами рассматривается базовая (прототипическая) глагольно-именная пропозиция, которая имеет как субъектно-предикатную, так и предикатно-аргументную структуры, при этом в данном разделе акцент делается на второй структуре.

Отметим также, что субъектная валентность глагольного предиката в данной пропозиции является обязательной, т.к. в качестве прототипа глагольного предиката выступают **акциональные глаголы** («глагол-действие» [Падучева П. РЯЭ-2003: 480; Болдырев 2014: 129 и др.]), выражающие события, в которых активный субъект (агенса) совершает конкретное действие [Болдырев 2014: 200-201].

Для анализа омонимии в глагольных словосочетаниях обратимся к ряду высказываний.

[73] *Дмитрий Петрович прыгнул в лодку* (А. Рыбаков 1955-1956).

В высказывании использован непереходный (автосемантический) глагол¹ движения *прыгнул*, который имеет обязательную субъектную валентность (требует обязательного наличия активного субъекта: *Дмитрий Петрович прыгнул*) и факультативную обстоятельственную валентность: *прыгнул в лодку* (пространственные отношения). Для указания на пространство, внутрь, в пределы которого направлено движение (директивные отношения), глагол *прыгнул* управляет синтаксемой, состоящей из предлога ***В*¹** и существительного *лодку* (обязательно в винительном падеже!); таков механизм образования словосочетания [*прыгнул (куда?)*] *в лодку* (***V f + В¹ + N в. п.***).

[74] *Сергей три раза в неделю по два часа плавает в бассейне*

¹ Обозначает «замкнутость действия в сфере субъекта» [Долинина П. ЛЭС 1998: 370; Шведова, Лопатин П. КРГ-2002: 311; П. РЯЭ-2003: 332].

(А. Богомолов 2002).

В высказывании использован непереходный глагол движения *плавает*, который имеет обязательную субъектную валентность (*Сергей плавает*) и три факультативные обстоятельственные валентности: *плавает три раза в неделю*, *плавает по два часа* (в обоих случаях – количественно-временные отношения) и *плавает в бассейне* (пространственные локативные отношения). Для указания на пространство, внутри, в пределах которого совершается действие, глагол *плавает* управляет синтаксемой, состоящей из предлога ***B*²** и существительного *бассейне* (обязательно в предложном падеже!); так образуется словосочетание [*плавает (где?)*] *в бассейне* (***V f + B*² + *N п. п.***).

Как видим, в обоих словосочетаниях (*прыгнул в лодку* и *плавает в бассейне*) в роли управляющего слова выступают непереходные одновалентные глаголы движения; в обоих словосочетаниях выражаются обстоятельственные пространственные отношения. Тем не менее, в словосочетаниях реализуются разные виды пространственных отношений, при этом предлоги ***B*¹** и ***B*²** осуществляют подчинительную связь между управляющим глаголом («связь слева») и зависимым существительным («связь справа»), причем для выражения определенного значения глагол при помощи предлога управляет существительным в строго определенном падеже. Так возникает омонимия предлогов ***B*¹** и ***B*²** в разнопадежных зависимых синтаксемах в составе указанных словосочетаний.

Таким образом, в рассмотренных высказываниях глагольный предикат посредством глагольного предложного управления реализует омонимичные обстоятельственные отношения (омонимия перекрёстного вида) (см. Раздел 2.2.3 и Приложение 2).

[75] *Кузыбаев тогда водку привез с винзавода* (О. Эминов 1978).

Переходный (синсемантичный) глагол¹ *привез* имеет субъектную валентность (*Кузыбаев привез*), валентность прямого объекта (*привез*

¹ Обозначает «направленность действия субъекта на прямой объект», выраженный существительным в винительном падеже без предлога, реже в родительном падеже [Долинина И. ЛЭС 1998: 370; Шведова, Лопатин И. КРГ-2002: 312].

водку), а также две факультативные обстоятельственные валентности: *привез тогда* и *привез с винзавода*. Для указания на место, выступающее в качестве исходного пункта движения, глагол *привез* управляет синтаксемой, состоящей из предлога C^1 и существительного *винзавода* (обязательно в родительном падеже!); так образуется словосочетание [*привез (откуда?)*] с *винзавода* ($Vf + C^1 + Np. n.$).

[76] *Деля слушала его с брезгливой усмешкой* (А.П. Ладинский 1959).

Переходный глагол *слушала* имеет субъектную валентность (*Деля слушала*), валентность прямого объекта (*слушала его*) и факультативную обстоятельственную валентность (*слушала с брезгливой усмешкой*). Для указания на то, каким именно образом совершается действие (отношения образа действия), глагол *слушала* управляет синтаксемой, состоящей из предлога C^2 и существительного *усмешкой* (обязательно в творительном падеже!); так образуется словосочетание [*слушала (как? каким образом?)*] с *брезгливой усмешкой* ($Vf + C^2 + Nтв. n.$).

Как видим, в обоих высказываниях управляющий глагол имеет валентность прямого объекта и обстоятельственную валентность; в обоих словосочетаниях (*привез с винзавода* и *слушала с брезгливой усмешкой*) выражаются обстоятельственные отношения; тем не менее, в первом случае реализуются обстоятельственные пространственные (директивные) отношения, а во втором – отношения образа действия. Так возникает перекрёстная омонимия предлогов C^1 и C^2 в разнопадежных зависимых синтаксемах в составе указанных словосочетаний.

[77] *Митя торопливо давил на кнопки телефонной трубки* (А. Житков 2000).

В высказывании косвенно-переходный глагол¹ *давил* имеет субъектную валентность (*Митя давил*) и валентность косвенного объекта (*давил на кнопки*), а также факультативную обстоятельственную валентность (*давил*

¹ Обозначает «направленность действия субъекта на косвенный объект», выраженный формами косвенных падежей существительного с предлогом или без предлога [Габучан П. РЯЭ-2003: 122; Маслов П. ЛЭС 1998: 105].

торопливо). Для указания на объект, к которому приложено контактно-направленное действие, глагол *давил* управляет синтаксемой, состоящей из предлога **НА¹** и существительного *кнопки* (обязательно в винительном падеже!); так образуется словосочетание [*давил (на что?)*] *на кнопки* (**V f + НА¹ + N в. п.**).

[78] *Навстречу двигался на костылях человек в серых брюках с обрюзгшим лицом* (Н.И. Гаген-Торн 1936-1979).

Косвенно-переходный глагол *двигался* имеет субъектную валентность (*человек двигался*), валентность косвенного объекта (*двигался на костылях*) и две факультативные обстоятельственные валентности (*двигался навстречу* и *двигался на костылях*). Для указания на объект, выступающий в качестве инструмента, орудия совершения действия (инструментивные отношения), глагол *двигался* управляет синтаксемой, состоящей из предлога **НА²** и существительного *костылях* (обязательно в предложном падеже!); так образуется словосочетание [*двигался (на чем? при помощи чего? с использованием какого орудия?)*] *на костылях* (**V f + НА² + N п. п.**). Наряду с объектными отношениями в словосочетании *двигался на костылях* выражаются обстоятельственные отношения способа действия: [*двигался (как? каким способом?)*] *на костылях*, что свидетельствует о частично совмещённой омонимии предлога **НА²**.

Сравнивая эти два высказывания, видим, что в обоих словосочетаниях (*давил на кнопки* и *двигался на костылях*) управляющий глагол имеет валентность косвенного объекта, однако в словосочетаниях представлены разные виды объектных отношений: в первом реализуются объектные отношения с объектом, локализирующим контактно-направленное действие, а во втором — инструментивные отношения; при этом для выражения определенного значения глагол при помощи предлога **НА¹** либо предлога **НА²** управляет существительным в строго определенном падеже. Так возникает перекрёстная омонимия предлогов **НА¹** и **НА²** в разнопадежных зависимых синтаксемах в составе данных словосочетаний.

[79] *Я положил под подушку будильник...* (Н. Носов 1949).

Переходный (синсемантический) глагол *положил* имеет субъектную

валентность (*я положил*), валентность прямого объекта (*положил будильник*), валентность косвенного объекта и обстоятельственную валентность (обе валентности в словосочетании *положил под подушку*). Для указания на объект, ниже которого, вниз по отношению к которому направлено контактное действие, глагол *положил* управляет синтаксемой, состоящей из предлога **ПОД¹** и существительного *подушку* (обязательно в винительном падеже!); так образуется словосочетание [*положил* (под что? ниже какого объекта?)] *под подушку* (**V f + ПОД¹ + N в. п.**). Наряду с объектными отношениями в словосочетании выражаются обстоятельственные пространственные (директивные) отношения: [*положил* (куда?)] *под подушку* (частично совмещённая омонимия предлога **ПОД¹**).

[80] *Они несколько раз под возгласы толпы развернули меня на месте...* (М. Панин 2002).

Переходный (синсемантический) глагол *развернули* имеет субъектную валентность (*они развернули*), валентность прямого объекта (*развернули меня*), валентность косвенного объекта (*развернули под возгласы толпы*), а также обстоятельственные валентности (*развернули несколько раз* и *развернули на месте*). Для указания на сопровождающий предмет, явление (комитативные отношения), глагол *развернули* управляет синтаксемой, состоящей из предлога **ПОД¹** и существительного *возгласы* (обязательно в винительном падеже!); так образуется словосочетание [*развернули* (на фоне чего? в сопровождении чего?)] *под возгласы толпы* (**V f + ПОД¹ + N в. п.**).

Сравнивая эти два высказывания, видим, что в обоих случаях управляющий глагол имеет валентность прямого объекта и валентность косвенного объекта; в обоих проанализированных словосочетаниях (*положил под подушку* и *развернули под возгласы толпы*) используется предлог **ПОД¹** для выражения объектных отношений; тем не менее, в первом случае реализуются объектные отношения с объектом, локализирующим контактно-направленное действие, а во втором – комитативные отношения с ситуативным оттенком (перекрёстная омонимия предлога **ПОД¹** в однопадежных зависимых синтаксемах в составе

указанных словосочетаний).

[81] *Пираты в страхе отодвинулись от своего капитана* (В. Губарев 1950).

Глагол *отодвинулись* имеет субъектную валентность (*пираты отодвинулись*), валентность косвенного объекта (*отодвинулись от капитана*) и факультативную обстоятельственную валентность (*отодвинулись в страхе*) (отношения образа действия). Для указания на лицо, по отношению к которому меняется местоположение, глагол *отодвинулись* управляет синтаксемой, состоящей из предлога **ОТ** и существительного *капитана* в родительном падеже; так образуется словосочетание [*отодвинулись (от кого?)*] *от капитана* (**V f + ОТ + N р. п.**).

[82] *А в понедельник рухнула от снарядов церковь Мелантхон* (В. Скворцов 2001).

Глагол *рухнула* имеет обязательную субъектную валентность (*церковь Мелантхон рухнула*) и две факультативные обстоятельственные валентности: *рухнула в понедельник* (временные отношения) и *рухнула от снарядов* (каузативные отношения). Для указания на причину совершения действия глагол управляет синтаксемой, состоящей из предлога **ОТ** и существительного *снарядов* в родительном падеже; так образуется глагольное словосочетание [*рухнула (почему? по какой причине?)*] *от снарядов* (**V f + ОТ + N р. п.**).

В обоих словосочетаниях для осуществления подчинительной связи используется предлог **ОТ**, при этом зависимое существительное употребляется в родительном падеже; в первом словосочетании (*отодвинулись от капитана*) предлог **ОТ** осуществляет связь между непереходным глаголом *отодвинулись* и зависимым одушевленным существительным, при этом в словосочетании выражаются объектные отношения. Во втором словосочетании (*рухнула от снарядов*) предлог **ОТ** осуществляет подчинительную связь между непереходным глаголом *рухнула* и зависимым неодушевленным существительным, при этом в словосочетании выражаются обстоятельственные каузативные отношения. Так реализуется перекрёстная омонимия предлога **ОТ** в однопадежных зависимых синтаксемах в составе указанных словосочетаний.

[83] *Мария Александровна смастерила из ваты шапку...* (З.И. Воскресенская 1963-1965).

Переходный глагол *смастерила* имеет три валентности: субъекта, прямого и косвенного объекта (*Мария Александровна смастерила, смастерила шапку и смастерила из ваты*). Для указания на материал, использованный для изготовления чего-либо (фабрикативные отношения), глагол *смастерила* управляет синтаксемой из предлога **ИЗ** и существительного в родительном падеже; таков механизм образования словосочетания [*смастерила* (из чего?)] *из ваты* ($V f + \text{ИЗ} + N p. n.$).

[84] *Денищик отворил из сеней дверь налево* (Е.И. Замятин 1913).

Переходный глагол *отворил* имеет субъектную валентность (*денищик отворил*), валентность прямого объекта (*отворил дверь*) и факультативную обстоятельственную валентность (*отворил из сеней*). Для указания на исходную точку совершения действия (пространственные директивные отношения) глагол управляет синтаксемой, состоящей из предлога **ИЗ** и существительного *сеней* в родительном падеже; так образуется словосочетание [*отворил* (откуда? из какого места?)] *из сеней* ($V f + \text{ИЗ} + N p. n.$).

В обоих словосочетаниях для осуществления подчинительной связи используется предлог **ИЗ**, при этом зависимое существительное употребляется в родительном падеже, а управляющим словом является переходный глагол; в первом словосочетании (*смастерила из ваты*) предлог **ИЗ** осуществляет подчинительную связь между глаголом и зависимым существительным, при этом в словосочетании выражаются объектные фабрикативные отношения. Во втором словосочетании (*отворил из сеней*) предлог **ИЗ** осуществляет подчинительную связь между глаголом и зависимым существительным, при этом в словосочетании выражаются обстоятельственные директивные отношения. Так реализуется перекрёстная омонимия предлога **ИЗ** в однопадежных зависимых синтаксемах в составе указанных словосочетаний.

Подытожим результаты анализа механизмов образования функционально-синтаксической омонимии в глагольных словосочетаниях.

1. Основным механизмом образования имплицитной неабсолютной омонимии (перекрёстного вида и частично совмещённого вида) в глагольных речевых словосочетаниях является сильное (обязательное), а также слабое (в сочетании с интенцией и интенциональностью говорящего [Алимурадов 2003; Юрченко 2008]) глагольное управление, которое дает возможность глагольному предикату реализовать различные пропозициональные функции: одноместные (субъектные), двухместные (субъектные и объектные), трехместные (субъектные, прямого объекта и косвенного объекта), а также многоместные, в том числе обстоятельственные (сирконстантные), в которых господствующими являются функции пространственные и временные (локатив и темпоратив).

2. Управляемые «глаголом действия» синтаксемы, в свою очередь, находятся в синтаксической связи подчинения на основе их пассивной сочетаемости с «хозяином» при обязательном участии «синсемантичности», которая заключается во взаимной готовности к соединению на базе наличия общих сем» [Золотова П. СС-2011: 12], и при учете речевой системности [Кожина 1970: 11; Котюрова 2013: 28] (см. Раздел 2.2.1). Так, по наблюдениям Г.А. Золотовой, «большинство сочетаний глаголов с именами строится не на основе управления <...>, а на основе синсемантичности» [Там же: 12], т.е. она отдает приоритет синсемантичности, а потому сочетаемость рассматривает не столько как синтаксическую или лексическую, а как семантико-грамматическую проблему [Там же: 12], обобщающую оба вида сочетаемости.

3. В целом глубинная предикатно-аргументная структура высказывания, обусловленная глагольным предикатом, имеет вид: актантная структура: **(предикат)** → субъект (первый актант) → прямой объект (второй актант) → косвенный объект (третий актант) и т.д. + сирконстанты (синтаксемы с обстоятельственным значением) [Теньер 1988; Шмелёва 1988; Гак 1998], которая составляет среду обитания неабсолютной омонимии двух видов: перекрёстной и частично совмещённой (обстоятельственно-объектной).

2.2.5. Омонимия в субстантивных словосочетаниях

Еще в середине XX века было отмечено, что субстантивные словосочетания с предлогами характеризуются заметным многообразием смысловых оттенков и высокой степенью употребительности, выражая «очень широкий круг отношений, что связано с богатством предлогов и разнообразием их значений» [П. АГ-60. II: 242]. На продуктивность субстантивных словосочетаний и значительное число выражаемых ими оттенков смысловых отношений обращают внимание и многие современные лингвисты [Какваева 2007; Narloch 2011; Золотова П. СС-2011 и др.].

По результатам анализа синтаксиса, проведенного в предыдущих разделах, было установлено, что синтаксемы в субстантивных словосочетаниях обладают принципиально важной особенностью: именно в таких словосочетаниях реализуется атрибутивная текстовая парадигма¹, которая, как правило, существует не изолированно от других базовых текстовых парадигм (обстоятельственной и объектной), а в условиях совмещения, или «наложения» парадигм друг на друга, что приводит, во-первых, к широкому синкретизму значений и, во-вторых, к выраженному проявлению особого вида омонимии, который мы называем совмещённой, или наложённой омонимией.

При этом возможно совмещение как всех трех базовых текстовых парадигм (в этом случае мы говорим о полностью совмещённой омонимии), так и совмещение лишь двух текстовых парадигм (частично совмещённая омонимия) (о совмещённой омонимии и ее разновидностях см. Разделы 2.2.1, 2.2.2 и Приложение 2).

Если частично совмещённая омонимия довольно широко представлена и в синтаксисах в составе глагольных словосочетаний (при наложении обстоятельственных и объектных значений/смыслов), то полностью совмещённая омонимия возникает только в субстантивных словосочетаниях (при наложении атрибутивной, обстоятельственной и объектной текстовых парадигм).

¹ Однако не было дано ответа на вопросы, почему это происходит и каков механизм образования омонимии.

Задачей настоящего раздела является изучение механизмов образования функционально-синтаксической омонимии предлогов с позиции того, какое влияние на зависимую синтаксему могут оказывать лексико-грамматические особенности существительного, выступающего в роли стержневого (опорного) слова в субстантивном предложном словосочетании. Иначе говоря, мы проводим анализ словосочетаний со стержневыми существительными, относящимися к разным лексико-грамматическим разрядам, с целью определить, существуют ли такие разряды существительных, принадлежность к которым приводит преимущественно к образованию частично совмещённой омонимии (в отличие от полностью совмещённой), а также с целью вскрыть причины и условия возникновения как самой атрибутивной текстовой парадигмы, так и наличия в ней полностью и частично совмещённой предложно-падежной омонимии.

Прежде чем перейти к анализу, обратимся к вопросу о характере подчинительной связи между стержневым существительным и зависимым компонентом словосочетания. Обзор научной литературы свидетельствует о том, что существительное обладает разветвленной системой подчинительных присубстантивных связей – согласования, управления и примыкания. Нас интересует тип синтаксической связи в субстантивных словосочетаниях с предлогами. Первый тип связи определяется как сильное именное управление: сюда относятся, в частности, отношения информативного восполнения, в которых имена существительные обладают «оценочно-характеризующим лексическим значением» [И. РГ-80. II: 60]: *профан в живописи, мастерица на выдумки* и др. Сильное управление также отмечено у имен существительных, имеющих процессуальное или абстрактное значение, при этом в словосочетании ярко выражены объектные отношения [Там же: 60]: *запрет на что-либо, уважение к кому-либо* и т.д. Отметим при этом, что именное предложное управление можно считать сильным лишь с определенной долей условности, что связано с высокой степенью синкретизма (на выражаемые объектные отношения в обязательном порядке накладываются отношения атрибутивные).

Второй тип связи в субстантивных предложных словосочетаниях – более свободное присоединение зависимого компонента к стержневому слову, именуемое слабым управлением и в ряде случаев граничащее с примыканием [П. АГ-60. II: 26-27] (некоторые источники определяют такой тип связи именно как примыкание [П. РГ-80. II: 66]): *рыбак с Дона, дом у дороги, туча над лесом* и др. Такая связь характерна в первую очередь для словосочетаний со стержневыми словами, выраженными конкретными существительными, при этом в словосочетаниях наряду с атрибутивными активно выражаются разные виды обстоятельственных отношений. В целом обзор литературы по проблеме позволяет прийти к выводу о том, что вопрос о характере подчинительной связи в субстантивных словосочетаниях еще до конца не решен и носит во многом дискуссионный характер.

Анализ материала из выборки мы начинаем со словосочетаний, в которых стержневое слово выражено конкретным существительным, поскольку именно такие словосочетания составляют свыше 75 % всех субстантивных предложных словосочетаний в выборке.

[85] *Я сел в старенькое плюшевое кресло у кафельной печки* (И. Меттер 1967).

В высказывании рассмотрим словосочетание *кресло у (кафельной) печки*, в котором стержневым словом является существительное **кресло**: конкретное, неодушевленное, нарицательное; употреблено в форме единственного числа, винительного падежа; зависимым компонентом является синтаксема, состоящая из предлога **У** и конкретного (неодушевленного, нарицательного) существительного *печки* в родительном падеже (**Н в. п. + У + Н р. п.**). От главного слова можно задать три вида смысловых вопросов к зависимой части словосочетания. Существительное в роли стержневого компонента позволяет задать вопрос, указывающий на признак предмета: [*кресло* (какое?)] *у печки*, что говорит о том, что в словосочетании реализуется атрибутивная парадигма. Для указания на место, в непосредственной близости от которого располагается предмет (*кресло*), задаем вопрос [*кресло* (где?)] *у печки* (обстоятельственная

парадигма). Для указания на объект, рядом с которым что-либо находится, можно задать вопрос [*кресло* (у чего? возле чего?) у *печки* (объектная парадигма)]. В результате совмещения всех трех текстовых парадигм приходим к выводу о наличии в словосочетании полностью совмещённой омонимии предлога *У*, механизмом создания которой является именное управление (в данном случае слабое, граничащее с примыканием) конкретного (неодушевленного, нарицательного) существительного.

Отметим также, что в образовании субстантивных словосочетаний, как и в образовании глагольных (см. Раздел 2.2.4), важнейшую роль играет синсемантизм, или способность стержневого слова и зависимого компонента к семантическому взаимодействию через наличие общих сем. Синсемантизм как ключевой фактор, с которым непосредственно связан весь механизм образования словосочетания, неизменно подразумевается нами при дальнейшем анализе всех словосочетаний.

[86] *Олег Иванович посмотрел на часы над дверью* (В. Пронин 2005).

В словосочетании *часы над дверью* (*N в. п. + НАД + N тв. п.*) стержневым словом является существительное **часы** (конкретное, неодушевленное, нарицательное, *pluralia tantum*), от которого к зависимой части словосочетания можно задать три вида смысловых вопросов: [*часы* (какие? где? над чем?)] *над дверью*, что говорит о наличии всех трех базовых текстовых парадигм: атрибутивной, обстоятельственной и объектной, в связи с чем приходим к выводу о наличии в словосочетании полностью совмещённой омонимии предлога *НАД*. Общий механизм образования омонимии тот же.

[87] *Из чащи вышла сияющая девушка в наряде из листьев и изумрудов* (Е. Радов 2003).

В речевом комбинированном словосочетании *девушка в наряде (из листьев и изумрудов)* (*N и. п. + В + N п. п.*) стержневым словом является существительное **девушка** (конкретное, одушевленное, нарицательное), от которого к зависимому компоненту задаем два вида смысловых вопросов: [*девушка* (какая? в чем?)] *в наряде*, что говорит о наличии в словосочетании двух текстовых парадигм

(атрибутивной и объектной), т.е. о частично совмещённой омонимии предлога **В**. Механизм образования омонимии тот же.

[88] *Илья Петров из Боровичей собрал около двух тысяч автомобилей престижных марок* («Новгородские ведомости» 2012).

В словосочетании *Илья Петров из Боровичей* (**N и. п. + ИЗ + N р. п.**) стержневым словом является существительное **Илья Петров** (конкретное, одушевленное, собственное), от которого к зависимой части задаем два вида смысловых вопросов: [*Илья Петров* (какой? откуда?)] *из Боровичей*, что указывает на наличие в словосочетании всех трех текстовых парадигм (частично совмещённая омонимия предлога **ИЗ**). Механизм омонимии тот же.

Перейдем к анализу словосочетаний со стержневым словом, выраженным неконкретным (собирательным, отвлеченным либо вещественным) именем существительным.

[89] *Потом мы говорили о любви к искусству* (Н.Н. Пунин 1950-1953).

В словосочетании *любви к искусству* (**N н. п. + К + N д. п.**) стержневым словом является существительное **любовь**, относящееся к разряду отвлеченных. От главного существительного к зависимой части словосочетания можно задать два вида смысловых вопросов: [*любви* (какой? к чему?)] *к искусству*, что указывает на наличие в словосочетании двух базовых парадигм (атрибутивной и объектной) (частично совмещённая омонимия предлога **К**). Механизм образования омонимии тот же для отвлеченного существительного (тип связи в данном случае можно определить как сильное именное управление).

[90] *Аппаратуру для их изучения изготовили сами студенты* (Ю. Юша 1974).

В словосочетании *аппаратуру для (их) изучения* (**N в. п. + ДЛЯ + N р. п.**) стержневым словом является существительное **аппаратура** (собирательное, *singularia tantum*), от которого к зависимой части словосочетания задаем два вида вопросов: [*аппаратуру* (какую? для какой цели?)] *для (их) изучения*, что говорит о двух текстовых парадигмах: атрибутивной и обстоятельственной (с целевым значением) (частично совмещённая омонимия предлога **ДЛЯ**). Механизм

омонимии тот же для собирательного существительного.

[91] *Выезд из Газетного презграждали конные жандармы...* (Б.Л. Пастернак 1936).

В словосочетании *выезд из Газетного* (*N в. п. + ИЗ + N р. п.*) от существительного **выезд** (отвлеченное, отглагольное) к зависимой части словосочетания задаем два вида вопросов: [*выезд* (какой? откуда?)] *из Газетного*, что говорит о двух текстовых парадигмах (частично совмещённая омонимия предлога **ИЗ**). Механизм тот же для отглагольного существительного.

[92] *В последние каникулы перед окончанием школы я устроился туда разнорабочим* (Г. Садулаев 2009).

В словосочетании *каникулы перед окончанием школы* (*N в. п. + ПЕРЕД + N тв. п. + N р. п.*) стержневым словом является существительное **каникулы** (отвлеченное, pluralia tantum), от которого к зависимой части словосочетания задаем три вида вопросов: [*каникулы* (какие? когда? перед чем? перед каким событием?)] *перед окончанием школы*, что говорит о реализации трех базовых парадигм (полностью совмещённая омонимия предлога **ПЕРЕД**). Механизм образования омонимии тот же для отвлеченного существительного pluralia tantum.

[93] *Пшеница на поле прилегла к земле...* (А.М. Волков 1939).

В словосочетании *пшеница на поле* (*N и. п. + НА + N п. п.*) стержневым словом является существительное **пшеница** (вещественное, singularia tantum), от которого к зависимой части словосочетания задаем вопросы, относящиеся ко всем трем базовым парадигмам: [*пшеница* (какая? где? на чем? на поверхности чего?)] *на поле* (полностью совмещённая омонимия предлога **НА**). Механизм тот же для вещественного существительного в роли стержневого слова.

Подытожим результаты анализа и интерпретируем их.

1. Основным механизмом образования омонимии в субстантивных словосочетаниях является именное субстантивное управление (сильное и слабое). Более того, через наличие общих сем у стержневого существительного и зависимой синтаксемы осуществляется их семантическое взаимодействие, точнее говоря – взаимоСОдействие (термин А. Стояновича) в словосочетании.

Следовательно, механизм именного субстантивного управления синтаксемой напрямую сопряжен (как и в глагольных словосочетаниях) с синсемантизмом (в его широком понимании) и речевой системностью (см. Раздел 2.2.1).

2. На уровне субкатегориальных значений стержневого существительного и зависимой от него синтаксемы реализуется функционально-синтаксическая омонимия двух видов: а) полностью совмещённая, характерная именно для субстантивных словосочетаний и б) частично совмещённая, реализующаяся также и в глагольных словосочетаниях, но другая: в глагольных – обстоятельственно-объектная, тогда как в субстантивных – атрибутивно-объектная (*отказ от пищи, письмо от друга, кольцо из серебра* и др.) и атрибутивно-обстоятельственная (*размолвка из ревности, дорога за город* и др.).

3. Как конкретные, так и неконкретные имена существительные способны выступать в роли стержневого слова в словосочетаниях, где реализуются все три базовые текстовые парадигмы, т.е. полностью совмещённая омонимия предлогов возможна как в словосочетаниях, где стержневое слово выражено конкретным существительным (*кресло у стола, колокольчик над дверью* и др.), так и неконкретным: собирательным, отвлеченным либо вещественным (*пшеница на поле, чернила в баночке, листва на деревьях, каникулы перед окончанием школы* и т.п.).

Частично совмещённая омонимия предлогов также возможна в словосочетаниях с конкретными и неконкретными стержневыми именами существительными (*платье из шелка, любовь к искусству, мебель из красного дерева* и др.). Иначе говоря, не установлено обязательной связи между лексико-грамматическим разрядом стержневого существительного и разновидностью предложно-падежной омонимии в словосочетании.

4. Тем не менее, проведенный анализ все же позволяет выявить определенные корреляции. Так, тенденция к образованию полностью совмещённой омонимии более выражена в словосочетаниях, где стержневым словом является конкретное существительное, в силу, во-первых, высокой

употребительности таких существительных и, во-вторых, их высокой присоединительной способности: как отмечалось ранее, в предложных словосочетаниях с такими существительными именное управление часто слабое, граничащее с примыканием, что дает возможность выражать самые разные отношения и их комбинации. В состав зависимой синтаксемы в словосочетаниях с полностью совмещённой омонимией чаще всего также входят конкретные имена существительные.

Таким образом, именно в субстантивных предложных словосочетаниях, где и стержневое, и зависимое существительное относятся к разряду конкретных, наиболее активно реализуется полностью совмещённая омонимия. Отметим также, что такая омонимия нередко возможна в словосочетаниях, где стержневое существительное является неконкретным, а зависимое – конкретным (*листва на деревьях, молоко в холодильнике, бензин в канистре* и т.п.). Иначе говоря, вид предложно-падежной омонимии также связан с лексико-грамматическим разрядом существительного в зависимой синтаксеме.

5. Однако все перечисленные лексико-грамматические характеристики стержневого и зависимого существительного в словосочетании не являются диагностирующим признаком возникновения омонимии как таковой, а свидетельствуют только о ее наличии.

Диагностирующим признаком возникновения атрибутивной парадигмы в целом и омонимии совмещённого вида является категориальное значение стержневого существительного: **предметность (предмет, субстанция, грамматический предмет)** [Ахманова И. СЛТ 1969: 465; Живов И. ЛЭС 1998: 578; Матвеева И. ПСЛТ 2010: 472 и др.]. К этому грамматическому предмету в присловной связи (через именное субстантивное управление) присоединяются зависимые синтаксемы, содержащие в своей семантике функционально-синтаксические омонимические смыслы, в формировании которых задействована иерархическая семантика первичного предлога на 2-5 (или 3-5) глубинных уровнях (см. Разделы 1.2.1 и 2.2.1 – 2.2.3).

6. Широта этого категориального значения обусловила то, что имена

существительные служат «опорой большей части синтаксических конструкций» [Виноградов 2001: 152; Шарандин 2009; Фурс 2012 и др.], поэтому в словосочетаниях «именно именные, а не глагольные синтаксемы оказались главным ключом к синтаксическому механизму русского языка» [Золотова П. СС-2011: 11-12] как языка синтетического типа.

2.2.6. Омонимия в прототипических высказываниях

I. В предыдущих разделах мы рассмотрели омонимию предлога в двух некоммуникативных структурах языка: синтаксеме и словосочетании. В данном разделе мы обращаемся к основной для нашего исследования структуре – коммуникативной единице, поскольку в семантическом синтаксисе исходят из того, что: 1) **«пропозиция окончательно "прочитывается" в предложении»** (выделено нами – *А.Ш.*) [Шмелёва 1988: 12]; 2) смысл предложения имеет диктумно-модусное устройство [Балли 1955: 44; Шмелёва 1988: 6-7; Белошапкина 1997: 768-770 и др.]; 3) пропозиция понимается как «языковое воплощение некоего положения дел в действительности, ситуации» [Шмелёва 1988: 9], поэтому 4) исходим из пропозиционального смысла диктума и одновременно из пропозиции как «главного инструмента изучения диктума» [Шмелёва 1988: 11]: из схемной семантики [Белошапкина 1997: 781] и семантики «расширителей» структурной схемы: «левых» и «правых» определителей предиката [Белошапкина 1997: 191-196], т.е. актантов и сирконстантов, образующих структуру пропозиции [Шмелёва 1988: 12-13].

Для выбора прототипических высказываний мы учитываем параметры, характерные для индоевропейского предложения: «Основные параметры типа предложения – это, во-первых, его структурная схема (морфологическая форма его предиката и актантов, прежде всего, субъекта и объекта, а также форма связи между ними) и, во-вторых, его лексические вхождения (классы лексем, занимающие места в его предикате и актантах» [Степанов 1989: 10].

В соответствии с данными параметрами для анализа избраны двусоставные простые повествовательные предложения со структурной схемой N_1V_f (глагольно-

именные),¹ без осложнений структуры простого предложения, без учета регулярных модификаций структурных схем (фазовых, модальных и др.), т.е. предложения/высказывания с реализацией простой пропозиции [Шахматов 1941; Кацнельсон 1972; Хомский 1972; П. РГ-80; Беловольская 2001; Юрченко 2008: 51-73; Манаенко 2010: 53-68; Золотова П. СС-2011; Болдырев 2014 и др.], так как предложения, имеющие эту ядерную структурную схему, в отличие от других более частных структурных схем, «могут передавать самые разные "положения дел" и вступать в синонимические отношения с предложениями, построенными по другим структурным схемам» [Белошапкина 1997: 783]. Иначе говоря, такой тип предложения/высказывания является «лучшим образцом» предложений как лингвистической категории [Болдырев 2014].

Поскольку границы (объем) и семантическая глубина (уровень погружения в действительность), а значит, и динамический характер смыслового содержания пропозиции детерминируются в первую очередь глаголом как «поверхностной формой предиката» (Ю.С. Степанов), то наше исследование базируется на сложной **«процессуально-событийно-временной сущности»** (выделено нами – *А.Ш.*) [Казарин 1997: 73] семантики глагола, выявленной проблемной группой «Русский глагол» Уральского государственного университета², а также на трудах других исследователей глагольной семантики [Виноградов 2001 (1947); Бабенко 1997, 1998, 2010; Кубрякова 1997, 2004; Шведова 2005; Клепикова 2009; Шарандин 2009; Фурс 2012; Болдырев 2014 и др.] и на синтагматике и парадигматике глагола.

¹ В соответствии с темой диссертации в нашем материале нет высказываний, состоящих только из данной минимальной структурной схемы, но есть высказывания именно с таким предикативным ядром, в котором субъект выражен именем существительным или местоимением-существительным в именительном падеже (форма номинации – N_1), а предикат выражен финитным глаголом (V_f), т.е. формой глагола, «имеющей словоизменительные окончания (в отличие от инфинитива)» [Крысин П. ТСИС 2007: 829]; иначе говоря, глагольный предикат в этих высказываниях выполняет функцию простого глагольного сказуемого.

Избранные для анализа высказывания имеют расширенные структурные схемы, состоящие из: 1) «минимальной структурной схемы + не входящих в нее конститутивных, т.е. существенных для семантической структуры предложения компонентов» [Белошапкина 1997: 720], достаточных для «семантической автономности, пригодности к выполнению номинативной функции» [Общее языкознание 1972: 306], т.е. к выражению определенного вида «положения дел», события, ситуации; 2) минимальной структурной схемы + неконститутивных (факультативных) компонентов высказывания.

² В нашем исследовании использованы не только научные труды данной проблемной группы, но и инновационные словари, подготовленные этим коллективом (см. Список словарно-справочной литературы).

Во вторую очередь исследование базируется на семантике и системности «партнера глагольного предиката» – семантике имени существительного, которая обеспечивает человеку «возможность мыслить предметно» и которая «предназначена для сбережения духовного материала при помощи языка» [Виноградов 2001 (1947): 50], поскольку охватывает не только названия предметов (*стол, птица, человек, народ, железо, Иван*), но и имена количества (*сотня, десяток, дюжина*), имена действия (*беседа, бег, пение*), имена состояния (*пожар, сон*), имена признака, свойства (*смелость, белизна, доброта*) и т.д. [Шведова, Лопатин II. КРГ-2002: 164]. Хотя грамматический и семантический объем имени существительного в целом «уже, теснее, чем у глагола»¹ [Виноградов 2001 (1947): 53], однако вполне достаточен для акта создания пропозиции при предикации [Степанов II. ЛЭС 1998: 393; Золотова II. СС-2011: 13 и др.], поскольку «глаголы и существительные в большей степени обнаруживают грамматическую специализацию в отображении мира действительности» [Бабенко 2010: 71].

Из сказанного ясно, что основным принципом исследования в данном разделе является единство лексической и грамматической (в том числе – синтаксической) семантики и теории современного интегративного синтаксиса (классического, семантического, функционального и коммуникативного).

Отметим, что на сегодняшний день еще не решена проблема «выбора рационального способа представления семантической структуры предложения» [Бабенко II. РГП-2002: 13]. Исходя из цели и задач исследования, считаем наиболее рациональным следующий путь: от единства лексической и грамматической семантики предиката и субъекта как «идеальной формы общественного сознания» [Абдуразаков 1985: 3-9] к семантике минимальной структурной схемы; от нее к семантике расширенной структурной схемы (т.е. к структуре событийной пропозиции); от нее к собственно семантической

¹ «Глагол – самая сложная и самая ёмкая грамматическая категория русского языка. Глагол наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи. Глагольные конструкции имеют решающее влияние на именные словосочетания и предложения» [Виноградов 2001: 349]. «Система глагола более синкретична и более синтаксична, чем система всех других знаменательных частей речи» [Там же: 528].

структуре высказывания (диктумно-модусной, но с объективной модальностью, заданной предикатом) [Золотова 1973, 1982; Шведова 1973; Богданов 1977; Кубик 1977; П. РГ-80; Белошапкова 1997; П. КРГ-2002 и др.]. Этот путь (грамматический, точнее – семантико-функциональный) отличается достаточной надежностью [Москальская 1977: 48; Бабенко П. РГП-2002: 15] и идет в сопоставлении формы и семантики/функции, а потому может выявить положение, когда «одна формальная структура может быть носителем нескольких семантических структур, и одна семантическая структура может выражаться несколькими формальными средствами» [Арват 1976: 4], что в нашем случае может сигнализировать об омонимии/полисемии.

Таким образом, в данном разделе решаются две взаимосвязанные задачи: во-первых, охарактеризовать выявленные в отмеченном языковом материале (высказываниях из НКРЯ) типы субъектов и предикатов (формальные и семантические, характерные для изучаемой минимальной структурной схемы) и установить механизмы синтаксической (предложенческой) связи в предикативных центрах высказываний; во-вторых, выявить когнитивно-семантические структуры событийных пропозиций действия, предопределяющие возникновение предложно-падежной омонимии. На базе решения этих задач выявить условия и факторы бытования категории функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов.

Для решения первой задачи из прототипических высказываний, зафиксированных в НКРЯ, были извлечены предикативные центры (см. Приложение 6). Многообразие предикативных центров дает возможность на первом этапе выделить типы субъектов и предикатов, характерных для изучаемой структурной схемы N_1V_f как модели ряда высказываний.

II. Понятия субъект и предикат¹ являются универсальными семантическими

¹ Предикат – термин, относящийся к логике и языкознанию, обозначающий «конститутивный член суждения – то, что высказывается (утверждается или отрицается) о субъекте» [Арутюнова И. ЛЭС 1998: 392]. Различают грамматический предикат (сказуемое) и семантический предикат – указание на признак предмета, его состояние, а также отношение к другим предметам [Матвеева И. ПСЛТ 2010: 333].

категориями, так как относятся к человеческому языку в целом и связаны с «языковым выражением разнообразных категорий мыслительной деятельности человека» [Шубина 2017: 81].

Начнем с анализа типов субъектов в предикативных центрах.

Выявлено три типа грамматических (формальных) субъектов: 1) предметные; 2) предметно-личные и 3) личные [Абдуразаков 1985; Юрченко 2008: 288 и др.].

Предметные субъекты выражены любыми именами существительными в именительном падеже, кроме предметно-личных: *гондола (подплывает)*; *пуля (вылетает)*; *звонок (зазвенел)*; *дождик (хлынул)*; *поезд (прибывает)*; *окурок (выпадает)*; *волна (опрокинула)*; *вертолет (доставил)* и т.д.

Среди предметных субъектов частотна подгруппа одушевленных предметов (выраженных неличными существительными): *кот (прошмыгнул)*; *куры (раскапывают)*; *зверь (рычит)*; *жуки (жужжали)*; *ворон (каркает)*; *воробей (выпорхнул)*; *собака (проглатывает)*; *птица (долетит)*; *утята (пищат)* и т.д.

Предметно-личные субъекты, выраженные одушевленными личными именами существительными, являются в выборке количественно преобладающей группой (около 70 % от общего числа субъектов): *ребенок (ползает)*; *мужчина (приехал)*; *женщина (говорит)*; *человек (запоминает)*; *девочка (рисовала)*; *спасатели (работали)*; *папа (привезет)*; *царь (замышляет)*; *геолог (тонет)*; *Таня (поливает)*; *Юхнов (служит)*; *Иван Кириллов (плывет)* и т.п.

Оказалось, что количественное преобладание предметно-личных субъектов в выборке не является случайным. М.А. Абдуразаков такое соотношение типов субъектов объясняет тем, что «одушевленность служит в качестве базового диспозиционного признака, который может быть представлен как "быть способным совершать что-нибудь" и "обладать свойством"», т.е. обусловлен интенцией говорящего, в качестве объективного источника при этом выступает

Субъект – термин логики и языкознания, обозначающий предмет, о котором выносится суждение. В языкознании принято различать грамматический субъект (т.е. подлежащее), относящийся к синтаксической структуре предложения, и семантический субъект, относящийся к содержанию предложения/высказывания [Арутюнова И. ЛЭС 1998: 497-498].

сам человек [Абдуразаков 1985: 12-13; Бейкер 2008].

Личные субъекты, выраженные личными местоимениями-существительными, по количеству самих личных местоимений являются ограниченной группой, однако эта группа также очень частотна: *я (взглянул); мы (выбрали); ты (расскажешь); вы (придете); она (читает); он (вздыхает); они (уходили)* и т.д.

Кроме того, для выражения некоторых семантических функций (ролей) используются неоднословные субъекты двух типов: 1) выраженные синтаксически неделимым словосочетанием со значением совместности: *мама с бабушкой (пошли); папа с мамой (сооружали)* и др.; 2) сочинительные сочетания: *мужчина и женщина (идут); режиссеры и продюсеры (рассказывают); Колька и мама (обедают)* и т.п.

Перейдем к анализу семантических типов субъектов. Предварительно отметим, что для целей нашего исследования более рациональной является типология семантических субъектов, описанная Т.В. Шмелёвой в «*Семантическом синтаксисе*» [Шмелёва 1988: 43-48] и широко поддерживаемая рядом других исследователей [Золотова 1972, 1983, 1998; Богданов 1977; Бабина, Белошапкова 1984; Polenz 1988; Булыгина, Шмелёв 1997; Шубина 2017 и др.].

Так, Г.А. Золотова [Золотова 1982: 135-138] и Т.В. Шмелёва [Шмелёва 1988: 12-20] в классификациях любого элемента пропозиции предлагают исходить из типа событийной пропозиции¹. Поскольку в нашей работе изучается событийная **пропозиция действия**, то категориальными, «вершинными» в предикативном центре данной пропозиции являются **субъект действия** и **предикат действия**.

Такой «вершинный» семантический субъект имеет обобщенное значение **«носитель предикативного акционального признака»** (выделено нами – *А.Ш.*)

¹ Основное противопоставление в типологии пропозиции состоит в различении событийных (С-пропозиция) и логических пропозиций (Л-пропозиция). С-пропозиция «портретирует» действительность, раскрывает события с их участниками, а Л-пропозиция сообщает об установленных признаках, свойствах, отношениях [Шмелёва 1988: 12]. Так, в нашем материале С-пропозиция действия нередко сопровождается Л-пропозицией характеристики, которая сводится к «приписыванию предмету или факту некоторого признака» (выделено нами – *А.Ш.*) [Там же: 21].

[Золотова И. СС-2011: 23] и обладает следующими основными характеристиками: 1) это иерархически первый (либо единственный) участник события; 2) субъект активно участвует в осуществлении события, хотя степень активности и сознательности может различаться [Шмелёва 1988: 48].

Названные признаки, а также другие, более конкретные, частные признаки проявляются в высказываниях с рассматриваемым типом пропозиции градуально (иными словами, имеют шкалу градуальности). В соответствии с этим в высказываниях с предикативными центрами N_1V_f выделены следующие типы семантических субъектов.

Первый тип – **субъект-агенса**¹.

[94] *Так **Педро отомстил** за гибель своей возлюбленной* (А. Матвеева 2002).

В высказывании отображается ситуация поступка (точнее – «проступка») субъекта (**Педро**), который нарушает общепринятые нормы морали.

Педро – лицо, активно осуществляющее ситуацию мщения в одиночку. При этом: 1) активность очень высокая, т.к. субъект-агенса использует собственную энергию для осуществления действия; 2) волевитивность тоже очень высокая (наличие у субъекта намерения и мотива отомстить за гибель возлюбленной); 3) контролируемость процесса реализации действия также очень высокая, т.к. получен необходимый результат в прошлом, действие реальное, завершённое: месть осуществлена, цель достигнута.

Предикат социальной деятельности (*отомстил*) выражает акциональный признак, в основе которого лежит **акт волеизъявления агенса**, каузирующего это событие [Polenz 1988: 137; Шубина 2017].

[95] ***Я бросилась** к окну* (В.Н. Фигнер 1922).

[96] *В антракте **я пошла** в фойе* (Л. А. Авилова 1910-1940).

В высказываниях отображается ситуация однонаправленного поступательного движения, ориентированного относительно конечного пункта. Субъект и предикат такого движения.

Выраженность субъекта-агенса личным местоимением 1-го лица даёт

¹ Признаки агенса см.: [Кибрик И. ЛЭС 1998: 17; Болдырев 2014: 200-201].

возможность создания обобщенного смысла/функции «указания на то, что действие осуществлено самим говорящим (точнее – самой говорящей)», при этом речь может идти о любом (обобщенном) говорящем человеке, что обеспечивает «гомогенность "частных" субъектов» [Абдуразаков 1985: 21].

[97] *Ты бежишь по дороге...* (Э. Шим 1976).

[98] *Ты бежишь по коридору со всеми вприпрыжку...* (А. Битов 1964).

В высказываниях отображается ситуация поступательного однонаправленного движения, ориентированного относительно конечного пункта. Субъект и предикат такого движения. При этом агенс в форме 2-го лица имеет значение «указания на то, что действие совершает слушающий – второй участник коммуникации».

[99] *Коричневой краской Кира нарисовала огромный дуб на краю деревни* (Л.Г. Матвеева 1987).

[100] *Девочка рисует мелком на асфальте собачку* (А. Сурикова 2001).

В высказываниях отображается ситуация изображения объекта и одновременно создания объекта в результате данной деятельности (совмещённая пропозиция). Субъект и предикат такого совмещенного действия.

При этом субъект-агенс – лицо, активно осуществляющее в одиночку ситуацию действия (рисования); все признаки активности, волитивности и контролируемости агенсом совершаемого действия налицо, т.к. агенс обладает признаком «**быть способным совершать такое физическое действие**». Однако в результате наличия «объектного контакта» (термин Т.Б. Алисовой) возникает еще один новый признак у агенса «**быть способным созидать что-нибудь**», поскольку объект *дуб* создан в результате реального законченного результативного действия субъекта, а объект *собачка* находится в процессе создания, созидания.

Отдельно отметим наличие субъекта, который обладает только одним признаком, характерным для агенсов, а именно – признаком активности осуществления действия, однако наличие у него признаков волитивности и контролируемости является сомнительным. К таким «ущербным»

субъектам-агентам относятся субъекты, выраженные одушевленными неличными существительными¹.

[101] *Вдруг дикие голуби вылетели из окон* (Ю. Петкевич 2001).

[102] *Змеи с шипением выползли из сундучка...* (А.П. Платонов 1942-1947).

[103] *Пчела вылетает из улья...* (Евгений Попов 1970-2000).

Во всех высказываниях отображается ситуация поступательного однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного пункта. Субъекты и предикаты такого физического движения.

Второй тип субъекта – **коагенса**.

[104] *Отец с матерью четвертого июня вылетели в Мексику* (А. Терехов 1997-2008).

В высказывании отображается ситуация поступательного однонаправленного совместного движения субъектов, ориентированного относительно конечного пункта. Субъект и предикат такого движения.

[105] *Молодые режиссеры и продюсеры рассказывают о своих будущих фильмах комиссии* (Н. Зайцева 2014).

В высказывании обозначена ситуация речевого сообщения, производимого несколькими субъектами. Субъект и предикат речевого сообщения.

В данных высказываниях субъекты-агенты выступают как лица, которые осуществляют совместные одновременные действия (значение кооперации), причем в высказывании [104] степень равноправия агентов различна, т.к. *отец* является основным агентом, а *мать* – сопутствующим, тогда как в высказывании [105] *режиссеры и продюсеры* являются равноправными действующими лицами, что выражено сочинительной конструкцией.

Третий тип субъекта – **контрагенса**.

[106] *...Мы с Ниной ссорились вчера по телефону* (В. Токарева 1964).

В высказывании отображается ситуация речевого общения и внешнего проявления неприязненного, враждебного отношения (ссоры) – совмещённая

¹ Границы психического до конца не определены, но поскольку психика – это свойство живой природы, то существует биопсихизм и панпсихизм [Комарова 2013: 124], а потому признак волитивности в какой-то мере возможен.

пропозиция. Субъект и предикат такого общения. Контрагенс имеет значение «указания на неединственное лицо, находящееся с другим лицом в непараллельных отношениях» [Шмелёва 1988: 46]: агенс и контрагенс совершают **разнонаправленные действия** (в нашем примере – направленные друг против друга).

Четвертый тип субъекта – **функтив**.

[107] *Будильник звенит в семь* (М. Румер-Зараев 2000).

[108] ...*Часы монотонно тикали в столовой* (А.Е. Зарин 1902).

[109] ...*Колокольчик зазвенел под дугой* (М.В. Авдеев 1851).

В высказываниях отображается ситуация, в которой неодушевленный предмет производит определенные звуки, при этом о какой-либо осознанности и активности его участия речи не идет. Субъект и предикат звучания.

Иными словами, в высказываниях с субъектом-функтивом заключена ситуация действия, в которой заключено **функционирование** предмета [Золотова 1982: 137], т.е. реализуется дестинативное значение предмета, его предназначенность (функция).

Пятый тип субъекта – **сила**.

[110] *Волны унесли их тела в море...* (Р. Штильмарк 1950-1951).

[111] *Прибой выбросил на песок синюю рыбу с серебряным брюшком* (А.Р. Беляев 1928).

В высказываниях отображается ситуация однонаправленного перемещения объекта, ориентированного относительно конечного пункта. Субъект и предикат такого перемещения объекта.

[112] *Землетрясение разрушило город Абанкай в Перу* («Новое время» 1913).

В высказывании отображается ситуация отрицательного воздействия субъекта на объект – его разрушения. Субъект и предикат разрушения объекта.

Во всех высказываниях неодушевленный предмет осуществляет ситуацию перемещения, разрушения, уничтожения и т.п. объекта; при этом исключена целенаправленность, волитивность и контролируемость действия, что

определяется как **стихийность** [Шмелёва 1988: 47].

Шестой тип субъекта – **субъект-пациенс**¹ (**неагентивный субъект**).

[113] *Машина подъехала к зданию аэропорта* (А. Белозеров 2001).

[114] *Многовесельная лодка давным-давно причалила к обскому берегу* (В. Липатов 1984).

[115] *Поезд на Мытищи прибывает на третью платформу* (Коллекция анекдотов 1970-2000).

В высказываниях отображается ситуация поступательного однонаправленного движения, ориентированного относительного конечного пункта. Субъект и предикат такого движения, при этом предикаты в соответствии с семантикой субъекта выражают горизонтальное движение по твердой или водной поверхности.

Особенность субъекта-пациенса состоит в том, что неодушевленный предмет (в приведенных высказываниях обозначающий различные транспортные средства) совершает **действие** (поскольку «имеет место некоторое внешнее проявление» [Шмелёва 1988: 17]), однако не самостоятельно, а с помощью какого-то другого (неназванного) субъекта (человека), наличие которого предполагается.

Седьмой тип субъекта – **инструментив-каузатор** (**неагентивный субъект**) [Золотова П. СС-2011: 24].

[116] *Милорадовича ранила пуля из офицерского пистолета...* (О. Эдельман 2003).

[117] *Пуля попала в висок* (М.Е. Окунь 2014).

В высказываниях отображается ситуация повреждения тела человека из огнестрельного оружия. Субъект и предикат повреждения тела человека.

[118] *Конусообразный молоток из прочной стали легко разбивает стекло* («Автопилот» 2002).

В высказывании отображается ситуация физического воздействия на объект

¹ О возможности субъекта выполнять функцию пациенса – предмета или лица, подвергающегося воздействию другого субъекта, см. [Шубик 1982; Кибрик П. ЛЭС 1998: 369; Стародумова 2005: 36 и др.].

путем нанесения удара и разделения объекта на части – совмещённая пропозиция. Субъект и предикат нанесения удара и разделения объекта на части.

Во всех высказываниях субъектом является неодушевленный предмет (*пуля, молоток, камень и т.д.*), выступающий в качестве воздействующего фактора, который в условиях каузативной ситуации становится **причиной** повреждения одушевленного либо неодушевленного объекта.

Подводя итог анализа типов субъектов, отметим, что все грамматические и семантические субъекты в проанализированных высказываниях выполняют три основные функции: 1) идентифицируют предметы действительности, о которых говорится в высказываниях; 2) при обращенности к предикатам действия выполняют функцию аспектизации предмета речи (т.е. указывают на его родовые либо индивидуальные признаки, предопределяющие «семантические типы предикатов, которые могут быть ему сопоставлены» [Арутюнова И. ЛЭС 1998: 498] и 3) выполняют анафорическую функцию, или функцию ретроспекции: явно или имплицитно ассоциируются с уже накопленными знаниями (языковыми и неязыковыми) о предметах речи (пресуппозициями данных сообщений).

Таким образом, мы рассмотрели типы субъектов и их роль в организации высказывания, а также рассмотрели типы предикатов, которым эти субъекты «отдают предпочтения». Однако остается невыясненным вопрос о том, все ли типы предикатов нами выявлены в событийной пропозиции действия.

Чтобы ответить на этот вопрос, проведем анализ, идя от типов предикатов во всем функционально-семантическом поле **действия и деятельности**¹.

Исходной идеей этого анализа является понимание того, что «в содержательном плане глагольный предикат – это нечто большее, чем просто лексическое значение. Выражая определенное значение, он в то же время **содержит макет будущего предложения**» (выделено нами – *А.ИИ.*) [Кацнельсон

¹ Для этого использованы данные экспериментального исследования, выполненного проблемной группой «Русский глагол»; результаты исследования манифестированы в синтаксическом словаре «*Русские глагольные предложения*» [И. РГП-2002], в котором представлена иерархическая система глагольных предикатов, сведенная к десяти базовым типам.

1972: 88; Золотова 1973; Кузнецова 1974, 1982; Шмелёва 1988; Степанов 1989; Бабенко II. РГП-2002; Шарандин 2009 и др.].

Оказалось, что из десяти возможных базовых типов предикатов нами описаны шесть, это предикаты: 1) движения субъекта; 2) перемещения объекта; 3) физического воздействия на объект; 4) речевой деятельности; 5) социальной деятельности; 6) звучания. Не описаны 4 типа: 1) помещения объекта; 2) созидательной деятельности; 3) интеллектуальной деятельности и 4) физиологической деятельности. Дополним анализ их описанием.

1. Предикаты помещения объекта.

[119] *Цира внесла в комнату свою сумочку* (Е. Хаецкая 1997).

[120] *Морденко насыпал в чайник каких-то трав...* (В.В. Крестовский 1864).

[121] *Рослый одиннадцатиклассник взгромоздил на плечо девочку-первоклассницу* (А. Иванов 2002).

В высказываниях отображается ситуация помещения объекта (*сумочку, каких-то трав, девочку-первоклассницу*) (чаще внутрь чего-то) в результате его перемещения – совмещённая пропозиция. Субъект и предикат помещения объекта (чаще) внутрь чего-то за счет его перемещения.

2. Предикаты созидательной деятельности.

[122] *Мы построили в дюнах шалаш из ивовых веток...* (С. Соколов 1976).

[123] *Солдаты соорудили на площади специальный деревянный помост* (А. Микоян 1971-1974).

В высказываниях отображается ситуация созидательной деятельности: создания объекта в результате трудовой (физической) деятельности. Субъект и предикат создания объекта в результате такой деятельности.

3. Предикаты интеллектуальной деятельности.

[124] *Испанские ученые разработали первую вакцину от болезни Альцгеймера* («Русский репортер» 2013).

[125] *Марк Брунель изобрел специальное устройство для проходки туннелей в мягких грунтах* (И.Ф. Цветков 2001).

[126] *Фрисен и его группа сейчас работают над определением возраста*

сердца (Ю. Фролов 2007).

В высказываниях также отображается ситуация создания нового объекта, но в результате интеллектуальной деятельности. Субъект и предикат интеллектуальной деятельности по созданию нового объекта.

[127] *Попутно он размышлял о другом приборчике из того же фильма* (М. Баконина 2000).

[128] *Сейчас он думает о записи очередного диска* (Е. Роткевич 2002).

[129] *Он днем и ночью думает о Харькове...* (В. Томилин 2008).

В высказываниях также отображается ситуация интеллектуальной деятельности, а именно – процесс мышления человека. Субъект и предикат мыслительной деятельности.

4. Предикаты физиологической деятельности.

[130] *Валентина Викторовна вздрогнула от его голоса...* (Р. Сенчин 2009).

[131] *Я разом вспотел от нехорошего предчувствия* (М. Елизаров 2007).

[132] *Она щурится от яркого солнца...* (М. Гиршин 2003).

В высказываниях отображается ситуация физиологического действия человека как реакции на воздействие окружающей среды, вызывающей дискомфортные ощущения в организме человека. Субъект и предикат физиологического дискомфортного действия.

5. Отдельно следует отметить значительную группу глагольных предикатов, обозначающих взаимодействие.

[133] *Дон Педро и дон Альвар совещаются о дальнейшем направлении пути эскадры* (Д. Марголин 1908).

[134] *Даже молчаливые рыбаки-лодочники радостно перекликались о новости...* (В. Быков 1985-1995).

В высказываниях отображается ситуация речевого общения, в которой двое или несколько человек разговаривают друг с другом, обмениваются мыслями о чем-либо. Субъект и предикат речевого общения, при этом субъекты говорящие и слушающие (адресант и адресат) меняются в процессе общения.

[135] *Я ведь переписываюсь с индийскими преподавательницами гимнастики*

(И.А. Ефремов 1959-1963).

[136] *Колонисты давно уже переписывались с Горьким* (А.С. Макаренко 1934).

[137] *Ремесленники переписываются с заказчиками* (В.Л. Янин 1975).

В высказываниях отображается ситуация графической передачи информации. Совмещённая пропозиция: субъект и предикат графической передачи информации и речевого общения посредством переписки. В процессе переписки субъект-адресант и объект-адресат меняют позиции, из-за чего и возникает ситуация их взаимодействия.

Итак, проанализированный материал свидетельствует:

– во-первых, о широкой представленности в высказываниях С-пропозиции действия в трех сферах: **физической, интеллектуальной и социальной** (и слабее – в **психической**);

– во-вторых, о наличии целой серии семантических типов предикатов, выражающих различные значения действия: 1) «чистое» действие; 2) воздействие: а) креативное, созидательное действие и б) деструктивное, предполагающее разрушение и даже уничтожение объекта; 3) противодействие; 4) содействие; 5) взаимодействие; 6) комплексное действие;

– в-третьих, о слабом проявлении изоморфизма монопредикативности и монопропозитивности; напротив, в проанализированном материале наблюдается значительный алломорфизм предикативности и полипропозитивности, обусловленный асимметрией между смысловой и формальной организацией предложения/высказывания: простое по грамматическому оформлению предложение (монопредикативное) обретает сложное объективное содержание, в нем выражаются две или более пропозиции – полипропозитивность.

Далее перейдем к анализу механизмов связи субъектов и предикатов в предикативных центрах.

III. Связи между субъектом и предикатом многообразны и противоречивы, что и лежит в основе непрекращающихся споров относительно их иерархии, а также конкретных механизмов этих связей [Шубик 1982: 125-134; Арутюнова II. ЛЭС 1998: 584-585].

В формальных грамматиках многих индоевропейских языков (в том числе и русского) утверждается, что механизмом синтаксической связи грамматического субъекта и грамматического предиката является согласование с некоторой спецификой. Такое представление в целом сохранилось и в текущем веке [Белошапкова 1997: 633-639; Михайлова II. РЯЭ-2003: 202 и др.].

Нам представляется более убедительной позиция ряда современных исследователей, рассматривающих эту синтаксическую связь как координацию (от лат. *со* – совместно и *ordinatio* – упорядочение) [Шведова 1971: 312-319; Лопатина II. ЛЭС 1998: 479-480; Ширяев II. РЯЭ-2003: 475 и др.].

Под координацией мы понимаем такую синтаксическую связь подлежащего и сказуемого в двусоставном (глагольно-именном) предложении, при которой они уподобляются друг другу по совпадающим грамматическим категориям: **рода, числа и лица** [Матвеева II. ПСЛТ 2010: 163].

Внешне координация подлежащего и сказуемого действительно сходна с подчинительной связью согласования, но внутренний характер этой связи (т.е. ее грамматические признаки) – иной. Черты различия следующие:

1) при согласовании происходит подчинение формы зависимого слова форме господствующего слова, а при координации – взаимное соотнесение форм, из которых «ни одна не является ни главенствующей, ни зависимой» [II. РГ-80. II: 94];

2) при согласовании связь осуществляется по всем формам согласующихся слов, а при координации соотносятся только две определенные формы;

3) на основе согласования образуется словосочетание, которое изменяется, подчиняясь изменению формы главенствующего слова, но координируемые друг с другом подлежащее и сказуемое входят в парадигму предложения и изменяются по правилам его формоизменения;

4) при согласовании в словосочетании возникают, как мы уже видели, определительные отношения, а координация оформляет такую связь, при которой признак оказывается соотнесенным во временной план, т.е. является предикативным [II. РГ-80. II: 94-95].

В нашей структурной схеме имеют место следующие типы координации грамматического субъекта и грамматического предиката:

1) в формах числа и рода – во всех высказываниях, в которых глагольный предикат имеет форму на *-л* при подлежащем – существительном в ед. числе или местоименном существительном 3-го лица ед. числа: *Он пел. Она пела;*

2) в формах числа и лица – глагол в форме настоящего времени при подлежащем – личном местоимении: *Я читаю. Ты читаешь. Он читает. Они читают;*

3) в формах числа – сказуемое – глагол настоящего времени и предметное или предметно-личное подлежащее: *Ребенок поет. Дети играют. Лодки плывут;*

4) в формах числа – глагольный предикат в форме прошедшего времени при предметном, предметно-личном или личном подлежащем: *Дети играли. Я (ты) играл. Я (ты) играла. Лодки плыли.*

Тем мне менее, учитывая тот факт, что категории рода, числа и лица у существительных классифицирующие (т.е. внутренние, собственные), а у глагола – словоизменительные, подлежащее и сказуемое в определенной степени все-таки являются **неравноправными**, на что указывает С.А. Шубик: подлежащее задает сказуемому согласовательные категории [Шубик 1982: 129]. Иначе говоря, с точки зрения **формы** подлежащее доминирует над сказуемым [Арутюнова И. ЛЭС 1998: 455].

Вместе с тем, мы учитываем в высказывании роль предиката, который задает динамический, процессуальный признак субъекту и создает два типа предикативных отношений. Во-первых, на базе координационной связи между субъектом и предикатом в структурной схеме высказывания представляется концептуальное содержание субъектно-предикатных (пропозициональных) отношений, о чем мы уже говорили.

Во-вторых, глагольные категории предиката: категории **времени, наклонения и лица**, образующие первую категориальную область в организации языка как когнитивной системы [Болдырев 2000: 16; Беседина 2010: 363-371],

ориентированы на уровень выражения категории предикативности как конститутивного грамматико-синтаксического признака всего предложения/высказывания, что и создает эти единицы языка и речи. Это выходит за рамки непосредственно пропозиции: «По своему значению эти категории соотносят сообщение с актом речи и связаны с отношением человека к миру событий с точки зрения их актуализации в языке. Показывая средствами языка связь человека с этими событиями, выделенные категории позволяют представить сообщаемое в том или ином временном плане, а также в аспекте его реальности/ирреальности. Они имеют в определенной степени "глобальный, всеохватывающий характер" <...>, что объясняется Н.Н. Болдыревым "универсальностью задаваемых параметров и, следовательно, их независимостью по отношению к семантике самих глагольных лексем"» [Беседина 2010: 367].

Иначе говоря, без предиката нет и самих коммуникативных единиц языка и речи. Это дает основание Н.Д. Арутюновой считать, что если подлежащее доминирует с точки зрения **формы** (задает сказуемому согласовательные категории), то сказуемое – с точки зрения **функции** [Арутюнова И. ЛЭС 1998: 455]. Вот почему В.С. Юрченко отмечает, что если роль глагольного сказуемого в организации структуры предложения и преувеличена, то «этому есть серьезные причины, которые коренятся как в самом языке, так и в новейшей истории науки о языке» [Юрченко 2008: 182].

Что касается семантических субъектов и предикатов, то их семантическое согласование задается семантическим субъектом [Арутюнова И. ЛЭС 1998: 455], поскольку предикат может приписать субъекту только такой (в нашем случае – акциональный) признак, который субъект способен реализовать.

В целом же как в самом предикативном ядре (между субъектом и предикатом), так и в пропозиции как таковой наблюдается семантическое согласование [Апресян 1974; Арутюнова 1974: 162; Юрченко 2008: 254 и др.], также определяемое как синсемантичность [Золотова 1982: 76; И. СС-2011: 12], семантическая взаимная дополнительность [Арват 1976: 56]; семантическая взаимозависимость [Шубик 1982: 132] и др.

Таким образом, при обобщении конкретных высказываний в изучаемый нами тип предложения основной функцией, безусловно, становится функция субъектной ориентации предиката и предикативной ориентации субъекта.

Наконец, особо следует подчеркнуть специфику рассматриваемой модели (структурной схемы) N_1V_f : существительное в форме именительного падежа в языках синтетического типа является **независимой** (начальной) формой, способной к номинации, предикации и коммуникации, что создает широкие возможности приписывания субъекту значительного числа предикативных признаков, ограниченных лишь лексико-грамматической семантикой субъекта. Что касается финитной формы глагольного предиката, то приписывание субъекту таких признаков – это «внутренне присущая ей функция» [Шубик 1982: 126], что подчеркивается многими лингвистами и дает право представителям семантического синтаксиса считать данную структурную схему не просто ядерной среди других синтаксических моделей, а «вершинной» и главной в иерархии пропозиций, а все другие – неглавными, зависимыми от вершинной [Шмелёва 1988: 25].

Таким образом, изучаемая нами синтаксическая модель (структурная схема) имеет наиболее широкое значение в сравнении с другими структурными схемами: «отношение между субъектом и его предикативным признаком-действием» (выделено нами – *А.Ш.*) [П. РГ-80. II: 95; Шведова, Лопатин П. КРГ-2002: 464]; к тому же, она самая частотная в речевых высказываниях [Белошапкова 1997: 808], а потому является таким языковым субстратом (основой, базисом) [Комарова 2008-а: 61-86], который имеет значительные потенции в организации когнитивно-семантических структур событийных пропозиций действия и, следовательно, создает широкую среду для возникновения и бытования функционально-синтаксической омонимии предлогов в структуре этих пропозиций.

IV. Обратимся к вопросу о расширении структурной схемы высказывания и когнитивно-семантической структуре пропозиции в высказывании.

Как мы уже указывали (см. с. 142), существует два типа расширителей минимальной структурной схемы предложения (предикативной основы): конститутивные (обязательные, регулярные) и неконститутивные (факультативные, нерегулярные). Конститутивные члены участвуют в создании номинативного минимума предложения [Общее языкознание 1972: 306; Белошапкова 1997: 720 и др.].

Рассмотрим следующие высказывания¹:

[138] *Они пьют чай со сладкими сухарями* (П.Ф. Нилин 1936).

[139] *Сосед по скамье с любопытством заглядывает в книгу* (И. Грекова 1982).

[140] *Хрусталева со стуком отодвинула в сторону фарфоровую сахарницу* (Т. Моспан 2000).

Правые конститутивные определители предиката («заглагольные члены» в терминологии В.С. Юрченко) дают ему необходимые для информативной достаточности высказывания характеристики с объектной, локальной, темпоральной или квалификативной стороны, делая высказывание коммуникативно пригодным.

Существует следующая закономерность: все конститутивные компоненты, распространяющие минимальную структурную схему предложения/высказывания до расширенной, зависят от **предикативного центра** [Белошапкова 1997: 741]. При этом у разных минимальных схем разные возможности конститутивно значимого расширения: самыми значительными потенциями обладает анализируемая нами структурная схема N_1V_t , у которой такие расширители более многочисленны и разнообразны [Там же: 742].

Не обозначенные нами в указанных высказываниях члены, обусловленные интенцией и в целом интенциональностью говорящего, обогащают содержание пропозиции в высказывании, но не являются обязательными. Неконститутивные компоненты могут быть соединены с любым из главных или неглавных конститутивных членов предложения/высказывания необязательной связью. При этом как конститутивные, так и неконститутивные расширители составляют базу для предложно-падежной омонимии.

¹ Структурные схемы с обязательными расширителями выделены в высказываниях жирным шрифтом.

Анализируя омонимию предлогов в однопадежных (см. Раздел 2.2.2) и разнопадежных (см. Раздел 2.2.3 и Приложения 4-5) зависимых синтаксемах (перекрёстную и наложённую/совмещённую), мы убедились в богатстве семантики синтаксем и их значительных возможностях по отношению к омонимии.

Анализ предложно-падежной омонимии в глагольных (см. Раздел 2.2.4) и субстантивных (см. Раздел 2.2.5) словосочетаниях выявил механизм связи этих конститутивных и неконститутивных распространителей: **присловная связь** в глагольном и субстантивном управлении синтаксемами, а также – обязательный **синсемантизм** в словосочетаниях и высказываниях в целом и учет **речевой системности**.

Отметим, что в высказывании как целостной единице сообщения есть еще специфическая связь предложенческого уровня, которая также зависит от **предикативного центра**, но в смысловом отношении распространяет все высказывание в целом – это детерминантная связь, а член высказывания – детерминант.

Понятие о детерминантах в структуре пропозиции было развито в 60-е годы XX века Н.Ю. Шведовой [Шведова 1968, 1973, 2005 и др.] и подхвачено другими исследователями, однако единого мнения о сущности и роли детерминантов и детерминантной связи у лингвистов нет до сих пор.

Так, наиболее характерным признаком детерминантов, отмечаемым всеми специалистами, является их особая позиция в самом начале (реже – в конце) высказывания, т.е. они актуализированы говорящим. При этом как неконститутивные распространители структурной схемы предложения/высказывания детерминанты квалифицируются по-разному: как расширители, которые не подчинены никакому определенному члену предложения и «связаны с предложением свободным присоединением, внешне схожим с примыканием» [П. РГ-80. II: 149]; напротив, как расширители, которые, несмотря на свой особый статус и особое положение в составе предложения/высказывания, обнаруживают достаточно тесную связь со сказуемым [Камынина 1970: 41]. Мнения лингвистов

относительно состава детерминантов также разнятся. Г.А. Золотова считает недостаточно убедительной концепцию Н.Ю. Шведовой, в которой детерминанты понимаются слишком широко, а потому в их число включаются разнородные синтаксические явления: по мнению Г.А. Золотовой, некоторые из них (в частности – субъектные детерминанты) в действительности представляют собой конститутивные компоненты семантической модели предложения [Золотова 1973: 102-105; П. РЯЭ-2003: 112].

Нам близка позиция А.А. Камыниной и В.В. Бабайцевой, которые квалифицируют детерминанты как «члены предложения с ослабленной связью» [Бабайцева 2011: 107]. Так, А.А. Камынина доказала, что формы косвенных падежей в любой структуре зависимы, а потому «не следует эти падежи называть свободными, так как это создает иллюзию их независимости» [Камынина 1970: 41].

В.В. Бабайцева, говоря о детерминантах, отмечает, что речь идет «лишь об особых случаях функционирования обстоятельств и дополнений, специфическим свойством которых является особая позиция в предложении, обуславливающая ослабление их связей с другими членами предложения» [Бабайцева 2011: 109], что наблюдается «в тех случаях, когда детерминант "отрывается" от сказуемого актуальным членением» [Там же: 111]. Приглагольные распространители обычно постпозитивны и тесно связаны с управляющим глаголом, однако у детерминантов связь с управляющим глаголом не столь ярко выражена в силу их удаленности от него другими членами предложения, что вовсе не означает, что этой связи нет совсем.

Таким образом, под детерминантом нами понимается «второстепенный член предложения (обстоятельство или дополнение) с синтаксической связью, ослабленной тема-рематическим членением» [Бабайцева 2011: 114].

С учетом специфики высказывания, отличающей его от предложения (его связь с конкретным коммуникативным событием, конкретной ситуацией и конкретным собеседником), детерминанты являются очень значимыми для высказывания, а в нашем материале в составе детерминирующих членов

(объектных и обстоятельственных) также есть предлоги. Отметим, что для обстоятельственных детерминантов более целесообразно использовать термин ситуанты, предложенный П. Адамцем и Вл. Грабе [Золотова 1973: 105].

1. Первое место по критерию частотности в выборке занимают детерминанты с различными пространственными значениями:

[141] *По шоссе* неслись грузовики... (В. Гроссман 1960).

[142] *На крыльце* он глубоко вздохнул (Юрий Рытхэу 1962).

[143] *Над головой* птички порхают («Жизнь национальностей» 2001).

[144] *У ворот* дядя соскочил с коня... (В. Шукшин 1958).

2. Временные значения (точное указание времени действия; неточное указание времени: когда-то, промежуток времени, длительность, периодичность и др.):

[145] *Вчера в 5 часов вечера* пришел я к Государю (А. Архангельский 2000).

[146] *Однажды в детстве* они с матерью повели Яну в магазин игрушек («Русский репортер» 2010).

[147] *С июня 1977 года* я работал главным врачом этой поликлиники (М. Погорелов 2006).

3. Кваликативные (качественно-количественные характеристики действия):

[148] *С грустью* он сел в грузовик (Л.К. Бронтман 1932-1942).

[149] *В полном недоумении* я опять пересчитала строки (Л.А. Авилова 1910-1940).

4. Причинные:

[150] *От ужаса* я кричу (М.М. Зощенко 1943).

[151] *От неожиданности* он отступил назад (К. Яхонтова 1996-1998).

[152] *Под ударами топоров* падают ворота города... (П.Н. Краснов 1898).

5. Целевые:

[153] *Для повышения прочности кокона* они размазывают по его поверхности особый плесневый грибок (В. Луговской 2007).

[154] *Для изучения поведения крыс* ученые изготовили специальную

камеру... («Знание-сила» 2013).

6. Условия:

[155] *При снижении температуры газ из емкости поступает в камеру...* (Д. Хамраев 1976).

7. Уступки:

[156] *При всей своей ловкости зверя Молодой упал неуклюже...* (М. Семенова 2003).

8. Выделительно-ограничительные (лимитативные):

[157] *В литературе он понимал мало...* (М. Елизаров 2007).

[158] *В кино я дебютировал в 1943 году* («Огонек» 1959).

9. Заместительные:

[159] *За меня все делали благодарные почтовики* (А. Моторов 2013).

Частотны в высказываниях группы детерминантов с разными значениями:

[160] *Утром в почтовом ящике я нашла записку...* (А.Д. Сахаров 1983-1989).

Подобная ситуация особенно характерна для художественной речи, когда автором актуализируется цепочка детерминантов, в том числе с различными пространственными значениями:

[161] *С улицы к реке через сад ходят изредка прохожие...* (А.П. Чехов 1901).

Такие распространители часто сливаются в интонационно нерасчлененную группу [Шведова, Лопатин II. КРГ-2002: 550].

Отметим, что особая частотность в выборке пространственных, временных и квалификативных детерминантов вполне объяснима антропоцентричностью человеческого языка и тем, что человек живет и действует в хронотопе – топосе Универсума (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман и др.), а потому эти пропозициональные характеристики события, действия являются объективными и практически регулярными, т.е. собственно пропозитивными («настоящими» в формулировке Г.Е. Крейдлина), при этом «детерминант "прикрепляет" это событие к определенному месту или времени, что очень существенно для

референции высказывания» [Бабайцева 2011: 112].

Таким образом, анализ отмеченного языкового материала выявил ряд закономерностей.

1. Структурная схема (модель) N_1V_f высказывания является ядерной среди других моделей [Белошапкина 1997: 733], «вершинной» в типах пропозиций [Шмелёва 1988: 25], самой частотной в речи [Белошапкина 1997: 808], обладающей самыми широкими возможностями своего расширения [Там же: 742] двумя типами расширителей: конститутивными (грамматически обязательными) и неконститутивными (факультативными, обусловленными интенциональностью и интенцией говорящего), благодаря чему данная модель по отношению к предложно-падежной омонимии обладает **мощной диктумно-модусной** (при объективной модальности) **потенцией** и выступает как база «оперативных возможностей» [Кубрякова 2004], реализуемых в высказываниях.

2. В целом сложная расширенная когнитивно-семантическая структура пропозиции действия в информативных репрезентативных высказываниях представляет собой «ансамбль взаимосвязанных элементов» [Сусов 1973: 15-16], характеризующих «описываемые предметы и связи между ними» [Гак 1998: 215].

При этом наибольшей сложностью отношений между компонентами отличаются события, в которых задействовано большее количество элементов для реализации потенциала **агенса действия** [Кручинкина 2010: 387], в связи с чем пропозиция действия является оптимальной базой для изучения предложно-падежной омонимии в ее естественной **среде обитания**.

3. Механизмом создания неабсолютной омонимии в рамках расширенной структуры пропозиции является присловная связь в глагольном и субстантивном управлении предложно-падежными формами (синтаксемами) и детерминантная связь (в ее узком понимании) в обязательном сочетании с **семантическим согласованием**¹ компонентов структуры пропозиции (субъекта, предиката, актантов и сирконстантов), что осознается как **закон синтагматики**

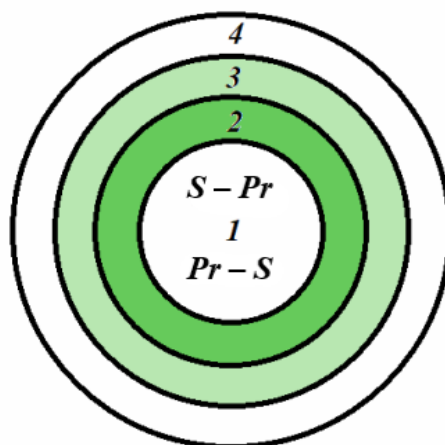
¹ Которое мы рассматриваем как «проявление концептуального согласования по одному или нескольким когнитивным признакам» (выделено нами – А.Ш.) [Сулименко 2014: 47].

речи [Апресян 1974; Степанов 1989; Кубрякова П. ЛЭС 1998; Кожина 2002; Золотова П. СС-2011 и др.], при **интенциональности** и **интенции** говорящего [Алимурадов 2003].

Полученные результаты представим в виде наглядной схемы (диаграммы).

Схема 3

**Место функционально-синтаксической омонимии
в структуре пропозиции**

Обозначения: 1 – минимальная структурная схема как потенция омонимии (диктум-потенция в отличие от диктум-реализации [Шмелёва 1988: 8]); 2 – расширенная модель пропозиции с конститутивными членами (синтаксемами и словосочетаниями); 3 – расширенная модель пропозиции с неконститутивными членами (синтаксемами и словосочетаниями); 2 и 3 – языковой субстрат для возникновения омонимии и среда ее обитания; 4 – поверхностная линейная синтаксическая структура высказывания (см. Раздел 2.3).

4. Следует подчеркнуть, что отечественная лингвистика в понимании узуса языка и речи опирается на теорию Э. Косериу, который характеризует функционирующий язык с помощью понятий системы – нормы – узуса. Система представляет собой совокупность возможностей, координат, указывающих открытые и закрытые пути в речи. Под нормой понимается совокупность обязательных реализаций, принятых данным обществом и данной культурой. Узус – это общепринятое употребление языковых единиц как воплощенная в общей речи языковая система, постоянно пополняемая и

накапливающая опыт речевых реализаций отдельных единиц [Косериу 2001; Матвеева И. ПСЛТ 2010: 499-500].

В соответствии с данной концепцией узус, в отличие от нормы, включает не только устойчивые, традиционные реализации, но и нетрадиционные, окказиональные [Салимовский И. СЭСРЯ-2003: 561].

Вот почему выявленные нами омонимичные функционально-синтаксические смыслы можно рассматривать как узуальные смыслы/значения в речевой практике.

5. Обобщая выявленные вариантные функционально-синтаксические смыслы, получаем ряд **регулярных (обязательных), предсказуемых синкретичных инвариантных языковых значений.**

В приглагольной позиции выявлено пять основных синкретичных омонимичных языковых значений:

а) **пространство + предметность:** *плавает в бассейне* (где? в чем?); *прыгнул в лодку* (куда? во что?); *положил на подушку*; *выползли из сундука* и т.д.;

б) **пространство + образ, способ действия:** *сыплется с высоты* (откуда? как?); *поднялся из глубины*; *хлещет с небес* и т.д.;

в) **предметность + образ, способ действия:** *двигался на костылях* (при помощи чего? как?); *едем на велосипеде* (на чем? как?); *сбил из пулемета* (из чего? как?) и т.д.;

г) **предметность + причина:** *рухнула от снарядов* (от чего? почему?); *щурится от яркого солнца*; *подпрыгнул от обиды*; *дрожит от страха* и т.д.;

д) **пространство + предметность + образ, способ действия:** *неслась по земле* (где? по чему? как?); *высиживают на снегу*; *разгуливали между столиками* и т.д.

В присубстантивной позиции выявлено четыре основных синкретичных омонимичных значения:

а) **признак предмета + предметность:** *наряд из листьев и изумрудов* (какой? из чего?); *гражданка в шляпе*; *история про Пушкина*; *рыба с серебряным брюшком*; *песня без слов* и т.д.;

б) **признак предмета + пространство:** *магазинчик при доме* (какой? где?);

ветры с океана; письмо из Москвы и т.д.;

в) **признак предмета + пространство + предметность:** *снег на горах* (какой? где? на чем?); *скамья у стола* (какая? где? возле чего?); *часы над дверью* (какие? где? над чем?); *пуля из пистолета; пшеница на поле; дым из трубы* и т.д.;

г) **признак предмета + предметность + цель/причина:** *средства для оплаты* (какие? для чего? для какой цели?); *шрамы от пуль* (какие? произведенные чем? возникшие по какой причине?); *кандидатура на начальника цеха; боязнь за сына* и т.д.

Таким образом, явление совмещения языковых смыслов/значений в одной предложно-падежной форме значительно расширяет репрезентативные возможности функционально-синтаксической омонимии.

V. Завершая анализ омонимии в прототипических высказываниях, вернемся к интерпретации омонимии – полисемии в свете полученных результатов, поскольку с этим связана общая оценка предложно-падежной омонимии.

Одной из важных особенностей лингвистики последних десятилетий явилось осознание того факта, что не всегда возможно «адекватное определение основных языковых объектов стандартными дискретными средствами» [Кибрик 2003: 75; Твердохлеб 2004: 166], поскольку на рубеже XX – XXI веков стало очевидно, что использование принципа дискретности привело к накоплению «огромного количества конфликтующих данных» [Кибрик 2003: 75]. В связи с этим начали разрабатываться «способы описания лингвистических объектов, допускающие их недискретный (континуальный) характер: многофакторные определения, иерархии, прототипы, размытые множества» [Там же: 75].

Подобная ситуация наблюдается и в интерпретации языковедами явлений многозначности и омонимии. Анализ научной и лексикографической литературы по проблеме соотношения полисемии и омонимии свидетельствует о том, что научное осмысление этих фундаментальных понятий на протяжении XX века шло практически полностью в аспекте их разграничения, а не сходства. Тем

не менее, на современном этапе развития языкознания все чаще выдвигается идея **недискретности неоднозначных единиц языка и речи**, т.е. объективного наличия в языке градуальной шкалы «полисемия – омонимия» [Шмелёв 1973: 87; Анна А. Зализняк 2006: 105; Качурин 2014: 46; Барабаш 2015-б и др.], которая базируется на законе асимметричного дуализма языкового знака, характерного и для полисемии, и для омонимии, и для синонимии [Ахманова 2004 (1957); Карцевский 1965; Виноградов 1975 и др.]. Данная идея находит подтверждение и в нашем исследовании.

Важно отметить, что в середине XX века О.С. Ахманова доказала неправомерность рассмотрения омонимии как болезни, «патологии» языка [Ахманова 2004 (1957): 110]; напротив, омонимия является внутренним свойством человеческого языка, поскольку «возникновение омонимов в определенных категориях слов нередко носит регулярный, массовый характер» (выделено нами – *А.Ш.*) [Там же: 8] как предел лексико-семантического варьирования слова, а потому «для любой полифункциональной языковой единицы <...> **вполне нормален феномен омонимии**» (выделено нами – *А.Ш.*) [Перцов 2001: 15]

И все же и сегодня проблема многообразия подходов и оценок омонимии и ее соотношения с полисемией далека от решения: на фоне многозначности омонимия по-прежнему предстает в глазах ряда ученых как категория негативная, ономаσιологическая ценность которой существенно меньше, чем у полисемии [Новиков 2001].

Не вступая в дискуссию по негативной характеристике омонимии (что считаем неправомерным, поскольку омонимия – необычайно сложное, многомерное явление), мы оцениваем только изучаемый нами тип имплицитной неабсолютной функционально-синтаксической омонимии первичных предлогов.

Проведенный анализ значительного языкового материала свидетельствует не только о различии полисемии и омонимии, но и сходстве этих двух универсальных категорий, если исходить из когнитивно-композитивной семантики языковых единиц [Рахилина 1998; Анна А. Зализняк 2006; Качурин

2014; Лещёва 2014; Шахова 2014; Барабаш 2015-а,б и др.]¹: 1) в каждом отдельном высказывании и полисемант, и омоним реализует только одно позиционно обусловленное контекстом и ситуацией речи значение/смысл; иными словами, и полисемия, и омонимия теряют неоднозначность в поверхностной структуре высказывания в конкретной ситуации (конситуации); 2) и полисемант, и омоним обладают свойством варьирования своего значения; 3) новые значения появляются только в условиях речи, коммуникации; 4) реализуемые значения/смыслы кристаллизуются в речи и обладают способностью удерживаться в языке; 5) если тип многозначности знаменательных русских слов с уникальной полисемией (до 17 значений) обозначен исследователями как дискретно-диффузный [Денисов 1984; Чудинова 1998: 11]; то у предлогов преобладает диффузный тип полисемии и омонимии.

Это позволяет нам, согласно методологическому принципу дополнительности Н. Бора, считать, что эти два универсальных явления находятся в отношениях взаимной дополнительности с позиции выражения языковых смыслов/значений. Данный принцип гласит, что «противоположности – это не противоречия, а дополнения, и следовательно, антагонистических противоречий нет, а описания разных наблюдателей дополняют друг друга» (выделено нами – *А.Ш.*) [Бор 1971; Твердохлеб 2004: 166].

При этом считаем продуктивной идею основоположника семасиологии как науки о значениях М. Бреая, реанимировавшего сам античный термин полисемия. Согласно концепции М. Бреая, полисемия есть **«закон умножения смыслов»** [Bréal 1921; Анисимова 2012; Барабаш 2015-а]; мы полагаем, что он распространяется и на омонимию, поскольку благодаря данному закону происходит «чудодействие языка»: «Язык бесконечным образом использует конечные средства» [Гумбольдт 1984; Пинкер 2009: 72].

Важно также, что психологи и исследователи в области психолингвистики

¹ Анна А. Зализняк подчеркивает, что «одним из итогов развития семантической теории за последние 20 лет является осознание ограниченности дискретного подхода к описанию многозначности» [Анна А. Зализняк 2006: 105]. Из идеи недискретности (континуальности) многозначности прямо следует идея недискретности омонимии [Качурин 2014: 46].

само явление омонимии в языках объясняют за счет особенностей человеческой психики: сталкиваясь с новым предметом или явлением, человек предпринимает попытки соотнести его с чем-то уже известным ему ранее. Так, Д.Н. Узнадзе подчеркивает, что «прежнее наименование есть тот мостик, который в человеческом сознании связывает неизвестное с известным» [Узнадзе 1966: 23].

Именно ограниченность объема человеческой памяти (оперативной и долговременной) и классификационная деятельность человеческого мышления лежат в основе полифункциональности языкового знака, т.е. его закреплённости не за одним конкретным явлением действительности, а «за классами и за классами классов явлений» [Задорожный 1971: 10]. Однако «это оказывается возможным только до тех пор, пока эти явления каким-то образом ассоциируются, связываются в сознании друг с другом. Как только эта связь в сознании нарушается, нарушается и единство, трансформационность знака <...>. Таким образом, наполнение старой формы новым содержанием происходит либо путем переосмысления, появления новых, вторичных значений (полисемия), либо путем разделения» [Шиганова 2001: 197], т.е. омонимии.

Итак, функционально-синтаксическая омонимия предлогов, встроенная в глубинную семантическую структуру высказывания, значительно расширяет и обогащает смысловую структуру первичного предлога, что обусловлено функциональной спецификой человеческого языка: его способностью «ограниченными средствами передавать безграничность человеческого опыта» [Шиганова 2001: 198].

2.3. Механизм и факторы нейтрализации омонимии предлогов в поверхностной синтаксической структуре высказывания

В предшествующих разделах данной главы мы рассмотрели возникновение, бытование и функциональную нагрузку (роль) предложно-падежной омонимии в глубинных семантико-синтаксических структурах языка.

При этом понятно, что прагматическая целеустановка на успешность вербальной, речевой коммуникации [П. Цейтлин и др. 2006: 49; П. Шарков 2009:

270, 278, 726 и др.] исключает наличие предложно-падежной омонимии в поверхностной синтаксической структуре высказывания. Однако возникает вопрос о том, за счет каких механизмов и факторов происходит нейтрализация омонимии в поверхностной синтаксической структуре языка. Попытаемся дать ответ на этот вопрос.

Механизмом, играющим ключевую роль в нейтрализации омонимии, мы считаем **линеаризацию** (от лат. *linearis* – линейный), то есть создание **линейности**. Отметим, что линейность как таковая является общенаучным принципом анализа нелинейных систем, при котором они рассматриваются (с определенными допущениями) как линейные [П. БЭС 2002: 721; Крысин П. ТСИС 2007: 438]. А в языкознании под линейностью понимается «последовательное расположение элементов речевого целого, последовательность элементов высказывания, вытягивающихся в "речевую цепь"» [Ахманова П. СЛТ 1969: 219; Арутюнова П. РЯЭ-2003: 653; Юрченко 2008: 56].

Роль принципа линейности в языке подчеркивает еще Ф. де Соссюр в начале XX века: «Это весьма существенный принцип, и последствия его неисчислимы <...>. От него зависит **весь механизм языка**» (выделено нами – А.Ш.) [Соссюр 1977: 103]. Важность данного принципа отмечается и другими учеными [Кацнельсон 1972: 185; Чейф 1975: 17; Филлмор 1981: 370-371; Теньер 1988; Гак 1998; Юрченко 2008 и др.].

Принцип линейности языка имеет глубокие корни: «Он обусловлен тем, что естественный человеческий язык имеет звуковую природу и его дискретные звуковые комплексы – слова – могут располагаться только во временной последовательности, имеющей характер линейной протяженности» (выделено нами – А.Ш.) [Юрченко 2008: 56]. Н.Д. Арутюнова так говорит о линейности: «Поскольку звуковая речь разворачивается во времени, она обладает признаком линейности, который обычно сохраняется и в формах письменности» [Арутюнова П. РЯЭ-2003: 653].

Что касается **линеаризации**, то она представляет собой сложный, многовекторный и многофакторный концепт, который (возможно, именно в силу

своего непростого, комплексного характера) практически не семантизируется в лингвистических словарях и энциклопедиях¹ и не является активно используемым. Так, мы можем назвать лишь несколько специальных работ [Юрченко 2008; Сидорова, Липгарт 2018: 52-71 и др.].

В статье М.Ю. Сидоровой и А.А. Липгарт указывается, что линеаризация является «одной из главных операций говорящего при продуцировании любого текста на естественном языке» [Сидорова, Липгарт 2018: 54], при этом ее основные принципы определяются «системно-языковыми закономерностями, связанными с порядком слов, способами выражения синтаксических отношений – от внутрисловных (флексии) до внутрипредложенческих и междпредложенческих синтаксических связей» [Там же: 54].

К нашим дням признано, что линеаризация осуществляется в процессе речепроизводства [Кибрик П. ЛЭС 1998: 606; Арутюнова П. РЯЭ-2003: 653; Сидорова, Липгарт 2018: 53], а потому базируется не столько на лингвистике языка, сколько на второй составляющей лингвистики – лингвистике речи и современном речеведении как комплексе наук, изучающих речь [Степанов П. ЛЭС 1998: 492-494; Кожина П. СЭСРЯ-2003: 332-338; Матвеева П. ПСЛТ 2010: 387 и др.], т.е. изучающих **динамику употребления языка человеком** [Кожина П. СЭСРЯ-2003: 334].

При этом основной единицей вербальной коммуникации является речевой акт, т.е. высказывание в его процессуальном аспекте как первый (начальный) уровень речедеятельности человека [Остин 1986; Арутюнова 1998; Салимовский П. СЭСРЯ-2003: 351-352; Сёрл 2010 и др.]. Для нашего исследования важно то, что мы, анализируя линейную (**эксплицитную**) структуру высказывания, выходим на соответствующую ей имплицитную иерархическую семантическую структуру этого высказывания, так как порядок слов является показателем языковой структуры [Пумпянский 1974], а «за линейным порядком речевого

¹ В отечественных отраслевых энциклопедиях термин линеаризация дается в алфавитных указателях, но не имеет самостоятельных словарных статей: А.Е. Кибрик говорит о линеаризации в связи с речепроизводством [Кибрик П. ЛЭС 1998: 606], а Л.П. Крысин связывает это понятие с «развитием средств общения и преобразования их в полнокровные языковые системы» [Крысин П. РЯЭ-2003: 659].

высказывания скрыта иерархия членов предложения» [Арутюнова И. ЛЭС 1998: 585].

Именно в структуре высказывания нелинейные парадигматические единицы номинации языка разных степеней обобщения (иерархические) преобразуются в линейные (синтагматические), образуя линейный ряд высказывания, в котором словесное окружение предлога (контекст) и ситуация речи создают конситуацию, где неоднозначность значения предлога (полисемия и омонимия) снимается (нейтрализуется). В этом преобразовании непосредственно участвует актуализация как компонент линеаризации, создающий тема-рематическое членение, а также особая (специфическая) речевая системность (см. Раздел 2.2.1) в сочетании с целым рядом других факторов.

Отметим еще один важнейший фактор, непосредственно связанный с линеаризацией и, соответственно, нейтрализацией предложно-падежной омонимии в поверхностной структуре высказывания. Таким фактором является **интенция** и **интенциональность** говорящего человека [Алимурадов 2003; Юрченко 2008] как первичная смыслообразующая устремленность сознания к окружающему миру (Э. Гуссерль, Д. Сёрл, М. Хайдеггер и др.), которая базируется на бытии человека во времени и пространстве.

Поясним также связь линеаризации высказывания с предлогом и предложно-падежными формами. Полагаем, что наиболее полный ответ получен из работы М.К. Бейкера *«Атомы языка»*: рассматривая основной порядок слов в разных языках, автор указывает, что из ряда языковых универсалий, выделенных Дж. Гринбергом, три связаны с вероятным или обязательным наличием предлогов или послелогов в структурах высказываний, при этом данные универсалии находят отражение в значительном числе языков мира [Бейкер 2008: 36-37, 128].

Иными словами, предлоги – это универсальный класс слов, существующий как в славянских, так и в неславянских языках [Чепасова 2007: 7; Всеволодова 2004 и др.], свойственный как синтетическим, так и аналитическим языкам [Шиганова 2001; Бороздина 2003; Галстян 2016; и др.], т.е. почти всем языкам индоевропейской семьи [Репина И. ЛЭС 1998: 394; Бейкер 2008: 36]; предлоги

играют важную роль в формировании семантики высказывания [Шиганова 2001; П. БЭС 2002: 394], будучи «атомами языка» [Бейкер 2008: 174].

Второй довод активного участия предлогов в структуре высказываний состоит в том, что в современных языках (например, русском) частота употребления предложно-падежных форм растет в сравнении с беспредложными, круг значений предлогов существенно расширяется [Шиганова 2001: 9; Пантелеева 2006: 4; П. Сичинава 2011 и др.]; следовательно, языковая база для предложно-падежной омонимии становится все более обширной.

Из сказанного ясно, что грамматика высказывания¹ и пропозиция действия в ней имеют «скрытый характер», что напрямую относится и к категории функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов.

2.4. Выводы по второй главе

1. Квантификация как первый этап лингвостатистического анализа показала, что все первичные простые предлоги (20 слов) находятся в зоне высокой частотности: два предлога (**В** и **НА**) **ультрачастотны**, остальные относятся к **центральной зоне высокой частотности и приграничной зоне высокой частотности**. Полученные результаты согласуются с данными частотных словарей о высокой употребительности исследуемых единиц [Штейнфельдт 1963; Засорина 1977; Шаров 2009]. Ультрачастотность и сверхчастотность первичных простых предлогов обуславливают широкое варьирование семантико-синтаксических смыслов и функций в текстовых парадигмах данных предлогов.

2. Под текстовой парадигмой предлога мы понимаем возможные речевые реализации предложной единицы в тексте [Всеволодова 2003: 17-59]), в «разных "ипостасях", обусловленных теми или иными отношениями» [Виноградова, Ситарь 2006: 60]. В нашем исследовании мы говорим об обстоятельственной, объектной и атрибутивной текстовой парадигме (в зависимости от типа субкатегориальных отношений, выражаемых предлогом в синтаксеме).

¹ «Грамматика сравнима с айсбергом, бóльшая часть которого скрыта под водой» [Кацнельсон 1972: 83; Мигирин 2002; Шарандин 2009; Болдырев 2014: 93].

3. Анализ семантики предлогов в зависимых синтаксемах показал частотность предлогов с синкретичным значением, что вполне естественно, поскольку синкретизм можно определить как закономерное явление для речевых единиц и «универсальное свойство языка, обусловленное единством чувственного и рационального мышления» [Высоцкая 2006: 14].

4. Анализ семантики предлогов в однопадежных и разнопадежных зависимых синтаксемах как микроконтексте позволил выявить виды функционально-синтаксической омонимии предлогов.

4.1. Оппозиция иерархических внутрисловных и текстовых парадигм семантики предлогов демонстрирует наличие предложно-падежной омонимии перекрёстного вида. Омонимия является неабсолютной, частичной, поскольку в семантике предлогов во всех наблюдаемых контекстах присутствуют как общие семы, так и различные (на глубинных уровнях иерархии), а потому омонимия имплицитная. При этом функции предлогов в синтаксемах различны. Исключение составляют предлоги *МЕЖДУ*¹ и *МЕЖДУ*², у которых омонимия, по данным анализа, находится на стадии нейтрализации в связи с понижением частотности данных предлогов.

4.2. Как в однопадежных, так и в разнопадежных зависимых синтаксемах наблюдается совмещённая (наложённая) предложно-падежная омонимия, которая также является неабсолютной, проявляясь с субкатегориального (второго) уровня иерархии семантики предлога. Совмещённая омонимия подразделяется на полностью совмещённую и частично совмещённую. Частично совмещённая омонимия возникает при наложении двух базовых текстовых парадигм (обстоятельственной и объектной, атрибутивной и обстоятельственной либо атрибутивной и объектной). Полностью совмещённая омонимия возникает только в присубстантивной позиции при наложении всех трех базовых текстовых парадигм: обстоятельственной, объектной и атрибутивной.

5. Для анализа механизмов образования предложно-падежной омонимии в словосочетании как среднем контексте мы рассматриваем два типа словосочетаний: глагольные и субстантивные, поскольку именно такие

словосочетания преобладают в нашем материале, а **глагол** и **имя существительное** – это «своего рода основания планеты нашей языковой солнечной системы» [Пешковский 1956: 132], при этом в качестве прототипа глагольного предиката избираем **акциональные глаголы**.

6. Главным механизмом образования неабсолютной (перекрёстной либо частично совмещённой обстоятельственно-объектной) омонимии в глагольных речевых словосочетаниях является сильное (обязательное) и слабое глагольное управление, благодаря которому глагол реализует различные пропозициональные функции в предикатно-аргументной структуре: одноместные, двухместные, трехместные либо многоместные. Зависимые синтаксемы находятся в синтаксической подчинительной связи с управляющим глаголом при обязательном участии синсемантизма и речевой системности.

7. Анализ образования предложно-падежной омонимии в субстантивных словосочетаниях привел к следующим основным результатам:

- именно в словосочетаниях данного типа реализуется полностью совмещённая омонимия, возникающая при совмещении всех трех текстовых парадигм, однако в них возможна и частично совмещённая омонимия (при совмещении двух текстовых парадигм);

- в качестве основного механизма образования полностью либо частично совмещённой омонимии в субстантивных словосочетаниях выступает именное субстантивное управление в обязательном сочетании с синсемантизмом и при учете речевой системности;

- диагностирующим признаком возникновения атрибутивной парадигмы и, соответственно, возможности образования полностью совмещённой омонимии является категориальное значение стержневого существительного: **предметность (предмет, субстанция, грамматический предмет)**. Именно широта этого категориального значения обусловила то, что имена существительные служат «опорой большей части синтаксических конструкций» [Виноградов 2001 (1947): 152].

8. Для анализа предложно-падежной омонимии в высказываниях как

широком контексте избраны предложения/высказывания с реализацией простой пропозиции: со структурной схемой N_1V_f , без осложнений структуры простого предложения, без учета регулярных модификаций структурных схем. Получены следующие основные результаты:

- анализ грамматических и семантических типов субъектов и предикатов в предикативных центрах высказываний свидетельствует о: 1) широкой представленности в высказываниях пропозиции действия в **физической, интеллектуальной и социальной сферах**; 2) значительном алломорфизме предикативности и полипропозитивности, при котором в монопредикативном предложении выражаются две и более пропозиции; 3) предикативной ориентации субъекта;

- синтаксическую связь между грамматическим субъектом и грамматическим предикатом определяем как координацию, при которой подлежащее и сказуемое уподобляются друг другу по совпадающим грамматическим категориям **рода, числа и лица**. Координация имеет ряд грамматических признаков, отличающих ее от согласования;

- подлежащее доминирует в предложении/высказывании с точки зрения **формы**, сказуемое – с точки зрения **функции**;

- между семантическим субъектом и семантическим предикатом наблюдается семантическое согласование (синсемантизм, семантическая взаимная дополнительность, семантическая взаимозависимость);

- структурная схема N_1V_f обладает большими возможностями для расширения с помощью двух типов расширителей: конститутивных (обязательных) и неконститутивных (факультативных), в связи с чем данная схема по отношению к предложно-падежной омонимии обладает **мощной диктумно-модусной** (при объективной модальности) **потенцией**;

- механизмом образования неабсолютной имплицитной омонимии в рамках расширенной структуры пропозиции является, во-первых, присловная связь в глагольном (сильном и слабом) и субстантивном управлении синтаксемами и, во-вторых, детерминантная связь, которые сопровождаются обязательным

семантическим согласованием компонентов структуры пропозиции и речевой системностью, а также интенцией и интенциональностью говорящего человека.

9. В работе реализуется идея **недискретности** полисемии и омонимии: вслед за рядом ученых (А.А. Зализняк, Д.В. Качурин, Л.А. Новиков, Д.Н. Шмелёв, М.Д. Якубовская и др.) мы устанавливаем наличие в языке градуальной шкалы «полисемия – омонимия», в основе которой лежит закон асимметричного дуализма языкового знака, характерного как для полисемии, так и для омонимии. Проведенный анализ свидетельствует не только о различии, но и о сходстве этих двух фундаментальных явлений, если исходить из когнитивно-композитивной семантики языковых единиц: полисемия и омонимия находятся в отношениях взаимной дополнительной с позиции выражения языковых смыслов/значений. При этом в конситуации и полисеманты, и омонимы теряют свою неоднозначность и реализуют только одно позиционно обусловленное значение/смысл.

10. В основе полифункциональности языкового знака лежит ограниченность объема человеческой памяти в сочетании с классификационной деятельностью человеческого мышления. Полагаем, что не только на полисемию, но и на омонимию распространяется «закон умножения смыслов» М. Бреаля [Bréal 1921; Анисимова 2012; Барабаш 2015-а], поскольку именно благодаря данным явлениям язык обладает поистине уникальной («чудодейственной» по выражению В. фон Гумбольдта и С. Пинкера) способностью неограниченно использовать имеющиеся в его распоряжении лимитированные ресурсы. Таким образом, омонимия – это вовсе не негативное явление, как считают некоторые лингвисты, а важнейшее неотъемлемое свойство языка и речи.

11. Функционально-синтаксическая омонимия первичных простых предлогов бытует в глубинной иерархической семантической структуре и нейтрализуется в поверхностной синтаксической структуре высказывания в силу прагматики коммуникации (необходимости успешности коммуникации) [П. Цейтлин 2006: 49; П. Шарков 2009: 752]. Феномен нейтрализации омонимии

связан с понятием линеаризации: сложным и многомерным концептом, не находящим адекватного описания в словарно-справочной литературе. В самом общем виде принципы линеаризации определяются порядком слов и различными синтаксическими связями как актуализаторами семантико-синтаксических структур. Линеаризация происходит при речепроизводстве, а потому базируется на лингвистике речи и речеведении. В процессе линеаризации при участии предлога, выражающего конструктивно обусловленные значения, происходит преобразование нелинейных парадигматических (иерархических) единиц номинации в линейные (синтагматические). Так образуется линейный ряд высказывания в поверхностной структуре языка и речи.

12. Основным результатом данного исследования является создание концепции категории функционально-синтаксической омонимии подкласса первичных простых предлогов в соответствии с целью и задачами работы. Это свидетельствует о продуктивности пропозициональной лингвокогнитивной модели анализа глубинной структуры языка и речи и интегративного функционально-семиологического моделирования, используемого для анализа поверхностной структуры языка и речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации представлены результаты комплексного (многофакторного) исследования категории функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов (на материале современного русского языка).

Основным концептуальным содержанием данной работы считаем то, что в ней предлагается новая научная идея, состоящая в необходимости и возможности проблематизации вопроса о категории функционально-синтаксической омонимии первичного простого предлога и в обосновании и разработке одного из возможных путей решения поставленной проблемы.

Полученные данные интерпретированы в выводах по главам, в сжатом виде представлены в положениях, вынесенных на защиту, поэтому в заключении мы лишь перечислим основные этапы и ключевые результаты, а также ближайшие и дальнейшие перспективы исследования.

1. На первом этапе исследования было определено проблемное поле предлога в аспекте соотношения семантики/функции и формы первичного предлога, что позволило предполагать наличие предложно-падежной омонимии. Установлено, что:

1) первичные простые предлоги минимальны по внешней (звуко-буквенной) форме, при этом высокочастотны, широкозначны, полифункциональны, обладают интерпретационным характером семантики и представляют собой закрытую (непополняющуюся) систему;

2) предлоги выражают отношение подчинения формы имени другим знаменательным словам словосочетания или предложения, функционируя в условиях двусторонних синтаксических связей;

3) семантика предлога являет собой иерархическую когнитивно-композитивную членимую систему, в которой реализуется парадигма функционально-синтаксических смыслов/значений.

2. Основные этапы были связаны с исследованием функционально-синтаксической омонимии предлогов, выявлением ее сущности, видов, а также установлением механизмов возникновения. Для этого проведен анализ

синтаксических конструкций, в которых функционирует предлог: синтаксемы, словосочетания и высказывания. Анализ показал, что:

1) функционально-синтаксическая омонимия предлогов может быть перекрёстной и совмещённой (наложённой). Возможна частично совмещённая (при совмещении двух базовых текстовых парадигм) и полностью совмещённая (при совмещении трех текстовых парадигм – обстоятельственной, объектной и атрибутивной) омонимия. Полностью совмещённая омонимия возможна только в субстантивных словосочетаниях, поскольку именно в них реализуется атрибутивная текстовая парадигма;

2) главным механизмом образования предложно-падежной омонимии в проанализированных глагольных и субстантивных словосочетаниях (как ядерных среди всех словосочетаний) является глагольное и именное субстантивное управление в обязательном сочетании с синсемантизмом и при учете специфики речевой системности;

3) высказывания с проанализированной структурной схемой N_1V_f создают мощную базу для образования предложно-падежной омонимии при помощи конститутивных и неконститутивных расширителей. Механизмом образования омонимии в высказываниях является присловная связь и детерминантная связь в обязательном сочетании с семантическим согласованием всех компонентов структуры пропозиции (семантической взаимной дополнительностью), при учете речевой системности, интенциональности и интенции говорящего;

4) обобщение выявленных вариантных функционально-синтаксических смыслов позволило получить ряд **регулярных, предсказуемых** синкретичных инвариантных языковых значений.

В **приглагольной позиции** выявлено пять основных синкретичных омонимичных значений: а) *пространство + предметность*; б) *пространство + образ, способ действия*; в) *предметность + образ, способ действия*; г) *предметность + причина*; д) *пространство + предметность + образ, способ действия*.

В **присубстантивной позиции** выявлено четыре основных синкретичных

омонимичных значения: а) *признак предмета + предметность*; б) *признак предмета + пространство*; в) *признак предмета + пространство + предметность*; г) *признак предмета + предметность + цель/причина*;

5) категория функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов носит «скрытый» характер: имея регулярное проявление в контексте зависимых синтаксем и речевых словосочетаний как единиц глубинной структуры языка, омонимия нейтрализуется в целостной поверхностной структуре высказывания, что обусловлено антиномией «язык – речь» и связано с механизмом линеаризации, включающем такие факторы, как актуализация при речепроизводстве, речевая системность, интенциональность и интенция говорящего и др.). Выявить и описать функционально-синтаксическую омонимию возможно только в глубинной иерархической структуре семантики предлога.

б) родо-видовая дефиниция категории функционально-синтаксической омонимии отражает ее существенные концептуальные признаки, а потому вписывает данный тип грамматической (синтаксической) омонимии в общую систематику омонимии и омонимики.

3. В исследовании подтверждена идея **недискретности** полисемии и омонимии, то есть объективного наличия в языке **градуальной шкалы** «полисемия – омонимия», а потому мы считаем, что эти две универсальные категории находятся в отношениях «взаимной дополнительности» в аспекте выражения вариантных функционально-синтаксических смыслов и инвариантных языковых значений.

4. В исследовании также находит подтверждение мысль о том, что омонимия, вопреки мнению некоторых ученых, отнюдь не является негативным для языка явлением, а выполняет крайне важную функцию: наравне с полисемией служит для реализации кардинальной антиномии языка, которая заключается в ограниченности языковых средств и безграничности познания (когниции) и коммуникации человека при лимитированности его оперативной и долговременной памяти.

5. Глубинные семантико-синтаксические структуры, в которых предлог

выполняет конструктивную функцию, изоморфны ментальным структурам: синтаксемы и речевые словосочетания изоморфны **многомерным релятивным концептам**, а предикатно-аргументная структура пропозиции (во взаимодействии с субъектно-предикатной) – **категории** как основной форме знания.

6. Проведенный анализ функционально-синтаксической омонимии первичных простых предлогов свидетельствует о перспективности выбранного подхода к изучению не только первичных простых предлогов, но и всего класса предлогов, а также свидетельствует о значительном эвристическом потенциале функционально-семиологической категоризации и пропозиции как лингво-когнитивной модели.

7. Все поставленные в диссертации задачи решены, а гипотеза получила подтверждение.

8. Ближайшие перспективы исследования мы видим в возможности анализа семантико-функциональных свойств омонимии предлогов без ограничений, накладываемых на материал в настоящем исследовании (имеем в виду ограничения, связанные с выбранным подклассом предлогов, типом словосочетаний, структурной схемой высказываний, типом глагольных предикатов, синхронным характером исследования и т.д.).

Дальнейшие перспективы связаны с диахронными исследованиями изучаемого подкласса предлогов, сопоставительным изучением на материале других языков, а также экспериментальными исследованиями в области психолингвистики и нейролингвистики. В целом эвристический потенциал и значимость изучаемой категории еще далеко не исчерпаны, поскольку в данном исследовании проблема категории функционально-синтаксической омонимии решена в пределах цели и задач работы с позиции прототипичности и вариантности/инвариантности.

Библиография

I. Список научной литературы

1. *Абаев, В.И.* О подаче омонимов в словаре / В.И. Абаев // Вопросы языкознания. – 1957. – № 3. – С. 31-43.
2. *Абдуразаков, М.А.* Семантическая структура высказывания (семантические типы субъектов и предикатов) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Абдуразаков Мухаммат Аббасович. – М., 1985. – 35 с.
3. *Авдина, А.И.* Лексико-грамматическая омонимия предлогов в составе конструкций «предлог C^1 + имя существительное в родительном падеже», «предлог C^2 + имя существительное в винительном падеже», «предлог C^3 + имя существительное в творительном падеже» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Авдина Анастасия Ивановна. – Челябинск, 2014. – 217 с.
4. *Алексеева, Л.М.* Термин и метафора / Л.М. Алексеева. – Пермь : Пермск. ун-т, 1998. – 250 с.
5. *Алефиренко, Н.Ф.* «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии : монография / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
6. *Алефиренко, Н.Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Academia, 2002. – 394 с.
7. *Алефиренко, Н.Ф.* Современные проблемы науки о языке : учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта, 2014. – 416 с.
8. *Алимурадов, О.А.* Смысл. Концепт. Интенциональность : монография. – Пятигорск : Пятигорск. гос. лингвист. ун-т, 2003. – 312 с.
9. *Алпатов, В.М.* История лингвистических учений : учебное пособие / В.М. Алпатов. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 368 с.
10. *Амосова, Н.Н.* Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 208 с.
11. *Андреев, Н.Д.* Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении / Н.Д. Андреев. – Л. : Наука, 1967. – 403 с.
12. *Анисимова, Н.П.* У истоков французской семантики: Мишель Бреаль / Н.П. Анисимова // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и

образовании. – 2012. – С. 1-5.

13. *Апресян, Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю.Д. Апресян. – М. : Просвещение, 1966. – 302 с.

14. *Апресян, Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 367 с.

15. *Арапов, М.В.* Квантитативная лингвистика / М.В. Арапов. – М. : Наука, 1988. – 184 с.

16. *Арват, Н.Н.* Компонентный анализ семантической структуры простого предложения : текст лекций / Н.Н. Арват. – Черновцы : Черновиц. гос. ун-т, 1976. – 68 с.

17. *Аристотель.* Сочинения : в 4-х томах / Аристотель. – М. : Мысль, 1978. – Т. 2. – 687 с.

18. *Арутюнова, Н.Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.

19. *Арутюнова, Н.Д.* Семантическое согласование и интерпретация предложения / Н.Д. Арутюнова // Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. – 1974. – С. 158-171.

20. *Арутюнова, Н.Д.* Синтаксис / Н.Д. Арутюнова // Общее языкознание. Внутренняя структура языка; отв. ред. Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1972. – С. 259-339.

21. *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.

22. *Ахманова, О.С.* О точных методах исследования языка / О.С. Ахманова, И.А. Мельчук, Е.В. Падучева, Р.М. Фрумкина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 162 с.

23. *Ахманова, О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – 2-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2004 (1957). – 296 с.

24. *Бабайцева, В.В.* Система членов предложения в современном русском языке / В.В. Бабайцева. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 496 с.

25. *Бабенко, Л.Г.* Глаголы комплексной полипропозитивной семантики /

Л.Г. Бабенко // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой; под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. – С. 30-45.

26. *Бабенко, Л.Г.* Денотативное пространство русского глагола: аспекты и перспективы изучения / Л.Г. Бабенко // Денотативное пространство русского глагола: Материалы IX Кузнецовских чтений; под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. – С. 3-11.

27. *Бабенко, Л.Г.* Общее и специфическое в процедурах категоризации и классификации лексики разной семантико-грамматической природы / Л.Г. Бабенко // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 7. – С. 69-77.

28. *Бабина, Т.П.* К вопросу о семантическом субъекте / Т.П. Бабина, В.А. Белошапкова // Филологические науки. – 1984. – № 1. – С. 29-34.

29. *Баженова, Е.А.* Текст с позиции речеведения / Е.А. Баженова // Стереотипность и творчество в тексте. – 2010. – Вып. 14. – С. 42-50.

30. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 416 с.

31. *Балли, Ш.* Французская стилистика / Ш. Балли; пер. с фр. : К.А. Долинин. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.

32. *Барабаш, О.В.* Подходы к пониманию феномена полисемии / О.В. Барабаш // Вестник Пензенского государственного университета. Серия: Языкознание и литературоведение, 2015-а. – № 1 (9). – С. 88-92.

33. *Барабаш, О.В.* Разграничение омонимии и полисемии юридических терминов / О.В. Барабаш // Rhema. Рема, 2015-б. – № 2. – С. 39-51.

34. *Баранов, А.Н.* Введение в прикладную лингвистику : учебное пособие / А.Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.

35. *Бахтин, М.М.* Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.

36. *Бацевич, Ф.С.* Функционально-отражательное изучение лексики: теоретические и практические аспекты (на материале русского глагола) : текст лекций / Ф.С. Бацевич. – Львов : Изд-во Львов. ун-та, 1993. – 170 с.

37. *Бейкер, М.К.* Атомы языка: грамматика в темном поле сознания / М.К. Бейкер; пер. с англ. : В.В. Кадина [и др.]. – М. : УРСС, 2008. – 266 с.
38. *Белау, М.Ю.* Глагольная таксономическая модель концепта «Самостоятельное перемещение субъекта» в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Белау Максим Юрьевич. – Тамбов, 2009. – 19 с.
39. *Беловольская, Л.А.* Синтаксис словосочетания и простого предложения : конспекты лекций / Л.А. Беловольская. – Таганрог, 2001. – 55 с.
40. *Белошапкова, В.А.* Современный русский язык / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская [и др.]. – М. : Азбуковник, 1997. – 926 с.
41. *Белошапкова, Т.В.* Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке / Т.В. Белошапкова. – М. : КомКнига, 2008. – 336 с.
42. *Беляевская, Е.Г.* Семантика в трех парадигмах лингвистического знания: критерии выбора метода / Е.Г. Беляевская // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. – 2008. – С. 64-81.
43. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист; пер. с фр. : Ю.Н. Караулов [и др.] – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
44. *Бенвенист, Э.* Уровни лингвистического анализа / Э. Бенвенист // Новое в лингвистике. – 1965. – Вып. IV. – С. 434-449.
45. *Березин, Ф.М.* Общее языкознание : учебное пособие / Ф.М. Березин, Б.Н. Головин. – М. : Просвещение, 1979. – 416 с.
46. *Беседина, Н.А.* Роль морфологических категорий в организации языка как когнитивной системы / Н.А. Беседина // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 7. – С. 363-371.
47. *Биньковская, М.В.* Особенности семантики и функционирования непроеизводных лексических предлогов, оформляющих родительный падеж (по материалам государственного архива Челябинской области) / М.В. Биньковская. – Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2006. – № 6. – С. 5-13.

48. *Богданов, В.В.* Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.
49. *Бодуэн де Куртенэ, И.А.* Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 376 с.
50. *Болдырев, Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н.Н. Болдырев. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Р.Г. Державина, 2014. – 236 с.
51. *Болдырев, Н.Н.* Когнитивный подход к изучению глагола и глагольных категорий / Н.Н. Болдырев // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. – 2000. – С. 16-35.
52. *Бондарко, А.В.* Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/вариативность / А.В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – СПб. : Наука, 2003. – 397 с.
53. *Бондарко, А.В.* Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А.В. Бондарко. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – 260 с.
54. *Бор, Н.* О понятиях причинности и дополнительности / Н. Бор // Избранные научные труды. – М. : Наука, 1971. – Т. 2. – С. 391-398.
55. *Бороздина, И.С.* Семантика пространственных предлогов (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Бороздина Ирина Сергеевна. – Курск, 2003. – 219 с.
56. *Булаховский, Л.А.* Из жизни омонимов / Л.А. Булаховский // Русская речь. – 1928. – Вып. 3. – С. 47-60.
57. *Булыгина, Т.В.* Языковая концептуализация мира / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
58. *Васильев, Л.М.* Значение в его отношении к системе языка : учебное пособие / Л.М. Васильев. – Уфа, 1985. – 61 с.
59. *Виноградов, В.В.* Исследования по русской грамматике. Избранные труды / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – 559 с.
60. *Виноградов, В.В.* Лексикология и лексикография. Избранные труды /

В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.

61. *Виноградов, В.В.* Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках / В.В. Виноградов // Славянское языкознание (VI международный съезд славистов). – 1968. – С. 53-120.

62. *Виноградов, В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М. : Русский язык, 2001 (1947). – 720 с.

63. *Виноградова, Е.В.* Морфосинтаксическая парадигма предлогов и их эквивалентов в украинском и русском языках: сравнительный аспект / Е.В. Виноградова, А.В. Ситарь. – 2006. – № 82. – Т. 1. – С. 60-62.

64. *Волошина, И.С.* Модель электронного переводного словаря-справочника естественнонаучных омонимичных терминов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / Волошина Ирина Сергеевна. – Тюмень, 2016. – 21 с.

65. *Всеволодова, М.В.* Грамматика славянского предлога. Первые результаты межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» / М.В. Всеволодова // Польский язык среди других славянских языков. – 2004. – С. 30-38.

66. *Всеволодова, М.В.* К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога / М.В. Всеволодова, Е.В. Клобуков, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2003. – № 2. – С. 17-59.

67. *Всеволодова, М.В.* Поля, категории и концепты в грамматической системе языка / М.В. Всеволодова // Вопросы языкознания. – 2009. – № 3. – С. 76-99.

68. *Всеволодова, М.В.* Система морфосинтаксических типов русских предлогов / М.В. Всеволодова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2012. – № 5. – С. 30-78.

69. *Высоцкая, И.В.* Лексико-грамматическое описание омокомплекса *ПРОСТО* / И.В. Высоцкая // Филологические науки. – 1999. – № 2. – С. 71-77.

70. *Высоцкая, И.В.* Синкретизм в системе частей речи современного русского языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Высоцкая Ирина Всеволодовна. – М.,

2006. – 252 с.

71. *Гак, В.Г.* Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1973. – С. 349-372.

72. *Гак, В.Г.* О семантической относительности языковых единиц / В.Г. Гак // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. – 1974. – С. 24-26.

73. *Гак, В.Г.* Люсьен Теньер и его структурный синтаксис / В.Г. Гак // Вступительная статья к: Л. Теньер. Основы структурного синтаксиса. – М. : Прогресс, 1988. – С. 4-12.

74. *Гак, В.Г.* Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 763 с.

75. *Галстян, С.А.* Функционально-семантическое поле предлога в структуре языка (на материале испанского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Галстян Сона Артуровна. – М., 2016. – 200 с.

76. *Герд, А.С.* Прикладная лингвистика / А.С. Герд. – Изд-во СПбГУ, 2005. – 268 с.

77. *Головин, Б.Н.* Язык и статистика / Б.Н. Головин. – М : Просвещение, 1970. – 190 с.

78. *Головня, А.И.* Омонимия как системная категория языка : монография / А.И. Головня. – Минск : Изд-во БГУ, 2007. – 132 с.

79. *Гринберг, Дж.* Антропологическая лингвистика / Дж. Гринберг; пер. с англ. : В.П. Мурат. – М. : УРСС, 2004. – 224 с.

80. *Гринберг, Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике. – 1963. – Вып. 3. – С. 60-94.

81. *Гумбольдт, фон В.* Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.

82. *Гун, Ц.* Предлог как служебная часть речи в современном русском языке и как объект лингвистического исследования / Ц. Гун // Научные тенденции: Филология, культурология, искусствоведение. – 2017. – С. 8-13.

83. *Даниленко, В.П.* Методы лингвистического анализа / В.П. Даниленко. –

М. : Флинта : Наука, 2011. – 280 с.

84. *Демьянков, В.З.* Что такое когнитивная лингвистика? / В.З. Демьянков // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии. – 2010. – С. 71-82.

85. *Денисов, П.Н.* Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка / П.Н. Денисов // Слово в грамматике и словаре. – М. : Наука, 1984. – С. 142-158.

86. *Ельмслев, Л.* Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. – 1960. – Вып. 1. – С. 264-389.

87. *Есперсен, О.* Философия грамматики / О. Есперсен; пер. с англ. : В.В. Пассек и С.П. Сафронова. – М. : УРСС, 2006. – 408 с.

88. *Задорожный, М.И.* О границах полисемии и омонимии / М.И. Задорожный. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 71 с.

89. *Зализняк, Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления / Анна А. Зализняк. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 671 с.

90. *Захаров, В.П.* Корпусная лингвистика : учебное пособие / В.П. Захаров, С.Ю. Богданова. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 161 с.

91. *Захаров, В.П.* Поисковые системы Интернета как инструмент лингвистических исследований / В.П. Захаров // Русский язык в Интернете. – 2003. – С. 48-59.

92. *Звегинцев, В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. – М. : УРСС, 2007. – 312 с.

93. *Звегинцев, В.А.* Мысли о лингвистике / В.А. Звегинцев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 336 с.

94. *Золотова, Г.А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М. : Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 524 с.

95. *Золотова, Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.

96. *Золотова, Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка /

Г.А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 352 с.

97. *Иванов, Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему / Вяч. Вс. Иванов. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.

98. *Казарин, Ю.В.* Абстрактные, социально-обобщенные и конкретные глаголы и их место в системе лексико-семантических групп русских глаголов / Ю.В. Казарин // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой; под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. – С. 69-100.

99. *Какваева, С.Б.* Субстантивные словосочетания в лакском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Какваева Сабрина Бастаминовна. – Махачкала, 2007. – 148 с.

100. *Камынина, А.А.* О подчинительных связях слов в простом предложении : учебное пособие / А.А. Камынина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 44 с.

101. *Караулов, Ю.Н.* Словарные категории / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1988. – 222 с.

102. *Карлинский, А.Е.* Методология и парадигмы современной лингвистики / А.Е. Карлинский. – Алматы, 2009. – 353 с.

103. *Карцевский, С.О.* Об асимметричном дуализме языкового знака / С.О. Карцевский // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – 3-е изд., доп. – М. : Просвещение, 1965. – Т. 2. – С. 85-93.

104. *Касевич, В.Б.* Конструкции с предикатными актантами / В.Б. Касевич, В.С. Храковский // Категории глагола и структура предложения: конструкции с предикатными актантами. – Л. : Наука, 1983. – С. 5-27.

105. *Кацнельсон, С.Д.* Общее и типологическое языкознание / С.Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1986. – 320 с.

106. *Кацнельсон, С.Д.* Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 213 с.

107. *Качурин, Д.В.* Проблема разграничения омонимии и полисемии применительно к практике составления толковых словарей / Д.В. Качурин //

Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2014. – Т. 73. – № 2. – С. 44-53.

108. *Кибрик, А.Е.* Константы и переменные языка / А.Е. Кибрик. – СПб. : Алетейя, 2003. – 719 с.

109. *Кибрик, А.Е.* Очерки по прикладным и общим вопросам языкознания / А.Е. Кибрик. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 336 с.

110. *Ким, О.М.* Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке / О.М. Ким. – Ташкент : Фан, 1978. – 227 с.

111. *Клепикова, Т.А.* Семантика глагола и когнитивная модель ситуации / Т.А. Клепикова // Когнитивные исследования языка. – 2009. – № 2. – С. 295-302.

112. *Кожина, М.Н.* Проблемы специфики и системности функциональных стилей речи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Кожина Маргарита Николаевна. – М., 1970. – 40 с.

113. *Кожина, М.Н.* Речеведение и функциональная стилистика : вопросы теории / М.Н. Кожина. – Пермь : Изд-во Пермск. гос. ун-та, 2002. – 475 с.

114. *Кожина, М.Н.* Речеведческий аспект теории языка / М.Н. Кожина // *Stylistyka*. – 1998. – Т. VII.

115. *Кожина, М.Н.* Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 464 с.

116. *Колосова, Т.А.* Очерки по теории сложного предложения / Т.А. Колосова, М.И. Черемисина. – Новосибирск : Наука СО, 1987. – 197 с.

117. *Колыханова, Е.Б.* О толковании функциональных омонимов в словарях русского языка / Е.Б. Колыханова // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка. – 1988. – С. 110-116.

118. *Комарова, З.И.* Гармония/дисгармония терминов в русском научном дискурсе в аспекте гармонизации / З.И. Комарова // Язык и культура. – 2008-а. – С. 61-86.

119. *Комарова, З.И.* Категория темпоральности на шкале исторического времени: язык – общество – культура / З.И. Комарова, С.М. Калинин // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. – 2019. – № 4 (426). – Вып. 116. – С. 89-99.

120. *Комарова, З.И.* Лексическая омонимия в общенародном языке и подъязыках (LSP) национальных языков / З.И. Комарова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2018. – № 4. – С. 95-105.

121. *Комарова, З.И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике / З.И. Комарова. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 820 с.

122. *Комарова, З.И.* Проблемы языка науки / З.И. Комарова // Актуальные проблемы романистики, германистики и русистики. – 2010-а. – Ч. 1. – С. 7-23.

123. *Комарова, З.И.* Репрезентация категории партитивности в статике и динамике (в русском и английском языках) : монография / З.И. Комарова, А.С. Дедюхина. – Екатеринбург : Изд-во Уральского федерального университета, 2010-б. – 318 с.

124. *Комарова, З.И.* Семантические проблемы русской отраслевой терминологии : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Комарова Зоя Ивановна. – Екатеринбург, 1991. – 402 с.

125. *Комарова, З.И.* Специфика лексической омонимии в подъязыках современной науки / З.И. Комарова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2017-а. – С. 90-96.

126. *Комарова, З.И.* Теоретико-методологические основы изучения функционально-грамматической омонимии первообразных предлогов в русском общезыковом дискурсе / З.И. Комарова, А.А. Ширшикова // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2017-б. – № 4. – С. 42-47.

127. *Комарова, З.И.* Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование / З.И. Комарова, С.В. Краев. – Екатеринбург : Уральское литературное агентство, 2008-б. – 304 с.

128. *Косериу, Э.* Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу; пер. с исп. : И.А. Мельчук. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 206 с.

129. *Котюрова, М.П.* Речевая системность (К развитию понятия) / М.П. Котюрова // Стереотипность и творчество в тексте. – 2013. – Вып. 17. – С. 27-44.

130. *Котюрова, М.П.* Функциональная стилистика – толерантное научное

направление / М.П. Котюрова // Стереотипность и творчество в тексте. – 2008. – Вып. 12. – С. 5-11.

131. Крейдлин, Г.Е. О лексикографическом описании служебных слов русского языка / Г.Е. Крейдлин, А.К. Поливанова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 1. – С. 106-120.

132. Крейдлин, Г.Е. Служебные и строевые слова / Г.Е. Крейдлин // Семантика служебных слов. – 1982. – С. 106-113.

133. Кривонос, Е.А. Синтаксическая омонимия и некоторые подходы к ее разрешению при автоматическом анализе текста / Е.А. Кривонос // Русский язык: система и функционирование. – 2006. – Ч. 2. – С. 142-145.

134. Кронгауз, М.А. Семантика / М.А. Кронгауз. – М. : Академия, 2005. – 352 с.

135. Кручинкина, Н.Д. Категориальное пропозитивное семантико-грамматическое оформление концептуализации прототипов событий / Н.Д. Кручинкина // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 7. – С. 386-396.

136. Кубик, М. Русский язык глазами лингвиста-слависта / М. Кубик. – Praha, 1977. – 257 с.

137. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка : когнитивные исследования / Е.С. Кубрякова. – М. : Знак, 2012. – 203 с.

138. Кубрякова, Е.С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Доклады VIII Международной конференции «Структура и семантика художественного текста». – 1999. – С. 186-197.

139. Кубрякова, Е.С. Вступительное слово к «круглому столу» / Е.С. Кубрякова // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания: материалы «круглого стола». – 2000. – С. 3-10.

140. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М. : Институт языкознания РАН, 1997. – 331 с.

141. Кубрякова, Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

142. Кузнецова, Э.В. Лексикология современного русского языка /

Э.В. Кузнецова. – М. : Просвещение, 1982. – 320 с.

143. *Кузнецова, Э.В.* Семантическая модель предложения с предикатами типа *считать* и способы ее реализации / Э.В. Кузнецова // Деривация и история языка. – 1985. – С. 24-26.

144. *Кузнецова, Э.В.* Особенности реализации модели предложений с глагольными предикатами типа *считать* / Э.В. Кузнецова // Классы слов в синтагматическом аспекте. – Свердловск, 1988.

145. *Кузнецова, Э.В.* Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Кузнецова Эра Васильевна. – М., 1974. – 27 с.

146. *Курилович, Е.* Проблема классификации падежей / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. – 456 с.

147. *Лабов, У.* Структура денотативного значения / У. Лабов // Новое в зарубежной лингвистике. – 1983. – Вып. 14. – С. 123-148.

148. *Лакофф, Дж.* Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – Вып. 23. – С. 12-51.

149. *Левицкий, Ю.А.* Основы теории синтаксиса / Ю.А. Левицкий. – М. : УРСС, 2002. – 236 с.

150. *Леонтович, О.А.* Методы коммуникативных исследований / О.А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2011. – 224 с.

151. *Леонтьева, Н.Н.* Смысловые отношения, передаваемые русскими предлогами / Н.Н. Леонтьева // SLAVICA, IX. – 1969. – С. 15-63.

152. *Лещёва, Л.М.* Лексическая полисемия в когнитивном аспекте / Л.М. Лещёва. – М. : Языки славянской культуры : Знак, 2014. – 256 с.

153. *Лингвистические исследования.* Функционально-семантические аспекты грамматики // под ред. А.М. Мухина. – М. : Институт языкознания АН СССР, 1987. – 224 с.

154. *Логачёва, И.С.* Языковая омонимия: многообразие подходов и оценок / И.С. Логачёва // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – С. 53-55.

155. *Лузина, Л.Г.* О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания / Л.Г. Лузина // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. – 2008. – С. 40-48.
156. *Лурия, А.Р.* Язык и сознание / А.Р. Лурия. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 335 с.
157. *Макаев, Э.А.* Общая теория сравнительного языкознания / Э.А. Макаев. – М. : Наука, 1977. – 205 с.
158. *Макаров, М.Л.* Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
159. *Манаенко, Г.Н.* Пропозиция как семантическая структура знания / Г.Н. Манаенко // Язык. Текст. Дискурс. – 2010. – Вып. 8. – С. 53-68.
160. *Манерко, Л.А.* Сложноструктурное субстантивное словосочетание. Когнитивно-дискурсивный аспект. На материале технической литературы современного английского языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Манерко Лариса Александровна. – М., 2001. – 425 с.
161. *Маркарова, Т.С.* Глагольно-именные сочетания с предлогом *О* / Т.С. Маркарова // Русский язык в школе. – 1984. – № 2. – С. 87-89.
162. *Маслова, В.А.* Homo linguales в культуре / В.А. Маслова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с.
163. *Маслова, В.А.* Лингвокультурология : учебное пособие / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 183 с.
164. *Маслова, В.А.* Современные направления в лингвистике / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2008. – 272 с.
165. *Мечковская, Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура : учебное пособие / Н.Б. Мечковская. – М. : Академия, 2004. – 432 с.
166. *Мещанинов, И.И.* Понятийные категории в языке / И.И. Мещанинов // Труды Военного института иностранных языков. – 1945. – № 1. – С. 5-15.
167. *Мещанинов, И.И.* Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов. – Л. : Наука, 1978. – 387 с.
168. *Мигирин, В.Н.* Грамматика, логика, философия в их связях и

взаимодействиях / В.Н. Мигирин. – Кишинев : Инесса, 2002. – 256 с.

169. *Мигирин, В.Н.* Очерки по теории процессов переходности в русском языке / В.Н. Мигирин. – Бельцы, 1971. – 199 с.

170. *Милованова, Л.А.* Семантико-грамматические свойства и отношения предлога $3A^1$, оформляющего винительный падеж, и предлога $3A^2$, оформляющего творительный падеж, в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Милованова Любовь Анатольевна. – Челябинск, 2009. – 262 с.

171. *Млинарлова, Б.* Употребление комплексов частиц в газетном дискурсе / Б. Млинарлова, М.П. Котюрова // Вестник Томского университета, 2018-а. – № 6. – С. 24-30.

172. *Млинарлова, Б.* Семантика и функции частиц в современных газетных статьях на русском языке в дискурсивном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Млинарлова Барбора. – Пермь, 2018-б. – 19 с.

173. *Мокир, Дж.* Общество знания: теоретические и исторические основы / Дж. Мокир; перев. с англ. : А.А. Курышева // Экономический Вестник Ростовского государственного университета, 2004. – № 1. – Т. 2. – С. 10-37.

174. *Москальская, О.И.* Вопросы синтаксической семантики / О.И. Москальская // Вопросы языкознания. – 1977. – № 2. – С. 45-57.

175. *Налимов, В.В.* Характеристики языковых систем / В.В. Налимов // Вероятностная модель языка: о соотношении естественных и искусственных языков. – М. : Томск : Водолей Publishers, 2003. – С. 46-71.

176. *Нефёдова, Л.А.* Когнитивно-деятельностный аспект имплицативной коммуникации / Л.А. Нефедова. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2001. – 151 с.

177. *Никитин, В.М.* Основания когнитивной семантики: учебное пособие / В.М. Никитин. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 277 с.

178. *Новиков, Л.А.* Избранные труды / Л.А. Новиков. – М. : Изд-во РУДН, 2001. – Т. 1. Проблемы языкового значения. – 672 с.

179. *Новиков, Л.А.* Омонимия имен существительных в современном русском литературном языке, возникающая в результате распада полисемии и связанная с категорией числа : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Новиков Лев

Алексеевич. – М., 1961. – 18 с.

180. *Новиков, Л.А.* Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – М. : Высшая школа, 1982. – 272 с.

181. *Норман, Б.Ю.* Теория языка. Вводный курс : учебное пособие. – Б.Ю. Норман. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 296 с.

182. *Общее языкознание: Внутренняя структура языка* / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1972. – 564 с.

183. *Остин, Дж. Л.* Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17. – С. 22-129.

184. *Падучева, Е.В.* В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы / Е.В. Падучева // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1995. – Т. 54. – № 3. – С. 39-48.

185. *Пазова, Л.А.* К вопросу о полных и неполных омонимах / Л.А. Пазова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2010. – Вып. 1. – С. 99-103.

186. *Панков, Ф.И.* К вопросу о парадигматике неизменяемых классов слов / Ф.И. Панков // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2008. – Вып. 2. – С. 5-14.

187. *Пантелеева, Т.А.* Семантико-грамматическая структура предлога *НА*¹, оформляющего винительный падеж, и предлога *НА*², оформляющего предложный падеж, в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Пантелеева Татьяна Александровна. – Челябинск, 2006. – 245 с.

188. *Пауль, Г.* Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. – 499 с.

189. *Перцов, Н.В.* Инварианты в русском словоизменении / Н.В. Перцов. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 280 с.

190. *Пешковский, А.М.* Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.

191. *Пильх, Г.* Язык или языки? Предмет изучения лингвиста / Г. Пильх // Вопросы языкознания. – 1994. – № 2. – С. 5-28.

192. *Пинкер, С.* Язык как инстинкт / С. Пинкер; пер. с англ. :

Е.В. Кайдалова. – М. : Либроком, 2009. – 456 с.

193. *Пиотровский, Р.Г.* Математическая лингвистика : учебное пособие / Р.Г. Пиотровский, К.Б. Бектаев, А.А. Пиотровская. – М. : Высшая школа, 1977. – 383 с.

194. *Плотникова, А.М.* Глаголы с включенной актантной рамкой / А.М. Плотникова // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой; под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. – С. 45-69.

195. *Плунгян, В.А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В.А. Плунгян // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2 (16). – С. 7-20.

196. *Плунгян, В.А.* По поводу «локалистской» концепции значения: предлог *ПОД* / В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина // Исследования по семантике предлогов. – 2000. – С 115-133.

197. *Поликарпов, А.А.* О системном соотношении краткого и среднего толковых словарей русского языка / А.А. Поликарпов, О.С. Крюкова // Ученые записки Тартуского университета. – 1989. – Вып. 872. – С. 111-125.

198. *Поликарпов, А.А.* Полисемия: системно-квантитативные аспекты / А.А. Поликарпов // Ученые записки Тартуского университета. – 1987. – Вып. 774. – С. 135-154.

199. *Попова, З.Д.* Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2010. – 314 с.

200. *Попова, З.Д.* Общее языкознание : учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ЦЧКИ, 2004. – 208 с.

201. *Попова, З.Д.* Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 191 с.

202. *Попова, З.Д.* Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.

203. *Потебня, А.А.* Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – М. : Учпедгиз, 1958. – Ч. 1-2. – 536 с.

204. *Пражский лингвистический кружок* : сборник статей. – М. : Прогресс, 1967. – 558 с. (Сокращ. – ПЛК 1967).

205. *Пумпянский, А.Л.* Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе / А.Л. Пумпянский. – М. : Наука, 1974. – 246 с.

206. *Радзиховская, В.К.* Феномен мысле-рече-языкового единства: По материалам словаря В.И. Даля / В.К. Радзиховская // Отечественная лексикография – школе : материалы межвузовской научно-практической конференции. – 2001. – С. 73-77.

207. *Разумов, О.С.* Системные знания: концепция, методология, практика / О.С. Разумов, В.А. Благодатских. – М. : Финансы и статистика, 2006. – 400 с.

208. *Рахилина, Е.В.* Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты / Е.В. Рахилина // Семиотика и информатика. – 1998. – Вып. 36. – С. 274-323.

209. *Савченко, А.Н.* Части речи как грамматические и лексико-грамматические классы слов в индоевропейских языках / А.Н. Савченко // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. – 1968. – С.185-191.

210. *Селиверстова, О.Н.* Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия / О.Н. Селиверстова // Труды по семантике. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 719-945.

211. *Селиверстова, О.Н.* Семантические типы предикатов / Т.В. Бурлыгина, О.Н. Селиверстова, Н.А. Ишевская [и др.]. – М. : Наука, 1982. – 370 с.

212. *Серебренников, Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка / Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1983. – 320 с.

213. *Серебренников, Б.А.* Принципы описания языков мира / Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1976. – 343 с.

214. *Сёрл, Дж. Р.* Что такое речевой акт / Дж. Р. Сёрл // Философия языка. – М. : Эдиториал УРСС, 2010. – С. 56-74.

215. *Сидоренко, Е.Н.* Функциональные омонимы в лексикографической практике (на материале русского языка) / Е.Н. Сидоренко, И.Я. Сидоренко //

Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 60. – Т. 3. – С. 18-22.

216. *Сидорова, М.Ю.* Грамматика современной русской поэзии: линеаризация и синтаксические техники / М.Ю. Сидорова, А.А. Липгарт // Мир русского слова. – 2018. – № 3. – 52-71.

217. *Синельникова, Л.Н.* Современный научный дискурс (рассуждения с пристрастием) / Л.Н. Синельникова. – Информационный вестник Форума русистов Украины. – 2003. – Вып. 6. – С. 3-15.

218. *Смирницкий, А.И.* Некоторые замечания по английской омонимике / А.И. Смирницкий // Иностранные языки в школе. – 1948. – № 5. – С. 10-15.

219. *Смирницкий, А.И.* Синтаксис английского языка / А.И. Смирницкий. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1957. – 284 с.

220. *Солоницкий, А.В.* Проблемы семантики русских первообразных предлогов : монография / А.В. Солоницкий. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2003. – 126 с.

221. *Сорокина, Т.С.* Функциональные основы теории грамматической синонимии / Т.С. Сорокина // Вопросы языкознания. – 2003. – № 3. – С. 92-112.

222. *Соссюр, Ф. де.* Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.

223. *Соссюр, Ф. де.* Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 695 с.

224. *Стародумова, Е.А.* Синтаксис современного русского языка / Е.А. Стародумова. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2005. – 142 с.

225. *Стеблин-Каменский, М.И.* Спорное в языкознании / М.И. Стеблин-Каменский. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 142 с.

226. *Степанов, Ю.С.* Индоевропейское предложение / Ю.С. Степанов. – М. : Наука, 1989. – 248 с.

227. *Степанов, Ю.С.* К универсальной классификации предикатов / Ю.С. Степанов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Т. 39. – Вып. 4. – 1980. – С. 311-323.

228. *Степанов, Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики /

Ю.С. Степанов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 312 с.

229. *Стойнович, А.* К общим закономерностям диффузии стилей / А. Стойнович // Стереотипность и творчество в тексте. – 2004. – Вып. 7. – С. 58-95.

230. *Сулименко, Н.Е.* Жанровая система как «образ времени»: полидискурсивность современных текстов массмедиа / Н.Е. Сулименко // Медиалингвистика. – 2014. – № 3. – С. 44-48.

231. *Сусов, И.П.* Введение в теоретическое языкознание / И.П. Сусов. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 379 с.

232. *Сусов, И.П.* История языкознания / И.П. Сусов. – М. : АСТ, 2006. – 295 с.

233. *Сусов, И.П.* Семантическая структура предложения / И.П. Сусов. – Тула : Тульский госпединститут, 1973. – 133 с.

234. *Табанакова, В.Д.* Омонимичность естественно-научного термина в дискурсе и словаре / В.Д. Табанакова, И.С. Трифонова. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2018. – 140 с.

235. *Талми, Л.* Отношение грамматики к познанию / Л. Талми // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 1999. – № 1. – С. 91-115.

236. *Твердохлеб, О.Г.* Принцип дополнительности и динамическое описание «субъектной сферы» / О.Г. Твердохлеб // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика текст (XIV Кузнецовские чтения, посвященные 30-летию кафедры современного русского языка УрГУ). – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 165-167.

237. *Теньер, Л.* Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер; пер. с фр. : И.М. Богуславский [и др]. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.

238. *Теркулов, В.И.* Категория падежа и семантика глагола: грамматический и концептуальный аспекты взаимосвязи / В.И. Теркулов // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 7. – С. 407-416.

239. *Титов, В.Т.* Общая квантитативная лексикология романских языков : монография / В.Т. Титов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 237 с.

240. *Тулдава, Ю.* Проблемы и методы квантитативного исследования

лексики / Ю. Тулдава. – Тарту, Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1987. – 203 с.

241. *Узнадзе, Д.Н.* Психологические исследования / Д.Н. Узнадзе. – М. : Наука, 1966. – 413 с.

242. *Успенский, Б.А.* Часть и целое в русской грамматике / Б.А. Успенский. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 128 с.

243. *Федорчук, Е.В.* Межъязыковая омонимия и паронимия в близкородственных языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Федорчук Елена Васильевна. – М., 2001. – 256 с.

244. *Филипенко, М.В.* Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях / М.В. Филипенко // Исследования по семантике предлогов. – 2000. – С. 12-54.

245. *Филлмор, Ч.* Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – 1981. – Вып. 10. – С. 369-495.

246. *Фурс, Л.А.* Когнитивная основа комбинаторных отношений в синтаксисе / Л.А. Фурс // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 12. – С. 529-535.

247. *Халина, Н.В.* Категория градуальности в словоформе, слове, тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Халина Наталья Васильевна. – Барнаул, 1997. – 58 с.

248. *Хомский, Н.* Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1972. – 129 с.

249. *Чебанов, С.В.* Из истории типологических представлений / С.В. Чебанов, Р.Я. Мартыненко // Структурная и прикладная лингвистика. – 2008. – Вып. 7. – С. 328-389.

250. *Чепасова, А.М.* Лексические и фразеологические предлоги в современном русском языке : учебное пособие / А.М. Чепасова, Т.Г. Голощапова, Н.А. Павлова [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 176 с.

251. *Чепасова, А.М.* Современный русский язык: Таблицы по грамматике : учебное пособие / А.М. Чепасова, А.П. Чередниченко. – М. : Высшая школа, 1999. – 144 с.

252. *Чепасова, А.М.* Фразеология русского языка / А.М. Чепасова. – Челябинск, 1993. – 215 с.
253. *Чейф, У.Л.* Значение и структура языка / У.Л. Чейф; пер. с англ. : Г.С. Щур. – М. : Прогресс, 1975. – 432 с.
254. *Черкасова, Е.Т.* Переход полнозначных слов в предлоги / Е.Т. Черкасова. – М. : Наука, 1967. – 280 с.
255. *Чудинов, А.П.* Многозначность в лексике современного русского языка : монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 1999. – 443 с.
256. *Чудинов, А.П.* Регулярное семантическое варьирование русской глагольной лексики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Чудинов Анатолий Прокопьевич. – Свердловск, 1990. – 32 с.
257. *Чудинов, А.П.* Современная политическая коммуникация : учебное пособие / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2009. – 292 с.
258. *Чудинова, Е.А.* Широко развитая многозначность в лексике современного русского языка (лингвостатистическое исследование по данным лексикографии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Чудинова Елена Анатольевна. – Екатеринбург, 1998. – 19 с.
259. *Шадрина, Ю.Ю.* Функционирование местоименных прилагательных в русскоязычном и англоязычном дискурсах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Шадрина Юнона Юрьевна. – Екатеринбург, 2010. – 321 с.
260. *Шарандин, А.Л.* Русский глагол: комплексное описание / А.Л. Шарандин. – Тамбов : Изд-во Першина Р.В., 2009. – 586 с.
261. *Шаронов, И.А.* Междометия в языке, в тексте и в коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Шаронов Игорь Алексеевич. – М., 2009. – 38 с.
262. *Шахматов, А.А.* Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 620 с.
263. *Шахова, Е.М.* Предложно-падежные формы имени с первообразными и производными предлогами, совмещающие характеристики нескольких языковых смыслов [Электронный ресурс] / Е.М. Шахова // Universum:

Филология и искусствоведение. – 2014. – № 8 (10). – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1531> (дата обращения: 05.04.2019).

264. *Шведова, Н.Ю.* К спорам о детерминантах (обстоятельственная и обстоятельственная детерминация простого предложения) / Н.Ю. Шведова // Филологические науки. – 1973. – № 5. – С. 66-77.

265. *Шведова, Н.Ю.* Русский язык: Избранные работы / Н.Ю. Шведова. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 640 с.

266. *Шведова, Н.Ю.* Согласование и координация: их свойства и различия / Н.Ю. Шведова // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. – 1971. – С. 312-319.

267. *Шведова, Н.Ю.* Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1968. – № 2. – С. 39-50.

268. *Шобакова, Л.Г.* Конструкция «В + имя существительное в винительном падеже» в современном русском языке: семантика и функционирование : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Шобакова Лариса Геннадьевна. – Челябинск, 2007. – 174 с.

269. *Шиганова, Г.А.* Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Шиганова Галина Александровна. – Челябинск, 2001. – 621 с.

270. *Ширшикова, А.А.* Внутренняя функционально-грамматическая омонимия предлога B^1 , оформляющего винительный падеж, и предлога B^2 , оформляющего предложный падеж, в русском общезыковом дискурсе / А.А. Ширшикова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 11 (89). – Ч. 2. – С. 409-416.

271. *Ширшикова, А.А.* Специфика внешней функционально-грамматической омонимии предлогов в русском общезыковом дискурсе / А.А. Ширшикова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. – № 6 (416). – С. 210-218.

272. *Шмелёв, Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на

материале русского языка) / Д.Н. Шмелёв. – М. : Наука, 1973. – 280 с.

273. *Шмелёва, Т.В.* Семантический синтаксис / Т.В. Шмелёва. – Красноярск : Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1988. – 54 с.

274. *Шмыкалова, И.А.* Производные предлоги *В СВЯЗИ С, ПО ПРИЧИНЕ* и их текстовые парадигмы в аспекте речевой конкуренции : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Шмыкалова Ирина Александровна. – Нижний Новгород, 2015. – 183 с.

275. *Штайн, К.Э.* Пермская научная школа функциональной стилистики / К.Э. Штайн // Стереотипность и творчество в тексте : межвузовский сборник научных трудов. – 2004. – Вып. 7. – С. 6-57.

276. *Шубик, С.А.* Иерархия членов предложения в индоевропейских языках / С.А. Шубик // Категория субъекта и объекта в языках различных типов : сборник статей. – 1982. – С. 125-134.

277. *Шубина, А.А.* Предикат как средство репрезентации категории свойства в научном тексте / А.А. Шубина // Культура и цивилизация. – 2017. – Том 7. – № 6А. – С. 80-87.

278. *Щерба, Л.В.* Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М. : Учпедгиз, 1957. – 188 с.

279. *Энквист, Н.* Стили как стратегия в моделировании текста / Н. Энквист // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1988. – № 4. – С. 329-339.

280. *Юрченко, В.С.* Философия языка и философия языкознания: лингвофилософские очерки / В.С. Юрченко. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 368 с.

281. *Якобсон, Р.О.* Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание / Р.О. Якобсон // Новое в лингвистике. – 1963. – Вып. III. – С. 95-105.

282. *Яхонтов, С.Е.* Служебные слова и морфемы в изолирующих и других языках / С.Е. Яхонтов // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. – 2004. – С. 520-530.

283. *Яценко, Т.А.* Предлог *ради* в аспекте лингвоконцептологии / Т.А. Яценко // Русский язык: исторические судьбы и современность. – 2007. – С. 301-302.

284. *Bréal, M.* Essai de Sémantique (Science des Significations) / M. Bréal. – Paris : Hachette, 1921. – 372 p.
285. *Croft, W.* Syntactic Categories and Grammatical Relations: The Cognitive Organization of Information / W. Croft. – Chicago, 1991. – 331 p.
286. *Huppertz, A.* Bibliography on Prepositions / A. Huppertz // Approaches to Prepositions; G. Rauh (ed.). – Tübingen, 1991.
287. *Langacker, R.* Foundations of Cognitive Grammar. Volume 1. Theoretical Prerequisites / R. Langacker. – Stanford, 1987. – 516 p.
288. *Narloch, A.* Активизация субстантивных предложных словосочетаний в современном русском языке / A. Narloch. – Poznań, 2011. – 117 p.
289. *Polenz, P.* Deutsche Satzsemantik / P. Polenz. – Berlin, 1988. – 389 p.
290. *Talmy, L.* Lexicalization Patterns. Semantic Structure in Lexical Forms / L. Talmy // Language Typology and Syntactic Description. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – Pp. 36-149.

II. Словари и справочники

291. *Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с. (Сокращ. – СЛТ 1969).
292. *Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы* / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М. : АСТ-Пресс Книга, 2005. – 862 с. (Сокращ. – БТСРС 2005).
293. *Большой толковый словарь русского языка* / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с. (Сокращ. – БТС 2000).
294. *Большой энциклопедический словарь* / гл. ред. А.М. Прохоров. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 1456 с. (Сокращ. – БЭС 2002).
295. *Грамматика русского языка: в 2 т.* / отв. ред. В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1960. (Сокращ. – АГ-60).
296. *Грамматика современного русского литературного языка* / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1970. – 768 с. (Сокращ. – АГ-70).
297. *Гребенева, Ю.Н.* Словарь омонимов и омоформ русского языка /

Ю.Н. Гребенева. – М. : Айрис-пресс, 2011. – 352 с.

298. *Засорина, Л.Н.* Частотный словарь русского языка / Л.Н. Засорина. – М. : Русский язык, 1977. – 936 с.

299. *Золотова, Г.А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М. : Едиториал УРСС, 2011. – 440 с. (Сокращ. – СС-2011).

300. *Краткая русская грамматика* / В.Н. Белоусов [и др.]; под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – М. : РАН : Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2002. – 726 с. (Сокращ. – КРГ-2002).

301. *Краткий словарь когнитивных терминов* / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 245 с. (Сокращ. – КСКТ 1997).

302. *Крысин, Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М. : Эксмо, 2007. – 939 с. (Сокращ. – ТСИС 2007).

303. *Лебедев, С.А.* Философия науки: Терминологический словарь / С.А. Лебедев. – М. : Академический Проект, 2011. – 269 с.

304. *Лексико-семантические группы русских глаголов* / под общ. ред. Т.В. Матвеевой. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 153 с.

305. *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с. (Сокращ. – ЛЭС 1998).

306. *Матвеева, Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 562 с. (Сокращ. – ПСЛТ 2010).

307. *Морковкин, В.В.* Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая, Г.Ф. Богачева [и др.]. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – 421 с. (Сокращ. – ОСРЯ 2003).

308. *Обратный словарь русского языка* / гл. ред. М.В. Лазова. – М. : Советская энциклопедия, 1974. – 944 с. (Сокращ. – ОбрСРЯ 1974).

309. *Русская грамматика*: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. (Сокращ. – РГ-80).

310. *Русские глагольные предложения. Экспериментальный синтаксический*

словарь / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 464 с. (Сокращ. – РГП-2002).

311. *Русский язык* : Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – М. : Большая российская энциклопедия, 2003. – 704 с. (Сокращ. – РЯЭ-2003).

312. *Сичинава, Д.В.* Части речи [Электронный ресурс] / Д.В. Сичинава // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. – М., 2011. – Режим доступа: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 02.06.2021).

313. *Словарь русского языка*: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1985–1988. (Сокращ. – МАС).

314. *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1948-1965. (Сокращ. – БАС).

315. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М.Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 696 с. (Сокращ. – СЭСРЯ-2003).

316. *Татаринов, В.А.* Общее терминоведение : Энциклопедический словарь / В.А. Татаринов. – М. : Московский лицей, 2006. – 528 с.

317. *Толковый словарь русских глаголов*: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. – М. : АСТ-Пресс, 1999. – 704 с. (Сокращ. – ТСРГ).

318. *Цейтлин, С.Н.* Язык. Речь. Коммуникация. Междисциплинарный словарь / С.Н. Цейтлин, В.А. Погосян, М.А. Еливанова, Е.И. Шапиро. – СПб. : КАРО, 2006. – 128 с.

319. *Шарков, Ф.И.* Коммуникология : энциклопедический словарь-справочник / Ф.И. Шарков. – М. : Дашков и К°, 2009. – 768 с.

320. *Шаров, С.А.* Частотный словарь современного русского языка / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – М. : Азбуковник, 2009. – 1112 с.

321. *Шведова, Н.Ю.* Русский семантический словарь / Н.Ю. Шведова. – М. : РАН. Институт русского языка, 2002. – Т. 1. – 800 с.

322. *Штейнфельдт, Э.А.* Частотный словарь современного русского литературного языка / Э.А. Штейнфельдт. – Таллин, 1963. – 316 с.

**Место и роль предлога в системе частей речи
в отечественной и зарубежной грамматической традиции**

№	Концепции	Знаменательные слова	Служебные слова
I	II	III	IV
1.	Платон (V век до н.э.)	Нет деления на знаменательные и служебные части речи; выделяется две части речи: имя и глагол.	
2.	Аристотель (IV век до н.э.)	Нет деления на знаменат. и служебн. части речи; выделяется три части речи: имя, глагол, союз (к союзам относятся также артикли, местоимения и связки).	
3.	Стоики (Хрисипп, Кратес Милосский) (III век до н.э.)	Нет деления на знаменат. и служебн. части речи; выделяется пять частей речи: имя собственное, имя нарицательное, глагол, союз, член (соврем. артикль).	
4.	Александрийская эпоха (Аристарх Самофракийский, Дионисий Фракийский) «Грамматика Дионисия Фракийского» (II век до н.э.)	Нет деления на знаменат. и служебн. части речи; выделяется восемь частей речи со значимым порядком следования одной части речи за другой: имя, глагол, причастие, артикль, местоимение, предлог , наречие, союз.	
5.	Римское грамматическое учение (Донат, Присциан) (I век до н.э.)	Сильное влияние греческой культуры; артикль не выделяется ввиду отсутствия артиклей в латинском языке; 8 частей речи: имя, глагол, причастие, местоимение, предлог , наречие, междометие, союз.	
6.	Средневековые лингвистические учения (Петр Гелийский, Уильям Кончийский) (XII-XIII вв.)	Влияние греческого и римского грамматических учений; у П. Гелийского существительное – самая благородная часть речи; первое разграничение имени существительного и прилагательного.	
7.	Славянско-русские грамматики (XIV-XVII вв.)	Реализуется античная грамматическая традиция александрийской эпохи с выделением 8 частей речи.	
8.	Грамматика Уильяма Буллокара – начало истории английских грамматик (1585 г.)	Склоняемые части речи: имя существительное, местоимение, глагол, причастие.	Несклоняемые части речи: наречие, союз, предлог , междометие.

9.	Грамматика Пор-Рояля (А. Арно, К. Лансло) (1660 г.)	Два типа слов: обозначающие объекты мысли (имена, артикли, местоимения, причастия) и форму и образ (глаголы, союзы, междометия). Имена делятся на существительные и прилагательные.	
10.	М.В. Ломоносов («Российская грамматика», 1755 г.)	Имя, глагол.	Местоимение, причастие, наречие, предлог , союз, междометие.
11.	А.А. Барсов («Российская грамматика», (1783-1788)	Восемь частей речи: – по содержанию: для наименования вещей (имена и местоимения), для показания действия (глаголы и причастия), для обозначения обстоятельств (предлог , наречие, союз, междометие); – по форме: изменяемые (имя, местоимение, глагол, причастие) и неизменяемые (предлог , наречие, союз, междометие).	
12.	Грамматика Дж. Брайтленда (XVIII в.)	Существительное, прилагательное, глагол.	Частица (все неизменяемые слова).
13.	Ф.И. Буслаев «Историческая грамматика русского языка» (1818 г.), А.Х. Востоков «Русская грамматика» (1831 г.)	Существительное, прилагательное, глагол.	Предлог , союз, местоимение, числительное, вспомогательные глаголы, местоименные наречия.
14.	А.А. Потебня «Из записок по русской грамматике» (1874 г.) – психологическое направление Харьковской лингвист. школы	Существительное, прилагательное, глагол, наречие.	Союз, предлог , частица, вспомогательные глаголы.
15.	Г. Суит (1898 г.) – первая научная грамматика английского языка	«Изменяемые» части речи: существительное, прилагательное, глагол.	«Неизменяемые» части речи: наречие, предлог , союз, междометие.
16.	Д.Н. Овсяннико-Куликовский «Синтаксис русского языка» (1902 г.) – Харьковская лингвист. школа	Существительное, прилагательное, глагол (кроме связок), причастие, наречие, деепричастие.	1) Незнаменательные ч.р.: предлоги , союзы, отвлеченные глагольные связки (<i>быть</i>); 2) знаменательно-отвлеченные ч.р.: глаголы существования, причастия, деепричастия,

			отглагольные существительные, числительные; 3) малознаменательные ч.р.: местоимения, формальные наречия, конкретные глаголы-связки.
17.	Ф.Ф. Фортунатов «Сравнительное языковедение» (1901- 1902 гг.) – основоположник Московской лингвист. школы	Полные слова: глагол, существительное, прилагательное, инфинитив, наречие.	Частичные слова: предлог , союз, частица, модальные слова, междометия.
18.	В.А. Богородицкий «Очерки по языковедению и русскому языку» (1901 г.) – Казанская лингвист. школа	1) Имеющие собственное значение: а) самостоятельные слова: существительное, прилагательное, глагол; б) подчиненные: числительные, наречия; 2) не имеющие собственного значения: причастие, деепричастие; 3) местоимение – переходное явление между 1-м и 2-м классом;	4) частицы – своего рода «окаменевшие формы»; сюда входят предлоги , союзы и собственно частицы.
19.	А.М. Пешковский «Русский синтаксис в научном освещении» (1928 г.)	1) 4 универсальные категории, существующие во всех языках: существительное, прилагательное, глагол, наречие; 2) «смешанные» категории: причастие, деепричастие, герундий;	3) служебные слова – «это основные синтаксические средства» [Пешковский 1956: 49]: предлоги , союзы; 4) не являются частями речи: местоимение, числительное, междометие.
20.	А.А. Шахматов «Синтаксис русского языка» (1925-1927 гг.)	1) 4 знаменательных ч.р.: существительное, прила- гательное, наречие, глагол; 2) 4 незнаменательных: числительное, местоиме- ние, прилагательное, местоименное наречие;	3) служебные части речи: частицы, предлоги , союзы, связки, префиксы; 4) особая часть речи – междометие.
21.	Л.В. Щерба «Части речи в русском языке»	1) Знаменательные слова: существительное,	2) служебные слова: частицы, предлоги , союзы,

	(1928 г.); увидел в частях речи лексико-грамматические классы	прилагательное, глагол, наречие, местоимение, категория состояния;	союзные слова, связки; 3) особняком стоит междометие.
22.	В.В. Виноградов «Грамматическое учение о слове» (1947 г.) Классификация слов по трём признакам: морфологическому, синтаксическому и семантическому	1) Части речи (члены предложения): существительное, прилагательное, числительное, глагол, наречие, слова категории состояния, местоимение;	2) частицы речи (связочные, служебные слова): предлоги , союзы, частицы; 3) модальные слова; 4) междометия.
23.	О. Есперсен «Философия грамматики» (1958 г.), представитель классической школы грамматики	Изменяемые слова: существительное, прилагательное, местоимение, глагол.	Неизменяемые слова («частицы»): предлоги , союзы, междометия, наречия.
24.	Ч. Фриз «Структура английского языка» (середина XX в.); представитель структурной лингвистики; классификация основана на способностях языковой единицы употребляться в той или иной позиции; морфологические свойства полностью игнорируются	4 главных позиционных класса (form-classes): 1) все слова, способные занять позицию слова <i>concert</i> в предложении <i>The concert was good</i> и слова <i>tax</i> в предложении <i>The clerk remembered the tax</i> ; 2) слова, способные занять позицию слов <i>was</i> , <i>remembered</i> в тех же предложениях; 3) слова, которые могут занять позицию слова <i>good</i> в тех же примерах; 4) слова, которые могут стоять в позиции <i>there</i> в предложении типа <i>The team was there</i> .	15 групп служебных слов (function words, имеют буквенное обозначение): А – слова, способные быть определением или определителем; В – позиция вспомогательных глаголов; С – частица <i>not</i> ; D – интенсификаторы; Е – сочинит. союзы; F – предлоги ; G – вспом. глагол <i>do</i> ; H – <i>there is/are</i> ; I – <i>wh-words</i> ; J – подчинит. союзы; K – частицы; L – слова-предложения <i>Yes/No</i> .; M – сигналы привлечения внимания: <i>Hey! Look here!</i> ; N – <i>please</i> ; O – <i>let's, let us</i> .
25.	Грамматика Р. Куерка, С. Гринбаума, Дж. Лича и Я. Свартвика (1972 г.)	«Открытые» классы слов: существительное, прилагательное, глагол, наречие.	«Закрытые» классы слов: местоимение, предлог , артикль, указательные слова, союз, междометие.

26.	Е.С. Кубрякова «Части речи в ономасиологическом освещении» (1978 г.)	Кардинальные части речи – называющие номинативные знаки.	Обслуживающие знаки: коннекторы (союзы), реляторы (предлоги), негаторы (отрицания).
27.	Ю.А. Левицкий «О маркерах и коннекторах» (1982 г.), «Основы теории синтаксиса» (2002 г.)	Все традиционные части речи, кроме местоимений как «указательных заместительных слов» [Левицкий 2002: 13].	1) Маркеры, т.е. уточняющие слова: маркеры классов слов, предлоги , подчинит. союзы 2) Коннекторы: модальные, вводные слова, сочинит. союзы
28.	Современные грамматики (АГ-1960; АГ-1970; РГ-1980) и энциклопедии русского языка (РЯЭ-1979; РЯЭ-2003)	Традиционная 10-частеречная классификация:	
		1) 6-7 знаменательных частей речи: существительное, прилагательное, числительное, (местоимение), глагол, наречие, слова категории состояния;	2) 3 служебных части речи: предлог , союз, частица; 3) слова вне частей речи: около 0,19% [П. ОбрСРЯ 1974: 941-944].

Приложение 2¹

Словарь терминов по омонимике

Омографы – (от греч. *homos* – одинаковый и *grapho* – пишу), графические омонимы – разные слова, полностью совпадающие по написанию, но не совпадающие по произношению (чаще всего различающиеся ударением): *за́мок*¹ – *замо́к*²; *па́рить*¹ – *парить*² [Шмелёв П. ЛЭС 1998: 345; Матвеева П. ПСЛТ 2010: 264-265].

Омографы лексические – слова, совпадающие в написании в равнозначных грамматических формах: *мука́*¹ – *му́ка*² [Емельянова П. СЭСРЯ 2003: 264].

Омографы лексико-грамматические – слова одной или разных частей речи, совпадающие в написании отдельных неравнозначных форм: *село́*¹ («селение») – *село́*² (глагол прош. вр., ср. рода, ед. числа – *солнце село*) [Емельянова П. СЭСРЯ 2003: 265].

Омографы стилистические – слова одной части речи, совпадающие в написании, но различающиеся произношением и стилистической окраской: *ко́мпас*¹ (литерат.) – *компа́с*² (морск. жарг.) [Емельянова П. СЭСРЯ-2003: 265].

Омокомплексы – лексико-грамматические ряды функциональных омонимов: *просто́*¹ – краткое прилагательное; *просто́*² – наречие; *просто́*³ – частица; *просто́*⁴ –

слово категории состояния [Высоцкая 1999: 71-77].

Оморфемы, омонимичные морфемы – формальное совпадение разных по значению словообразовательных элементов (аффиксов):

- оморфемные суффиксы: суффикс *-л* в русских существительных среднего рода (*шило, точило*) и суффикс *-л* в глаголах прошедшего времени (*шила, мыла, было три часа*) [Виноградов 1975: 301];

- оморфемные приставки: *заработать*¹ («начать работать») и *заработать*² («добыть работой») [Виноградов 1975: 302-303];

- оморфемные непроездовые (первообразные) основы: *мина*¹ (на лице) и *мина*² («снаряд для взрыва») [Виноградов 1975: 303];

- оморфемные флексии: *стена, дома, два, жила* и др.

Омонимика – 1. Раздел лексикологии, изучающий омонимию. 2. Совокупность омонимов какого-либо языка: *омонимика русского языка* [Ахманова И. СЛТ 1969: 287]. 3. Теория омонимии [Смирницкий 1948].

Омонимия (от греч. *homonymia* – одноименность) – формальное (в первую очередь, звуковое) тождество однотипных языковых единиц, различных по значению [Ахманова И. СЛТ 1969: 287; Матвеева И. ПСЛТ 2010: 264].

Омонимия внешняя первичных простых предлогов – тип функционально-синтаксической омонимии, в результате которого возникают оморфы первичных простых предлогов и слов, относящихся к другим частям речи.

Омонимия внутренняя функционально-синтаксическая первичных простых предлогов (предложно-падежная омонимия) – тип омонимии, обусловленный асимметричным дуализмом формы и семантики/функций первичного простого предлога как актуализированного знака и проявляющийся в двух видах: совмещенная (наложная) омонимия и перекрестная омонимия.

Омонимия грамматическая связывает различные по значению морфемы, морфологические классы и синтаксические конструкции тождеством их звучания и написания [Матвеева И. ПСЛТ 2010: 264].

Омонимия перекрестная первичных простых предлогов – вид функционально-синтаксической омонимии, при котором во внутрисловных парадигмах семантики того или иного предлога (в одной либо разных текстовых парадигмах) содержатся как общие, так и одна или несколько разных, омонимичных сем и функций.

Омонимия совмещённая (наложённая) первичных простых предлогов – вид функционально-синтаксической омонимии, при котором одна форма предлога синкретично совмещает в себе несколько (2-3) разных функционально-синтаксических смыслов и функций.

Омонимия синтаксическая наблюдается тогда, когда в словосочетании или предложении можно по-разному установить или интерпретировать синтаксические связи между словами. Например, омонимия объектной и субъектной связи: *перевод Набокова* – 1) «выполненный кем-то перевод произведений Набокова» или 2) «выполненный Набоковым перевод чьих-то произведений» [Кривонос 2006: 142-143].

Омонимия функционально-синтаксическая первичных простых предлогов – тип грамматической омонимии, который обусловлен функционированием первичного предлога в строго определенных синтаксических конструкциях речи (синтаксема, словосочетание, высказывание) в глубинной структуре языка. Являясь конструктивно обусловленными, предлоги служат для осуществления ряда синтаксических (релятивных), грамматических и семантико-синтаксических функций на базе семантики данных предлогов.

Омонимы лексические (от греч. *homos* – одинаковый и *онута* – имя) – слова, связанные отношениями омонимии, т.е. слова, тождественные по форме, но разные по значению [Матвеева И. ПСЛТ 2010: 265].

Омонимы лексические гетерогенные – слова, заимствованные из разных языков и случайно совпавшие по форме в принимающем языке: *гриф*¹ (греч. «птица») – *гриф*² (нем. «рукоятка у струнных инструментов») – *гриф*³ (франц. «клеймо, штемпель»). Возможно совпадение заимствованного слова по форме с исконным словом какого-либо языка: *брак*¹ (исконно русское слово со значением «супружество») – *брак*² (нем. «дефект, изъян») [Абаев 1957: 31; Шмелёв П. ЛЭС 1998: 345].

Омонимы лексические гомогенные – омонимы, возникшие путем распада полисемии: *брань*¹ («ругань») – *брань*² («война, битва») [Белошапкина 1997: 209-212].

Омонимы лексические неполные (частичные) – омонимы, у которых одно из созвучных слов целиком (во всех своих формах или в единственной своей форме) совпадает по фонетической структуре с частью морфологических видоизменений другого слова, с частью его парадигмы или с отдельной его формой: *стук*¹ («звук») и *стук*² («стукнул») [Виноградов 1975: 307].

Омонимы лексические полные (абсолютные) (собственно омонимы) – два или более разных по значению слова, совпадающие по произношению, написанию и грамматическому оформлению, т.е. относящиеся к одной части речи и совпадающие во всех грамматических формах: *ключ¹* («родник») – *ключ²* (от замка) [Виноградов 1975: 299; Белошапкова 1997: 206].

Омонимы лексические, возникающие в результате взаимодействия общенародной и специальной лексики подязыков, имеют ряд видов:

- 1) общеязыковое уменьшительно-ласкательное слово и термин: *куколка¹* («маленькая кукла») – *куколка²* (биол. «фаза развития насекомого») [Комарова 2018: 100];
- 2) общенародное слово и термин: *сухарь¹* («засушенный кусок хлеба») – *сухарь²* (техн. «простая промежуточная деталь в механизмах машин») [Там же: 98-99];
- 3) межнаучная, или междисциплинарная омонимия: *субстрат¹* (хим. «вещество, подвергающееся превращению под действием ферментов») – *субстрат²* (биохим. «различные вещества, подвергающиеся различным превращениям в клетках живых организмов») – *субстрат³* (биол., с/х. «основа, предмет или вещество, к которому прикрепляются животные или растительные организмы в среде обитания») – *субстрат⁴* (лингв., социол. «язык местного населения, вытесненный языком завоевателей, но оказавший влияние на него») – *субстрат⁵* (терм. «та языковая единица, на базе которой создается термин лексико-семантическим способом образования») – *субстрат⁶* (филос. «общая и относительно элементарная основа содержания явлений; строительный материал того или иного уровня бытия или бытие в целом») [Там же: 100]. В межнаучной омонимии выделяются: а) абсолютные термины-омонимы: *плазма¹* (хим.) – *плазма²* (физ.); б) пересекающиеся термины-омонимы: *валентность¹* (физ.) – *валентность²* (хим.) – *валентность³* (биол.) и в) включенные термины-омонимы: *адгезия¹* (хим.) – *адгезия²* (физ.), где преобладают два последних вида [Волошина 2016: 84-85].

- 4) внутренняя омонимия в какой-либо одной отрасли знания: *головач¹* (с/х. «матерка конопля») – *головач²* (с/х. «вредитель плодовых растений») [Комарова 1991: 81-85].

Омонимы простые (корневые) – лексические омонимы, имеющие непроеизводную основу: *мир¹* («согласие») – *мир²* («Вселенная»).

Омонимы словообразовательные (производные) образованы с помощью различных словообразовательных формантов: *бумажник¹* («кошелек для бумаг,

портмоне») – *бумажник*² («работник бумажной промышленности») [Матвеева И. ПСЛТ 2010: 265; Шмелёв И. РЯЭ-2003: 288].

Омонимы функциональные – генетически родственные слова, совпадающие по звучанию и написанию, но относящиеся к разным частям речи в результате транспозиции – перехода слов из одной части речи в другую [Мигирин 1971: 142; Сидоренко 2005: 18-22]: *больной (человек)* (прил.) → *больной* (сущ).

Омофоны, фонетические омонимы (от греч. *homos* – одинаковый и *phone* – голос, звук) – разные слова, полностью совпадающие по звучанию, но не совпадающие по написанию: *грипп* – *гриб*; *сесть* – *сидеть*; *рот* – *род* [Матвеева И. ПСЛТ 2010: 266].

Омоформы, морфологические омонимы – слова одной или разных частей речи, совпадающие в звучании и написании лишь в какой-нибудь одной грамматической форме (реже – в нескольких формах): *лечу*¹ (от «лететь») – *лечу*² (от «лечить») [Виноградов 1975: 299; Матвеева И. ПСЛТ 2010: 266].

Омоформы флексий прилагательных:

- Им. п., ед. ч., муж. р.: *большой* успех, *молодой* специалист;
 - Род. п., ед. ч., жен. р.: *большой* карьеры, *молодой* женщины;
 - Дат. п., ед. ч., жен. р.: к *большой* карьере, к *молодой* женщине;
 - Тв. п., ед. ч., жен. р.: с *большой* карьерой, с *молодой* женщиной
- [Виноградов 1975: 305].

Функционально-синтаксические смыслы предлога – ситуативная характеристика знака в контексте, величина вариативная и окказиональная, противопоставленная значению предлога как инвариантной узуальной характеристике предлога – виртуального знака [Кронгауз 2001: 36-38; Звегинцев 2007: 77; Комарова, Дедюхина 2010-б: 81-84 и др.].

Приложение 3

Семантико-синтаксические функции первичных простых предлогов¹

Адресатив – обозначение лица либо группы лиц, являющихся адресатом действия.

Аппроксиматив – указание на приблизительное количество кого- или чего-либо.

Бенефактив – обозначение участника, чьи интересы затронуты в процессе

¹ Функции сформулированы на основе «Синтаксического словаря» Г.А. Золотовой [Золотова И. СС-2011], а также классификаций комплементарных падежей в работах В.В. Богданова (1977), Ч. Филлмора (1981), В.Г. Гака (1988), И.А. Стернина (1988), Ю.Д. Апресяна (1995), С.Д. Кацнельсона (2001), В.И. Теркулова (2010).

осуществления ситуации.

Делибератив – обозначение содержания речемыслительного процесса, суждения, интеллектуального действия.

Дестинатив – обозначение назначения предмета.

Дименсив – обозначение размера, исчисляемой меры величины.

Директив – обозначение направленного движения, ориентированного действия.

Инструментив – обозначение орудия действия.

Каузатив – обозначение причины действия.

Квалитатив – обозначение качества, свойства предмета.

Квантитатив – обозначение количественных характеристик.

Комитатив – обозначение сопровождающего действия, признака, сопутствующего предмета, соучаствующего лица (а также обозначение отсутствия сопровождающего действия, признака, предмета или лица).

Компаратив – обозначение сравнительных отношений.

Коррелятив – обозначение соответствия/несоответствия предмета другому предмету, назначению, норме.

Лимитатив – обозначение сферы, области, пределов реализации чего-либо.

Локатив – обозначение местонахождения.

Медиатив – обозначение способа, средства действия.

Партитив – обозначение части (либо частей) целого.

Ситуатив – обозначение внешней ситуации, природной или социальной.

Сурсив – обозначение источника информации или сенсорного восприятия.

Темпоратив – обозначение временных характеристик.

Транзитив – обозначение пути движения.

Трансгрессив – обозначение результата каузации превращения.

Фабрикатив – обозначение предмета по материалу, веществу, из которого предмет сделан, изготовлен.

Финитив – обозначение цели действия.

Омонимия предлогов в разнопадежных зависимых синтаксемах¹

Таблица 7

Омонимия предлогов HA^1 и HA^2 в разнопадежных зависимых синтаксемах

Текстовые парадигмы	Внутрисловные парадигмы семантики предлогов	
	HA^1 + имя в вин. п.	HA^2 + имя в предл. п.
I. Высказывания с обстоятельственными синтаксемами	<i>Я не скоро попал на Алтай</i> (И.А. Ефремов 1942-1943).	<i>Гриша Гай тоже смолodu служил на Дальнем Востоке...</i> (В. Рецептер 2000).
Синтаксема	[попал (куда?)] <i>на Алтай</i> $HA^1 + N$ в. п.	[служил (где?)] <i>на Дальнем Востоке</i> $HA^2 + N$ п. п.
1. Категориальное значение	отношение подчинения	
2. Субкатегориальное значение	«указание на обстоятельственные отношения»	
3. Групповое значение	«указание на пространственные отношения»	
4. Подгрупповое значение	«указание на место, географический объект, в сторону которого направлено действие либо движение, или на место, являющееся конечным пунктом движения »	«указание на место, географический объект, в пределах которого осуществляется действие или движение»
5. Частное значение	«указание на часть страны, регион, в пределы которого направлено действие либо движение»	«указание на часть страны, регион, в пределах которого происходит действие или движение»

¹ Омонимия предлогов B^1 и B^2 в разнопадежных зависимых синтаксемах дана в разделе 2.2.3.

	(директивная функция)	(локативная функция)
II. Высказывания с объективными синтаксемами	<i>Носатый человек во фраке почти истерически кричал на аккомпаниатора...</i> (М. Горький 1928-1935).	<i>В короткой речи этот московский товарищ сосредоточился на роли интеллигенции...</i> (В. Аксенов 2007).
Синтаксема	[кричал (на кого?)] <i>на аккомпаниатора</i> $HA^1 + N_{в. п.}$	[сосредоточился (на чем?)] <i>на роли интеллигенции</i> $HA^2 + N_{п. п.}$
1. Категориальное значение	отношение подчинения	
2. Субкатегориальное значение	«указание на объектные отношения»	
3. Групповое значение	«указание на лицо, являющееся объектом голосового воздействия» (функция живого объекта с директивным оттенком)	«указание на делиберативные отношения»
4. Подгрупповое значение	-----	«указание на лицо, предмет либо явление, которые составляют содержание речемыслительного процесса, суждения, интеллектуального действия» (делиберативная функция)
III. Высказывания с атрибутивными синтаксемами	<i>Еще до революции многие сапожники у нас изготавливали обувь на продажу</i> (А. Рыбаков 1975-1977).	<i>Мама надела туфли на высоких каблуках</i> (Г. Башкуев 2013).
Синтаксема	[обувь (какая? имеющая какое назначение?)]	[туфли (какие? на чем?)] <i>на (высоких) каблуках</i>

	<i>на продажу</i> $HA^1 + N_{в. п.}$	$HA^2 + N_{п. п.}$
1. Категориальное значение	отношение подчинения	
2. Субкатегориальное значение	«указание на атрибутивные отношения»	
3. Групповое значение	«указание на признак, определяющий дестинативные отношения »	«указание на признак, определяющий способ существования предмета »
4. Подгрупповое значение	«указание на признак, определяющий предназначение предмета, выраженную отвлеченными именами (с семантикой вида деятельности)» (<u>атрибутивно-дестинативная функция</u>)	«указание на признак предмета по его составной части, выступающей в качестве опоры, основания » (<u>атрибутивно-медиативная функция с локативным оттенком</u>)

Интерпретация таблицы 7.

1. В таблице 7 в оппозиции представлены две иерархические внутрисловные парадигмы семантики предлогов HA^1 и HA^2 в трех текстовых парадигмах, т.е. на каждый из трех основных типов выражаемых отношений (в таблице обозначены как I, II, III), которые наглядно показывают наличие **имплицитной неполной (частичной) предложно-падежной омонимии перекрёстного вида**, т.к. в значениях (семантико-синтаксических смыслах) предлогов присутствуют как общие семы (в обстоятельственных отношениях это уровни 1-3; в объектных и атрибутивных – 1-й и 2-й уровни иерархии), так и разные (в I типе это 4-й и 5-й уровни; во II и III типах – 3-й и 4-й уровни). **Функции** же этих предлогов в синтаксемах, как видим, различны.

2. Другой критерий соотношения (сходства и различия) омонимии и полисемии базируется на «способности языковых единиц к субституции в определенных контекстах» (выделено нами – *А.Ш.*) [Бенвенист 1974: 116, 129-132; Кожина и др.

2011]: подбор синонимов (в тех случаях, где это является возможным) указывает на омонимичный характер отношений между данными предложениями. Ср.: (обувь) **на** продажу – (обувь) **для** продажи; (туфли) **на** (высоких) каблуках – (туфли) **с** (высокими) каблуками.

Таблица 8

Омонимия предлогов C^1 , C^2 и C^3
в разнопадежных зависимых синтаксемах

Текстовые парадигмы	Внутрисловные парадигмы семантики предлогов		
	$C (CO)^1 +$ имя в род. п.	$C (CO)^2 +$ имя в вин. п.	$C (CO)^3 +$ имя в тв. п.
I. Высказывания с обстоятельственными синтаксемами	<i>Через пять минут комиссар вошел с улицы (Л.А. Кассиль 1928-1931).</i>	<i>Грибоедов подумал с минуту (Ю.Н. Тынянов 1928).</i>	<i>По глупой заграничной наивности он с жалобой в сельсовет сунулся (А. Приставкин 2005).</i>
Синтаксема	[<i>вошел</i> (откуда?)] <i>с улицы</i> $C^1 + N_{р. п.}$	[<i>подумал</i> (как долго?)] <i>с минуту</i> $C^2 + N_{в. п.}$	[<i>сунулся</i> (для чего? с какой целью?)] <i>с жалобой</i> $C^3 + N_{тв. п.}$
1. Категориальное значение	отношение подчинения		
2. Субкатегориальное значение	«указание на обстоятельственные отношения»		
3. Групповое значение	«указание на пространственные отношения»	«указание на меру действия»	«указание на финитивные отношения»
4. Подгрупповое значение	«указание на исходную точку движения, которая	«указание на меру времени» (<u>дименсивная</u>)	«указание на цель, для достижения

	покидается»	<u>функция с</u> <u>темпоративным</u> <u>оттенком)</u>	которой кто-либо обращается в какую-либо организацию, учреждение» (<u>финитивная</u> <u>функция</u>)
5. Частное значение	«указание на населенный пункт либо его часть, которые покидаются» (<u>директивная</u> <u>функция</u>)	-----	-----
II. Высказывания с объектными синтаксемами	<i>Я кормил ее</i> <i>с ложки</i> (В. Маканин 1996-1997).	-----	<i>Здесь многие ходят</i> <i>с медалью</i> <i>«За оборону</i> <i>Сталинграда»</i> (В.Н. Гельфанд 1941-1943).
Синтаксема	[<i>кормил</i> (с чего? при помощи чего?)] <i>с</i> <i>ложки</i> $C^1 + N_{p. n.}$	-----	[<i>ходят</i> (с чем?)] <i>с медалью</i> $C^3 + N_{тв. n.}$
1. Категориальное значение	отношение подчинения	-----	отношение подчинения
2. Субкатегориаль- ное значение	«указание на объектные отношения»	-----	«указание на объектные отношения»
3. Групповое значение	«указание на предмет, при помощи которого	-----	«указание на предмет или явление, которые

	осуществляется действие»		сопровождают другой предмет»
4. Подгрупповое значение	«указание на предмет обихода, при помощи которого осуществляется процесс принятия пищи» (<u>инструментивная функция</u> с оттенком способа действия)	-----	«указание на сопровождающий предмет, который не образует неделимого целого с другим предметом или явлением, однако выступает в качестве его характерной черты» (<u>комитативная функция</u>)
III. Высказывания с атрибутивными синтаксемами	<i>В Пскове он видел товары с Востока (Е. Водолазкин 2012).</i>	<i>...Мы обнаружили на прекрасной юбке Зининой мамы чернильное пятно с горошину (В. Железников 1974).</i>	<i>Глеб отставил стакан с коктейлем... (А. Иванов 2012).</i>
Синтаксема	[<i>товары</i> (какие? откуда?)] <i>с Востока</i> $C^1 + N_{p. n.}$	[<i>пятно (какое?)</i>] <i>с горошину</i> $C^2 + N_{в. n.}$	[<i>стакан (какой?)</i>] <i>с коктейлем</i> $C^3 + N_{тв. n.}$
1. Категориальное значение	отношение подчинения		
2. Субкатегориаль- ное значение	«указание на атрибутивные отношения»		
3. Групповое	«указание на признак	«указание на	«указание на

значение	предмета по месту»	признак предмета по весу, величине, размеру и т.п.»	признак предмета по другому предмету, который его сопровождает»
4. Подгрупповое значение	«указание на признак предмета по стороне света, которая выступает в качестве исходного пункта движения, перемещения» (<u>атрибутивно-директивная функция</u>)	«указание на признак, определяющий облик предмета по уподоблению другому предмету на основании величины, размера» (<u>атрибутивно-дименсивная функция с аппроксимативным оттенком</u>)	«указание на признак предмета по другому предмету, который содержится, имеется внутри» (<u>атрибутивно-комитативная функция</u>)

Интерпретация таблицы 8.

В таблице 8 в оппозиции представлены три иерархические внутрисловные парадигмы семантики предлогов C^1 , C^2 и C^3 в трех текстовых парадигмах, т.е. по трем основным типам выражаемых отношений (исключение составляет предлог C^2 в объектной текстовой парадигме, т.к. анализ выборки не выявил синтаксем с данным предлогом на указанный тип отношений).

Оппозиция внутрисловных парадигм демонстрирует наличие **имплицитной неполной (частичной) предложно-падежной омонимии перекрёстного вида**, т.к. в значениях (семантико-синтаксических смыслах) предлогов присутствуют как общие (уровни 1-2), так и разные семы: в I типе отношений это 3-4, а также 5 (для предлога C^1) уровни; во II и III типах – 3-4 уровни. **Функции** же этих предлогов в синтаксемах различны.

Омонимия предлогов $ПО^1$, $ПО^2$ и $ПО^3$
в разнопадежных зависимых синтаксемах

Текстовые парадигмы	Внутрисловные парадигмы семантики предлогов		
	$ПО^1$ + имя в дат. п.	$ПО^2$ + имя в вин. п.	$ПО^3$ + имя в предл. п.
I. Высказывания с обстоятельствен- ными синтаксемами	<i>...Я по рассеянности не запомнил дороги</i> (В.В. Каменский 1910).	<i>Шест утонул по самую рукоятку</i> (С. Наумов 1977).	-----
Синтаксема	[не запомнил (почему? по какой причине?)] <i>по рассеянности</i> $ПО^1 + N_{\text{д. п.}}$	[утонул (как? насколько глубоко?)] <i>по (самую) рукоятку</i> $ПО^2 + N_{\text{в. п.}}$	-----
1. Категориальное значение	отношение подчинения		-----
2. Субкатегориаль- ное значение	«указание на обстоятельственные отношения»		-----
3. Групповое значение	«указание на каузативные отношения»	«указание на меру действия»	-----
4. Подгрупповое значение	«указание на особенности характера, внешнего вида, состояние здоровья и т.п., которые выступают в качестве причины, основания действия (<u>каузативная функция</u>)	«указание на меру глубины» (<u>дименсивная функция</u> <u>с локативным</u> <u>оттенком</u>)	-----

II. Высказывания с объективными синтаксемами	<i>Лейтенант стукнул по столу кулаком</i> (В. Войнович 1969-1975).	-----	-----
Синтаксема	[(<i>стукнул</i>) (по чему?)] <i>по столу</i> <i>ПО¹ + N_{д. п.}</i>	-----	-----
1. Категориальное значение	отношение подчинения	-----	-----
2. Субкатегориаль- ное значение	«указание на объектные отношения »	-----	-----
3. Групповое значение	«указание на предмет, с которым происходит непосредственное соприкоснове- ние при осуществле- нии направленного действия » (<u>функция объекта, локали- зующего контактно- направленное действие</u>)	-----	-----
III. Высказывания с атрибутивными синтаксемами	<i>Он впервые пришел на лекцию по социологии</i> (Г.А. Газданов 1938).	<i>Иногда по площади шел чернобородый мужик с волосами по плечи...</i> [Р.Б. Гуль 1952).	-----
Синтаксема	[<i>лекцию (какую?)</i>] <i>по социологии</i> <i>ПО¹ + N_{д. п.}</i>	[<i>волосами (какими?)</i>] <i>по плечи</i> <i>ПО² + N_{в. п.}</i>	-----
1. Категориальное значение	отношение подчинения		-----

2. Субкатегориальное значение	«указание на атрибутивные отношения»		-----
3. Групповое значение	«указание на признак, определяющий область либо сферу деятельности, род занятий, пределы реализации понятия или явления » (<u>атрибутивно-лимитативная функция</u>)	«указание на признак, определяющий меру чего-либо»	-----
4. Подгрупповое значение	-----	«указание на признак, определяющий меру длины чего-либо» (<u>атрибутивно-дименсивная функция с</u> <u>локативным оттенком</u>)	-----

Интерпретация таблицы 9.

1. В таблице 9 в оппозиции даны иерархические внутрисловные парадигмы семантики предлогов **ПО¹** и **ПО²** в трех текстовых парадигмах, т.е. по трем основным типам выражаемых отношений. Анализ выборки не выявил синтаксем с предлогом **ПО²** на объектный тип отношений и синтаксем с предлогом **ПО³**. Словари и грамматики отмечают предлог **ПО³** как устаревший, в современном языке почти полностью вытесненный предлогом **ПО¹**.

В остальных случаях оппозиция внутрисловных парадигм демонстрирует наличие **имплицитной неполной (частичной) предложно-падежной омонимии перекрёстного вида**, т.к. в значениях (семантико-синтаксических смыслах) предлогов **ПО¹** и **ПО²** присутствуют как общие семы (уровни 1-2), так и разные (уровни 3-4). **Функции предлогов в синтаксемах при этом различны.**

2. Другой критерий соотношения (сходства и различия) омонимии и полисемии базируется на «способности языковых единиц к субституции в определенных контекстах» (выделено нами – *А.Ш.*) [Бенвенист 1974: 116, 129-132; Кожина и др.

2011]: подбор синонимов (в тех случаях, где это представляется возможным) указывает на омонимичный характер отношений между рассматриваемыми предложениями. Ср.: (не запомнил) *по* рассеянности – (не запомнил) *из-за* рассеянности; (утонул) *по* (самую) рукоятку – (утонул) *до* (самой) рукоятки.

Таблица 10

Омонимия предлогов O^1 и O^2 в разнопадежных зависимых синтаксемах

Текстовые парадигмы	Внутрисловные парадигмы семантики предлогов	
	O (ОБ, ОБО) ¹ + имя в вин. п.	O (ОБ, ОБО) ² + имя в предл. п.
I. Высказывания с обстоятельственными синтаксемами	-----	-----
II. Высказывания с объектными синтаксемами	<i>Тема вытер кулак о простыню...</i> (С. Болмат 1999).	<i>Мы беседовали о путешествиях</i> (А.П. Ладинский 1937).
Синтаксема	[<i>вытер</i> (обо что?)] <i>о простыню</i> $O^1 + N_{в. п.}$	[<i>беседовали</i> (о чем?)] <i>о путешествиях</i> $O^2 + N_{п. п.}$
1. Категориальное значение	отношение подчинения	
2. Субкатегориальное значение	«указание на объектные отношения»	
3. Групповое значение	«указание на орудие, средство действия»	«указание на делиберативные отношения»
4. Подгрупповое значение	«указание на предмет, который используется в качестве вспомогательного орудия при выполнении какого-либо намеренного действия» (инструментивная функция	«указание на лицо, предмет либо явление, которые составляют содержание речемыслительного процесса, суждения, интеллектуального

	<u>с локативным оттенком)</u>	действия» (<u>делиберативная функция</u>)
III. Высказывания с атрибутивными синтаксемами	-----	<i>Где-то явился пастух о пяти ногах</i> (Д.С. Мережковский 1905).
Синтаксема	-----	(<i>пастух</i>) (какой?) о пяти ногах $O^2 + N_{п. п.}$
1. Категориальное значение	-----	отношение подчинения
2. Субкатегориаль- ное значение	-----	«указание на атрибутивные отношения »
3. Групповое значение	-----	«указание на признак предмета по количеству частей, элементов, которые входят в его состав » (<u>атрибутивно-партитивная функция</u>)

Интерпретация таблицы 10.

1. В таблице 10 в оппозиции даны две иерархические внутрисловные парадигмы семантики предлогов O^1 и O^2 в двух текстовых парадигмах, т.е. по основным типам выражаемых отношений. Анализ выборки не выявил синтаксем с данными предлогами на обстоятельственный тип отношений и синтаксем с предлогом O^1 на атрибутивный тип отношений.

В объектной текстовой парадигме оппозиция внутрисловных парадигм демонстрирует наличие **имплицитной неполной предложно-падежной омонимии перекрёстного вида**, так как в значениях (семантико-синтаксических смыслах) предлогов O^1 и O^2 присутствуют как общие семы (уровни 1-2), так и разные (уровни 3-4). **Функции** же этих предлогов в синтаксемах, как видим, различны.

Омонимия предлогов $ЗА^1$ и $ЗА^2$ в разнопадежных зависимых синтаксемах

Текстовые парадигмы	Внутрисловные парадигмы семантики предлогов	
	$ЗА^1$ + имя в вин. п.	$ЗА^2$ + имя в тв. п.
I. Высказывания с обстоятельственными синтаксемами	<i>На картонной фабрике рабочие на тачке вывезли за ворота своего директора (С. Алексиевич 2013).</i>	<i>Собачка тявкала за воротами (Б.С. Житков 1941)</i>
Синтаксема	[вывезли (куда?)] <i>за ворота</i> $ЗА^1 + N_{в. п.}$	[тявкала (где?)] <i>за воротами</i> $ЗА^2 + N_{тв. п.}$
1. Категориальное значение	отношение подчинения	
2. Субкатегориальное значение	«указание на обстоятельственные отношения»	
3. Групповое значение	«указание на пространственные отношения»	
4. Подгрупповое значение	«указание на предмет, место, дальше которого, по другую сторону которого, через которое направлено действие либо движение или пределы которого покидаются »	«указание на предмет, место, дальше которого, по другую сторону которого совершается действие либо движение»
5. Частное значение	«указание на здание, строение либо его часть, дальше которого, по другую сторону которого, через которое направлено действие либо движение или пределы которого	«указание на здание, строение либо его часть, дальше которого, по другую сторону которого совершается действие либо движение» (<u>локативная функция</u>)

	покидаются» (<u>директивная функция</u>)	
II. Высказывания с объектными синтаксемами	<i>Мимоходом я дернул за шнурок торшера</i> (В. Рыбаков 1993).	-----
Синтаксема	[<i>дернул</i> (за что?)] <i>за шнурок</i> $3A^1 + N_{в. п.}$	-----
1. Категориальное значение	отношение подчинения	-----
2. Субкатегориаль- ное значение	«указание на объектные отношения »	-----
3. Групповое значение	«указание на орудие, средство действия » (<u>инструментивная функция</u>)	-----
III. Высказывания с атрибутивными синтаксемами	<i>8-го числа я совершил прогулку за город на извозчике...</i> (В.М. Бехтерев 1900).	<i>Мы уже два раза приезжали на одну виллу за городом</i> (Л.В. Немцев 2008).
Синтаксема	[<i>прогулку</i> (какую? куда?)] <i>за город</i> $3A^1 + N_{в. п.}$	[<i>виллу</i> (какую? где?)] <i>за городом</i> $3A^2 + N_{тв. п.}$
1. Категориальное значение	отношение подчинения	
2. Субкатегориаль- ное значение	«указание на атрибутивные отношения»	
3. Групповое значение	«указание на признак по месту»	
4. Подгрупповое значение	«указание на признак по месту, дальше которого, по другую сторону которого, через которое что-либо направлено »	«указание на признак по месту, дальше которого, по другую сторону которого что-либо находится » (<u>атрибутивно-локативная</u>

	(атрибутивно-директивная функция)	функция)
--	--------------------------------------	----------

Интерпретация таблицы 11.

1. В таблице 11 в оппозиции представлены две иерархические внутрисловные парадигмы семантики предлогов $ЗА^1$ и $ЗА^2$ в трех текстовых парадигмах, т.е. на каждый из трех основных типов выражаемых отношений (обозначены как I, II, III). Анализ материала из выборки не выявил зависимых синтаксисов с предлогом $ЗА^2$ на объектный тип отношений.

В остальных случаях оппозиция внутрисловных парадигм демонстрирует наличие **неполной предложно-падежной омонимии перекрёстного вида**, поскольку в значениях (семантико-синтаксических смыслах) предлогов $ЗА^1$ и $ЗА^2$ присутствуют как общие семы (уровни 1-3), так и разные (в I типе отношений это 4-5 уровни; в III типе – 4-й уровень). **Функции** же предлогов в синтаксисах являются различными.

Таблица 12

Омонимия предлогов $ПОД^1$ и $ПОД^2$ в разнопадежных зависимых синтаксисах

Текстовые парадигмы	Внутрисловные парадигмы семантики предлогов	
	$ПОД (ПОДО)^1 +$ имя в вин. п.	$ПОД (ПОДО)^2 +$ имя в тв. п.
I. Высказывания с обстоятельственными синтаксисами	<i>Лизанька вернулась домой под Рождество</i> (В. Личутин 1987).	<i>Береза моя любимая за окном кренился под ветром</i> (В. Пригодич 2003).
Синтаксиса	[вернулась (когда?)] <i>под Рождество</i> $ПОД^1 + N_{в. п.}$	[кренился (отчего? по какой причине?)] <i>под ветром</i> $ПОД^2 + N_{тв. п.}$
1. Категориальное значение	отношение подчинения	
2. Субкатегориальное значение	«указание на обстоятельственные отношения»	

3. Групповое значение	«указание на временные отношения »	«указание на причину, по которой совершается действие »
4. Подгрупповое значение	«указание на знаменательное событие, праздник, незадолго до которого что-либо происходит, совершается действие или движение » (<u>темпоративная функция с аппроксимативным оттенком</u>)	«указание на предмет либо явление, под влиянием которого, в результате воздействия которого что-либо происходит, совершается действие или движение » (<u>каузативная функция с ситуативным оттенком</u>)
II. Высказывания с объектными синтаксемами	<i>Потом я танцевала под аплодисменты зала...</i> (Л. Иванова 2000).	<i>А люди понимали под этим искусством какое-то черчение домов, глаз, носов, цветов.</i> (Н.А. Полевой 1833).
Синтаксема	[<i>танцевала</i> (в сопровождении чего? на фоне чего?)] <i>под аплодисменты (зала)</i> ПОД¹ + N в. п.	[<i>понимали</i> (под чем?)] <i>под (этим) искусством</i> ПОД² + N тв. п.
1. Категориальное значение	отношение подчинения	
2. Субкатегориальное значение	«указание на объектные отношения»	
3. Групповое значение	«указание на предмет или явление, которые сопровожают другой предмет»	«указание на область либо сферу деятельности, пределы реализации действия » (<u>лимитативная функция</u>)
4. Подгрупповое	«указание на звуковое	-----

значение	действие, которое выступает в качестве фонового сопровождения действия или движения» (<u>комитативная функция</u> с ситуативным оттенком)	
III. Высказывания с атрибутивными синтаксемами	<i>Я выравнивал место под две оставшиеся палатки</i> (Д. Каралис 2002).	<i>Место под сиденьем используется для аккумулятора...</i> (А. Игнатов 1974).
Синтаксема	[<i>место</i> (какое? для чего?)] <i>под палатки</i> ПОД¹ + N в. п.	[<i>место</i> (какое? где?)] <i>под сиденьем</i> ПОД² + N тв. п.
1. Категориальное значение	отношение подчинения	
2. Субкатегориаль- ное значение	«указание на атрибутивные отношения»	
3. Групповое значение	«указание на признак, определяющий назначение предмета либо места, пространства»	«указание на признак предмета по месту »
4. Подгрупповое значение	«указание на признак, определяющий назначение предмета (либо места, пространства) для размещения, хранения, строительства, выращивания и т.п. чего-либо» (<u>атрибутивно-дестинативная функция</u>)	«указание на признак, характеризующий предмет по его расположению ниже какого-либо уровня » (<u>атрибутивно-локативная функция</u>)

Интерпретация таблицы 12.

1. В таблице 12 в оппозиции даны две иерархические внутрисловные парадигмы семантики предлогов *ПОД*¹ и *ПОД*² в трех текстовых парадигмах (т.е. на каждый из трех основных типов выражаемых отношений), которые демонстрируют наличие **частичной (неполной) предложно-падежной омонимии перекрёстного вида**, так как в значениях (семантико-синтаксических смыслах) предлогов присутствуют как общие семы (1-2 уровни иерархии), так и разные (3-4 уровни). **Функции** же этих предлогов в синтаксемах различны.

2. Другим критерием соотношения (сходства и различия) омонимии и полисемии является способность языковых единиц к субституции: подбор синонимов (в тех случаях, где это представляется возможным) указывает на омонимичный характер отношений между данными предлогами. Ср.: (вернулась) *под* Рождество – (вернулась) *перед* Рождеством; (кренится) *под* ветром – (кренится) *из-за* ветра.

Таблица 13

Омонимия предлогов *МЕЖДУ*¹ и *МЕЖДУ*² в разнопадежных зависимых синтаксемах

Текстовые парадигмы	Внутрисловные парадигмы семантики предлогов	
	<i>МЕЖДУ (МЕЖ)</i> ¹ + имя в род. п.	<i>МЕЖДУ (МЕЖ)</i> ² + имя в тв. п.
I. Высказывания с обстоятельственными синтаксемами	<i>Но после этого мы опять пробирались между скал целые полчаса</i> (Н.Т. Муравьев 1844).	<i>Крылатая тень пронеслась между землей и луной</i> (М. Семёнова 2003).
Синтаксема	[<i>пробирались</i> (где?)] <i>между скал</i> <i>МЕЖДУ</i> ¹ + N _{р. п.}	[<i>пронеслась</i> (где?)] <i>между землей и луной</i> <i>МЕЖДУ</i> ² + N _{тв. п.}
1. Категориальное значение	отношение подчинения	
2. Субкатегориальное значение	«указание на обстоятельственные отношения»	
3. Групповое	«указание на пространственные отношения»	

значение		
4. Подгрупповое значение	«указание на пространство между двумя и более однородными предметами, в котором кто- или что-либо находится, совершается действие либо движение» (<u>локативная функция</u>)	«указание на пространство между двумя и более однородными или неоднородными предметами либо двумя и более однородными или неоднородными точками, в котором кто- или что-либо находится, совершается действие либо движение» (<u>локативная функция</u>)
II. Высказывания с объектными синтаксемами	-----	<i>А еще между ними я не вижу сахалинской физиономии господина Муравьёва...</i> (А.Ф. Кони 1906).
Синтаксема	-----	[не вижу (среди кого? в числе кого?)] <i>между ними</i> МЕЖДУ² + N_{тв. п.}
1. Категориальная сема	-----	отношение подчинения
2. Субкатегориальное значение	-----	«указание на объектные отношения »
3. Групповое значение	-----	«указание на совместность, сопричастность »
4. Подгрупповое значение	-----	«указание на группу лиц, предметов, в числе которых кто- или что-либо находится, к числу которых принадлежит,

		в совокупность которых включается» (<u>комитативная функция</u>)
III. Высказывания с атрибутивными синтаксемами	<i>Нюра рассмотрела его в прогале меж ветвей...</i> (В. Личутин 1973).	<i>Он заглядывал в узкое пыльное пространство между стеной и тяжелым сундуком...</i> (С. Юрский 1972-1978).
Синтаксема	[прогале (каком?)] <i>меж ветвей</i> МЕЖДУ¹ + N_{р. п.}	[пространство (какое?)] <i>между стеной и (тяжелым)</i> сундуком МЕЖДУ² + N_{тв. п.}
1. Категориальное значение	отношение подчинения	
2. Субкатегориаль- ное значение	«указание на атрибутивные отношения»	
3. Групповое значение	«указание на признак по месту»	
4. Подгрупповое значение	«указание на признак, характеризующий предмет по его пространственному положению между двумя и более однородными предметами» (<u>атрибутивно-локативная</u> <u>функция</u>)	«указание на признак, характеризующий предмет по его пространственному положению между двумя и более однородными либо неоднородными предме- тами» (<u>атрибутивно-</u> <u>локативная функция</u>)

Интерпретация таблицы 13.

В таблице 13 в оппозиции представлены две иерархические внутрисловные парадигмы семантики предлогов **МЕЖДУ¹** и **МЕЖДУ²** в трех текстовых парадигмах, т.е. по трем основным типам выражаемых отношений. Анализ не выявил синтаксем с предлогом **МЕЖДУ¹** на объектный тип отношений. Анализ обстоятельственных и

атрибутивных отношений показывает, что в ряде случаев предлоги в синтаксемах имеют очень близкие значения и могут употребляться взаимозаменяемо. Словари и грамматики фиксируют предлог *МЕЖДУ*¹ как устаревший либо просторечный, в современном языке почти полностью вытесненный предлогом *МЕЖДУ*², т.е. разница главным образом стилистическая.

Тем не менее, область употребления данных предлогов совпадает не полностью. Как видно из таблицы, синтаксемы с предлогом *МЕЖДУ*² могут выражать значение, не передаваемое синтаксемами с предлогом *МЕЖДУ*¹ (когда речь идет о двух и более неоднородных предметах в пространстве).

Таким образом, в отличие от других предлогов, употребляемых с разными падежами имени, перекрёстная омонимия у *МЕЖДУ*¹ и *МЕЖДУ*² проявляется минимально, «точечно» («мозаично»).

Приложение 5

Система смыслов/значений и функций предлогов, употребляющихся с двумя либо тремя падежами имени

Таблица 14

Система смыслов/значений и функций¹ предлогов *В*¹ и *В*²

Отношения	<i>В (ВО)</i> ¹ + имя в вин. п.	<i>В (ВО)</i> ² + имя в предл. п.
<u>Обстоятельственные</u> (81 % и 76 % от всех употреблений данных предлогов) І. Пространства	1) «Указание на место, географический объект (страну, город, деревню, лес, поле и т.п.), в сторону которого направлено действие либо движение, или на место, являющееся конечным	1) «Указание на место, географический объект (страну, город, деревню, лес, поле и т.п.), внутри или в пределах которого осуществляется действие либо движение». 2) «Указание на здания,

¹ В Приложении 5 представлены наиболее частотные значения и функции предлогов в разнопадежных зависимых синтаксемах (по данным анализа материала в выборке).

II. Времени	пунктом движения». 2) «Указание на здания, помещения либо части зданий, внутри или в пределы которых направлено действие либо движение». 3) «Указание на место осуществления какой-либо деятельности, в сторону которого направлено действие либо движение». 4) «Указание на транспортное средство, внутри которого направлено действие либо движение» (во всех случаях – <u>директивная функция, иногда в сочетании с объектной либо с объектным оттенком</u>). 1) «Указание на момент, срок совершения действия»; а) «указание на возраст лица, в котором что-либо происходит»; б) указание на день недели, время суток, во время которых что-либо происходит (в обоих случаях – <u>темпоративная функция</u>); в) «указание на общественное событие, праздник, памятную дату, во время которых, на фоне которых что-либо	помещения либо части зданий, внутри или в пределах которых осуществляется действие или движение». 3) «Указание на место деятельности, коллектив, совокупность лиц, в котором что-либо происходит» (во всех случаях – <u>локативная функция, иногда в сочетании с объектной либо с объектным оттенком</u>). 1) «Указание на период времени, в который совершается действие; а) указание на месяц, год, в который что-либо происходит; б) указание на период жизни, в который что-либо происходит (в обоих случаях – <u>темпоративная функция</u>).
---------------------------	---	---

	происходит»; г) «указание на природные явления, во время которых, на фоне которых что-либо происходит» (в обоих случаях – <u>темпоративная функция с ситуативным и комитативным оттенком</u>). 2) «Указание на отрезок времени, за который совершается действие» (значение, синонимичное значению предлога <i>ЗА</i>¹) (<u>темпоративная функция с дименсивным оттенком</u>).	
III. Цели (финитивных отношений)	1) «Указание на цель, ради которой совершается действие (<u>финитивная функция</u>).	-----
IV. Меры и количества	1) «Указание на меру действия» (<u>дименсивная функция</u>). 2) «Указание на изменение количественного показателя» (<u>дименсивно-квантитативная функция</u>).	-----
<u>Объектные</u> (15 % и 19 % от всех употреблений данных предлогов)	1) «Указание на предмет, в сторону или внутрь которого направлено действие (<u>объектно-директивная функция, иногда</u>	1) «Указание на предмет, внутри которого происходит действие или движение» (<u>объектно-локативная функция</u>).

	<u>с оттенком контактного действия</u>). 2) «Указание на предмет, в сторону или внутрь которого помещается либо внедряется другой предмет» (<u>объектно-директивная функция с оттенком контактного действия</u>). 3) «Указание на лицо, предмет либо явление, которые составляют содержание речемыслительного процесса, суждения, интеллектуального действия» (<u>делиберативная функция</u>). 4) Указание на изменение состояния предмета в результате какого-либо действия»; а) «указание на форму, вид, новое качество, которые приобретает кто- или что-либо в результате какого-либо действия»; б) «указание на переход частей в целое»; в) «указание на разделение предмета на части или на уничтожение предмета» (во всех случаях – <u>трансгрессивная функция с оттенком образа действия</u>).	2) «Указание на область либо сферу деятельности, род занятий, пределы осуществления действия» (<u>лимитативная функция</u>). 3) «Указание на принадлежность лица к какой-либо категории, группе лиц» (<u>комитативная функция</u>). 4) «Указание на психическое, эмоциональное либо физическое состояние, в котором, на фоне которого кто-либо совершает действие или движение» (<u>комитативная функция</u>).
--	--	--

<u>Атрибутивные</u> (4 % и 5 % от всех употреблений данных предлогов)	5) «Указание на предмет, в который кто- или что-либо облекается, заключается, который кто-либо надевает» (<u>объектно-директивная функция с оттенком внешнего покрытия</u>). 6) «Указание на орудие, средство действия» (<u>инструментивная функция</u>). 1) «Указание на признак, определяющий пространственную направленность предмета (<u>атрибутивно-директивная функция и атрибутивно-директивно-объектная функция</u>)». 2) «Указание на признак, определяющий меру, количество, величину, размер и т.п.» (<u>атрибутивно-дименсивно-квантитативная функция</u>).	1) «Указание на признак, определяющий пространственное положение предмета» (<u>атрибутивно-локативная функция и атрибутивно-локативно-объектная функция</u>). 2) «Указание на признак, определяющий внешний вид, облик предмета» (<u>атрибутивно-квалитативная функция с оттенком внешнего покрытия</u>). 3) «Указание на признак, определяющий количество частей, единиц, из которых что-л. состоит» (<u>атрибутивно-квантитативная функция</u>).
---	---	--

Система смыслов/значений и функций предлогов HA^1 и HA^2

Отношения	HA^1 + имя в вин. п.	HA^2 + имя в предл. п.
<u>Обстоятельственные</u> (65 % и 87 % от всех употреблений данных предлогов) I. Пространства	1) «Указание на место, географический объект, в сторону которого направлено действие либо движение, или на место, являющееся конечным пунктом движения». 2) «Указание на предмет, на поверхность которого направлено действие либо движение». 3) «Указание на место деятельности, мероприятие (обычно коллективное), на участие в которых направлено действие либо движение». 4) «Указание на транспортное средство, внутри которого направлено действие либо движение» (во всех случаях – <u>директивная функция, иногда в сочетании с объектной либо с</u>	1) «Указание на место, географический объект, в пределах которого осуществляется действие или движение». 2) «Указание на предмет, на поверхности которого осуществляется действие» (в обоих случаях – <u>локативная функция, иногда в сочетании с объектной либо с объектным оттенком, а также иногда с оттенком образа действия</u>).

II. Времени	<u>объектным оттенком</u>). 1) «Указание на срок, дату, на которые что-либо планируется, с наступлением которых что-либо совершается или должно совершиться». 2) «Указание на срок, на который распространяются результаты действия». 3) «Указание на срок, непосредственно следующий за чем-либо» (во всех случаях – <u>темпоративная функция</u>).	«Указание на временной отрезок, в пределах которого длится действие»; а) «указание на часть суток как время совершения действия»; б) «указание на неделю как время совершения действия»; в) «указание на возраст как время совершения действия» (во всех трех случаях – <u>темпоративная функция</u>); г) «указание на событие, мероприятие (обычно коллективное), во время которого, на фоне которого совершается действие» (<u>темпоративно-локативная функция с ситуативно-комитативным оттенком</u>).
III. Причины	«Указание мотива, основания, повода действия» (<u>каузативная функция</u>).	-----
IV. Меры и количества	«Указание на меру количественной характеристики действия либо количественный показатель изменений, происходящих в результате совершаемого действия (<u>дименсивно-</u>	-----

	2) Указание на признак, определяющий объект физического либо голосового воздействия (<u>атрибутивно-объектная функция с директивным оттенком</u>). 3) «Указание на признак, определяющий дестинативные отношения (назначение, предназначенность предмета)» (<u>атрибутивно-дестинативная функция</u>). 4) «Указание меры как признака предмета» (<u>атрибутивно-дименсивно-квантитативная функция</u>).	<u>объектная функция</u>). 2) «Указание на признак, определяющий способ существования предмета» (<u>атрибутивно-медиативная функция</u>). 3) «Указание на признак, определяющий внешний вид, облик предмета» (<u>атрибутивно-объектная функция с оттенком внешнего покрытия</u>).
--	--	--

Таблица 16

Система смыслов/значений и функций предлогов C^1 , C^2 и C^3

Отношения	$C(CO)^1 +$ имя в род. п.	$C(CO)^2 +$ имя в вин. п.	$C(CO)^3 +$ имя в тв. п.
<u>Обстоятельственные</u> (83 %, 83,5 % и 20 % от всех употреблений данных предлогов) I. Пространства	1) «Указание на исходную точку движения, которая покидается». 2) Указание на предмет, место,	-----	-----

	с поверхности которого что-либо удаляется, отделяется» (в обоих случаях – <u>директивная</u> <u>функция</u>, иногда <u>с оттенком образа</u> <u>действия</u>). «Указание на начальный момент действия, процесса» (<u>темпоративная</u> <u>функция</u>).	-----	«Указание на событие, явление, с наступлением которого или вслед за которым что-либо совершается, происходит» (<u>темпоративная</u> <u>функция</u>).
III. Меры	-----	«Указание на меру действия»; а) «указание на меру времени» (<u>дименсивно-</u> <u>темпоративная</u> <u>функция</u>); б) «указание на меру расстояния» (<u>дименсивно-</u> <u>директивная</u> <u>функция</u>);	-----

		в) «указание на меру веса либо количества» (<u>дименсивно- квантитативная функция</u>) (<u>во всех трех случаях – с аппроксимативным оттенком</u>).	
IV. Образа и способа действия	«Указание на характер соверше- ния действия» (<u>функция образа действия</u>)».	-----	«Указание на способ, средство действия» (<u>медиативная функция</u>).
V. Причины	«Указание на эмоциональное, физическое и т.п. состояние, которое выступает в качестве причины действия» (<u>каузативная функция</u>).	-----	-----
VI. Цели (финитивных отношений)	-----	-----	«Указание на цель, для достижения которой кто-то куда-то приходит, прибывает, обращается» (<u>финитивная</u>

VII. Условия <u>Объектные</u> (11 % и 56 % от всех употреблений предлогов C^1 и C^3)	«Указание на явление, которое выступает в качестве условия совершения действия» (<u>кондициональная функция</u>)». 1) «Указание на предмет, с которого начинается действие» (<u>объектная функция с темпоративным оттенком</u>). 2) «Указание на сферу деятельности, род занятий и т.п., которых кто-либо лишается, которые оставляет» (<u>лимитативная функция с директивным оттенком</u>). 3) «Указание на предмет, при помощи которого осуществляется действие» (<u>инструментивная</u>	----- -----	<u>функция</u>). ----- 1) «Указание на лицо или предмет, которые участвуют в действии с другим человеком или предметом» (<u>объектно-субъектная функция</u>). 2) «Указание на предмет, который испытывает на себе действие со стороны субъекта или другого предмета» (<u>объектная функция с директивным оттенком</u>). 3) «Указание на предмет или
--	---	---------------------------	---

<u>Атрибутивные</u> (6 %, 16,5 % и 24 % от всех употреблений данных предлогов)	<u>функция</u>). 4) «Указание на лицо или предмет как источник получения, извле- чения чего-либо» (<u>бенефактивная</u> <u>функция</u> <u>с директивным</u> <u>оттенком</u>). 5) «Указание на лицо или предмет, который является источником для воспроизведения, подражания» (<u>сурсивная</u> <u>функция</u>). 1) «Указание на признак предмета по месту» (<u>атрибутивно-</u> <u>директивная</u> <u>функция</u>).	«Указание на признак предмета по весу, величине, размеру и т.п.» (<u>атрибутивно-</u> <u>дименсивная</u> <u>функция с</u> <u>аппроксимативным</u> <u>оттенком</u>).	явление, которые сопровожают другой предмет» (<u>комитативная</u> <u>функция</u>). 1) «Указание на признак предмета по другому предмету, который его сопровождает» (<u>атрибутивно-</u> <u>комитативная</u> <u>функция</u>). 2) «Указание на признак предмета на основании способа, средства действия»
--	--	--	--

			(<u>атрибутивно-медиативная функция</u>). 3) «Указание на признак предмета на основании цели действия» (<u>атрибутивно-финитивная функция</u>).
--	--	--	---

Таблица 17

Система смыслов/значений и функций¹ предлогов *ПО¹* и *ПО²*

Отношения	<i>ПО¹</i> + имя в дат. п.	<i>ПО²</i> + имя в вин. п.
<u>Обстоятельственные</u> (83 % и 90 % от всех употреблений данных предлогов) I. Пространства	1) «Указание на предмет, место, на поверхности либо в пределах которых происходит действие или движение». 2) «Указание на место, которое часто либо регулярно посещается» (в обоих случаях — <u>транзитивная функция, также</u>	-----

¹ При анализе материала из выборки не зафиксировано употребление предлога *ПО³* с предложным падежом имени. Наблюдается нейтрализация омонимии предлогов *ПО¹* и *ПО²* с **количественным значением** (см. таблицу), при этом словари фиксируют употребление предлога *ПО²* как более разговорный вариант [Морковкин П. ОСРЯ 2003: 261], т.е. разница в значении и употреблении предлогов в данном случае чисто стилистическая.

II. Соответствия	<u>в сочетании с объектной и с оттенком образа действия).</u> «Указание на предмет, явление, состояние, предписание и т.п., в соответствии с которым, на основании которого что-либо происходит, совершается действие либо движение» (<u>коррелятивная функция</u>).	-----
III. Образа и способа действия	1) «Указание на характер совершения действия» (<u>функция образа действия</u>). 2) «Указание на способ, средство действия» (<u>медиативная функция</u>).	-----
IV. Меры	-----	«Указание на меру действия» (<u>дименсивная функция</u>).
V. Причины	«Указание на каузативные отношения» (<u>каузативная функция</u>).	-----
VI. Времени	«Указание на регулярное, повторяющееся действие» (<u>темпоративная функция</u>).	«Указание на временной предел, до которого что-либо длится, происходит» (<u>темпоративная функция</u>).
VII. Количества	«Указание на количество кого- или чего-либо, которое	«Указание на количество кого- или чего-либо, которое

VIII. Цели (финитивных отношений) <u>Объектные</u> (12 % от всех употреблений предлога <i>ПО</i>¹) <u>Атрибутивные</u> (5 % и 10 % от всех употреблений данных предлогов)	приходится на каждое лицо, предмет, место и т.п.» (<u>квантитативно- дистрибутивная функция</u>). ----- 1) «Указание на предмет, с которым происходит непосредственное соприкосновение при осуществлении направленного действия» (<u>функция объекта, локализирующего контактно- направленное действие</u>). 2) «Указание на область, сферу деятельности, род занятий и т.п., пределы реализации действия» (<u>лимитативная функция</u>). 1) «Указание на признак предмета по месту, на поверхности либо в пределах которого происходит действие или движение». 2) «Указание на признак предмета по месту, которое часто либо	приходится на каждое лицо, предмет, место и т.п.» (<u>квантитативно- дистрибутивная функция</u>). «Указание на предмет, с целью получения которого совершается действие» (<u>финитивная функция</u>). ----- 1) «Указание на признак, определяющий меру чего-либо» (<u>атрибутивно-дименсивная функция</u>). 2) «Указание на признак, определяющий целевое назначение явления (<u>атрибутивно-финитивная функция</u>)».
--	---	--

	регулярно посещается» (в обоих случаях – <u>атрибутивно-транзитивная</u> <u>функция</u>). 3) «Указание на признак, определяющий область либо сферу деятельности, род занятий, пределы реализации какого-либо понятия или явления» (<u>атрибутивно-лимитативная</u> <u>функция</u>). 4) «Указание на свойство, признак, на основании которого, в соответствии с которым характеризуется лицо либо предмет» (<u>атрибутивно-коррелятивная</u> <u>функция</u>). 5) «Указание на признак предмета или явления по времени» (<u>атрибутивно-</u> <u>темпоративная функция</u>). 6) «Указание на целевое назначение предмета или явления» (<u>атрибутивно-</u> <u>каузативная функция</u>). 7) «Указание на признак, дающий количественную характеристику предмета либо явления»	3) «Указание на признак, дающий количественную характеристику предмета либо явления» (<u>атрибутивно-квантитативно-</u> <u>дистрибутивная функция</u>).
--	---	--

	(атрибутивно-квантитативно- дистрибутивная функция).	
--	---	--

Таблица 18

Система смыслов/значений и функций предлогов O^1 и O^2

Отношения	$O (ОБ, ОБО)^1$ + имя в вин. п.	$O (ОБ, ОБО)^2$ + имя в предл. п.
<u>Обстоятельственные</u>	-----	-----
<u>Объектные</u> (100 % и 93 % от всех употреблений данных предлогов)	1) Указание на предмет, с которым кто- или что-либо непроизвольно сталкивается или соприкасается при движении либо действии» (<u>объектная функция с оттенком</u> <u>контактно-направленного</u> <u>действия</u>). 2) «Указание на предмет, который используется в ка- честве вспомогательного ору- дия при выполнении какого- либо намеренного действия» (<u>инструментивная функция</u>).	«Указание на лицо, предмет либо явление, которые составляют содержание речемыслительного процесса, суждения, интеллектуального действия» (<u>делиберативная функция</u>).
<u>Атрибутивные</u> (7 % от всех употреблений предлога O^2)	-----	1) «Указание на признак речемыслительного процесса, суждения, выступления и т.п. по лицу, предмету или явлению, которые составляют его содержание» (<u>атрибутивно-</u> <u>делиберативная функция</u>). 2) «Указание на признак

		предмета по количеству частей, элементов, которые входят в его состав» (<u>атрибутивно-партитивная функция</u>).
--	--	---

Таблица 19

Система смыслов/значений и функций предлогов $3A^1$ и $3A^2$

Отношения	$3A^1$ + имя в вин. п.	$3A^2$ + имя в тв. п.
<u>Обстоятельственные</u> (59 и 97 % от всех употреблений данных предлогов)		
I. Пространства	«Указание на место, дальше которого, по другую сторону которого, через которое направлено действие либо движение или пределы которого покидаются » (<u>директивная функция</u>).	«Указание на место, дальше которого, по другую сторону которого кто-либо что-либо находится , совершается действие либо движение» (<u>локативная функция</u>).
II. Временные	«Указание на отрезок времени , за который совершается действие» (<u>темпоративная функция с дименсивным оттенком</u>).	1) «Указание на деятельность (например, прием пищи), на фоне которой что-то происходит» (<u>темпоративная функция с комитативным оттенком</u>); 2) «Указание на временную последовательность событий » (<u>темпоративная функция с объектным оттенком</u>).
III. Причины	«Указание на событие, факт,	-----

IV. Цели (финитивных отношений) V. Количества <u>Объектные</u> (40 % от всех употреблений предлога ЗА¹)	ситуацию, явление, которые явились причиной, основанием для какого-либо действия» (<u>каузативная функция</u>). «Указание на явление, ситуацию, дело и т.п., ради блага, торжества которого совершается действие, ведется борьба и т.д.» (<u>финитивная функция</u>). «Указание на величину, которая превышает» (<u>квантитативная функция</u>). 1) «Указание на лицо или предмет, который берут, которого касаются, до которого дотрагиваются (<u>объектная функция с оттенком</u> <u>контактно-направленного</u> <u>действия</u>)». 2) «Указание на орудие, средство действия» (<u>инструментивная функция</u>). 3) «Указание на лицо, дальше которого, за спину которого направлено движение» (<u>функция живого объекта</u> <u>с директивным оттенком</u>). 4) «Указание на лицо, вместо которого совершает	«Указание на предмет, с целью получения которого совершается действие» (<u>финитивная функция</u>). ----- -----
--	---	--

<u>Атрибутивные</u> (1 % и 3 % от всех употреблений данных предлогов)	действие другое лицо» (<u>заместительная функция</u>) 1) «Указание на признак по месту, дальше которого, по другую сторону которого, через которое что-либо направлено» (<u>атрибутивно-директивная функция</u>). 2) «Указание на признак, выступающий в качестве причины какого-либо чувства, переживания» (<u>атрибутивно-каузативная функция либо атрибутивно-каузативно-объектная функция</u>)	1) «Указание на признак по месту, дальше которого, по другую сторону которого что-либо находится» (<u>атрибутивно-локативная функция и атрибутивно-локативно-объектная функция</u>). 2) «Указание на признак предмета по времени» (<u>атрибутивно-темпоративная функция</u>). 3) «Указание на целевое назначение предмета или явления» (<u>атрибутивно-финитивная функция</u>).
---	---	---

Таблица 20

Система смыслов/значений и функций предлогов *ПОД*¹ и *ПОД*²

Отношения	<i>ПОД (ПОДО)</i> ¹ + имя в вин. п.	<i>ПОД (ПОДО)</i> ² + имя в тв. п.
<u>Обстоятельственные</u> (74 % и 80,5 % от всех употреблений данных предлогов) I. Пространства	1) «Указание на пространство ниже какого-либо уровня, в пределы которого направлено действие либо движение».	1) «Указание на пространство ниже какого-либо уровня, в пределах которого кто- или что-либо находится или движется».

<u>Атрибутивные</u> (7 % и 9 % от всех употреблений данных предлогов)	(<u>комитативная функция</u>). 1) «Указание на признак предмета по его назначению» (<u>атрибутивно-дестинативная функция</u>). 2) «Указание на признак предмета или явления по времени» (<u>атрибутивно-темпоративная функция</u>). 3) «Указание на признак лица, предмета или явления по приблизительному верхнему количественному пределу» (<u>атрибутивно-квантитативная функция с аппроксимативным оттенком</u>).	2) Указание на лицо, ниже уровня которого кто- или что-либо находится или движется» (<u>функция живого объекта с локативным оттенком</u>). 1) «Указание на признак, характеризующий предмет по его расположению ниже какого-либо уровня» (<u>атрибутивно-локативная функция и атрибутивно-локативно-объектная функция</u>). 2) «Указание на признак, характеризующий географический объект (город, деревню, лес и т.п.) по его расположению неподалеку от, в окрестностях чего-либо» (<u>атрибутивно-локативная функция</u>).
---	--	---

Таблица 21

Система смыслов/значений и функций предлогов *МЕЖДУ*¹ и *МЕЖДУ*²

Отношения	<i>МЕЖДУ (МЕЖ)</i> ¹ + имя в род. п.	<i>МЕЖДУ (МЕЖ)</i> ² + имя в тв. п.
<u>Обстоятельственные</u> (72 % и 36 % от всех употреблений данных предлогов) I. Пространства	«Указание на пространство между двумя и более	«Указание на пространство между двумя и более

II. Времени <u>Объектные</u> (40 % от всех употреблений предлога <i>МЕЖДУ</i>²)	однородными предметами, в котором кто- или что-либо находится, совершается действие либо движение» (<u>локативная функция</u>)¹. «Указание на промежуток между двумя одинаковыми видами деятельности, в который что-либо происходит, совершается действие либо движение» (<u>темпоративная функция</u>). -----	однородными или неоднородными предметами либо двумя и более однородными или неоднородными точками, в котором кто- или что-либо находится, совершается действие либо движение» (<u>локативная функция, иногда в сочетании с объектной, а также иногда с оттенком образа действия</u>)¹. «Указание на промежуток между двумя одинаковыми или разными видами деятельности, в который что-либо происходит, совершается действие либо движение» (<u>темпоративная функция</u>). 1) «Указание на два и более одушевленных лица, между которыми кто- или что-либо находится, располагается, происходит действие либо движение» (<u>функция живого объекта с локативным оттенком</u>). 2) «Указание на лица, предметы, явления и т.п., которые сопоставляются, сравниваются, противопоставляются друг
--	--	--

¹ У предлога *МЕЖДУ* омонимия находится в стадии нейтрализации (см. Раздел 2.2.3).

<u>Атрибутивные</u> (28 % и 24 % от всех употреблений данных предлогов)	«Указание на признак, характеризующий предмет по его пространственному положению между двумя и более однородными предметами» <u>(атрибутивно-локативная функция).</u>	другу» (<u>компаративная функция</u>). 3) «Указание на совместность, сопричастность» (<u>комитативная функция</u>). 1) «Указание на признак, характеризующий предмет по его пространственному положению между двумя и более однородными либо неоднородными предметами» (<u>атрибутивно-локативная функция</u>). 2) «Указание на признак, характеризующий временной интервал между однородными либо неоднородными событиями или явлениями» (<u>атрибутивно-темпоративная функция</u>). 3) «Указание на признак, характеризующий сходство либо разницу между какими-либо лицами или предметами на основе их сравнения, сопоставления» (<u>атрибутивно-компаративная функция</u>). 4) «Указание на признак, характеризующий предмет по его местоположению между двумя и более одушевленными лицами» (<u>атрибутивно-</u>
---	---	---

		<u>объектная функция</u> <u>с локативным оттенком</u>).
--	--	---

Приложение 6

Таблица 22

Предикативные центры прототипических высказываний
(извлечения из НКРЯ)

Субъект	↔	Предикат	Субъект	↔	Предикат
Засов		дребезжит	Вода		журчала
Она		читает	Собака		выла
Делегация		прибудет	Девочка		одевается
Я		увидел	Бродяга		удирает
Иван Кириллов		плывет	Они		приехали
Ребенок		ползает	Мы		следим
Мужчина		едет	Мальчик		стучит
Мы		бежим	Привратник		бормочет
Инженер		изобрел	Губернатор		рассказал
Гости		приходят	Саня с Костей		копают
Ребята		приезжают	Лодки		плавали
Официант		налил	Рабочий		обтачивает
Я		насыпал	Человек		идет
Егор		положил	Пуля		вылетает
Мужчина и женщина		идут	Мальчик		выполз
Барышня		допивает	Кошка		мурлычет
Наталья Арсеньевна		вникла	Хозяин		посеял
Гондола		подплывает	Мужчина		отворил
Он		вдыхает	Ласточка		летит
Девушка		отворяет	Трактористы		вспахали
Собаки и свиньи		грызут	Ты		опоздаешь
Странник		блуждал	Звонок		зазвенел
Я		напишу	Коровы		мычат
Мы		перетащим	Мы		переплывем

Она	вскрикивает	Я	наблюдала
Люся	вылила	Птички	порхают
Мересьев	полз	Старик	зашаркал
Человек	приковылял	Спасатели	работали
Утка	выплывает	Пацанёнок	подбежит
Работники	пашут	Учащиеся	записывают
Мы	расскажем	Юхнов	служит
Девочка	рисует	Он	доедет
Парень	подошел	Разбойница	вбегает
Медведь	залезет	Мы	приезжаем
Толпа	следит	Жонглер	убежал
Черепахи	вылезают	Жена	придет
Отец и сын	умываются	Динка	привязывает
Мама с бабушкой	пошли	Ребята	идут
Трава	шуршит	Отец	кашляет
Женя	толкнул	Я	вздыхаю
Я	спешу	Анюта	шепчет
Дети	ездят	Женщина	говорила
Таня	поливает	Ты	увидишь
Полковник Андреев	ерзает	Девочка	отскочила
Ребенок	дышал	Я	залезу
Толстяк	прячет	Белки	скачут
Они	поедут	Влад и Нина	танцуют
Писатель	приехал	Он	пересчитал
Яблоко	падает	Капли	падали
Мы	выбрали	Утята	пищат
Я	взглянул	Петров	записывает
Лось	вышел	Феня	застонала
Мухи	прилетают	Мальчик	размотал
Я	размышляю	Папа	привезет
Мы	работаем	Сосед	поглядел
Девушка	смотрела	Снег	падает

Мы с соседом	едем	Стая	пролетает
Вяземский	отшвырнул	Папа с мамой	сооружали
Дождик	хлынул	Он	отбросил
Семья	съедает	Старики	выбегают
Пацаны	бегут	Вы	забудете
Нюша	слезла	Педро	отомстил
Человек	запоминает	Бульдозер	тарыхтел
Режиссеры и продюсеры	рассказывают	Мы	прибыли
Поезд	прибывает	Я	развесил
Дворник	приколачивает	Акушерка	глядит
Цикады	стрекочат	Ты	уедешь
Сын	спрашивает	Хозяйка	варит
Кот	прошмыгнул	Геолог	тонет
Екатерина	накричала	Григорий	спрыгивает
Дед	курит	Сосед	заглядывает
Машина	подъехала	Ты	бежишь
Мы	вкатили	Я	шагаю
Иванов и Саша	вбегают	Суп	булькал
Жена	колотит	Отец	убрал
Куры	раскапывают	Звери	рычат
Я	вздрагиваю	Я	подъеду
Он	думал	Мы с Витькой	влезли
Лёнечка	барабанил	Она	засунула
Братья	семянат	Подросток	зубрит
Они	пьют	Повара	маринуют
Царь	замышляет	Фрау Штуле	положила
Она	прибежит	Жуки	жужжали
Алеша Бельский	погрузил	Я	приеду
Мамаша	шла	Пираты	проникли
Люся	думала	Молодежь	бежит
Я	протянул	Он	зашагал
Добряков	макает	Колька и мама	обедают

Вы	придете	Цыплята	клевали
Он	заехал	Барсуков	рухнул
Парочка	спешит	Алка	путешествует
Муж	моет	Сотников	полез
Саша	протянул	Слезы	потекли
Абонент	выбыл	Тигрица	пришла
Фонтан	журчал	Птица	долетит
Георгий Иванович	выливает	Ольга	села
Кот	подпрыгнул	Тётя Лиза	ушла
Я	ездила	Фонарщик	бредет
Маша	кушала	Петька	юркнул
Бабушка	принесла	Голубь	дрожит
Армянин	кричит	Вы	видите
Сотрудники	исследуют	Секретарша	прочитала
Люди	выскакивают	Она	рассуждала
Дочурка	смотрит	Отец	выволакивает
Мы	идем	Щенок	пищал
Вы	дойдете	Волна	опрокинула
Они	уходили	Лодка	причалила
Племя	кочует	Слон	сбежал
Следователь	упомянул	Хищники	нападают
Мальчик и девочка	строили	Рязанов	размышляет
Михаил Семёныч	привез	Вертолет	доставил
Класс	наблюдает	Аркашка	отбежал
Князь	услышит	Продавщица	швыряет
Ты	расскажешь	Она	приехала
Ворон	каркает	Биологи	изучают
Народ	придет	Поэт	подбегает
Я	подлез	Посетитель	моется
Товарищ Парфёнов	придвинул	Компьютер	вычисляет
Караваны	бредут	Муж	увезет
Они	ремонтируют	Вера	вышла

Она	ковыляет	Я	уюду
Костяков и Сторожев	пошли	Она	чувствует
Вы	предостерегли	Доктор	пододвинул
Женщина	всхлипывает	Офицер	разорвал
Скворцы	налетели	Бородач	разглядывает
Лягушка	прыгает	Собака	проглатывает
Публика	выходила	Автодрезина	примчалась
Рыжий Пёс	рассматривал	Антип	рыбачит
Он	обмакнул	Ты	пихнул
Аэропланы	улетают	Денщик	уронил
Оливер	мечтает	Автор	описывает
Софья Игнатьевна	просит	Красавица	вскрикнула
Трактор	выехал	Адмирал	ворчал
Человек	шагает	Николай	втаскивает
Воробей	выпорхнул	Хрусталёва	отодвинула
Маша с Санькой	вошли	Пилот	вышвырнул
Дядя Саня	наливает	Студентка	выбегает
Я	спою	Полярники	залезли
Синица	прыгает	Мы	разделись
Иванушка	пляшет	Гигант	отхлебнул
Федя	убегает	Папа	бреется